

ИЗЪ
РУССКАГО БЫТА.

СОЧИНЕНІЕ

М. Б. ЧИСТЯКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ И. А. КОСАНОВА.

Въ типографіи В. Безобразова и Комп.
(Вас. Остр., 8 лѣтъ, №. 45.)

1868.

ИЗВОЗЪ.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ КРЕСТЬЯНСКАГО БЫТА.

Рѣдко случается, чтобы русскій крестьянинъ жилъ опратно: то бѣдность, то непрерывная работа, то небрежность и лѣнь. Но въ деревнѣ Уточкѣ былъ такой случай: на косогорѣ, на которомъ она была разбросана, у самой рѣчки стояла старая избенка. Въ ней жилъ молодой крестьянинъ съ женою. Они оба выросли сиротами, гдѣ день, гдѣ ночь; родства у нихъ никакого не было; сдружились они еще съ дѣтства, когда Марья пасла гусей и индѣекъ, а Иванъ—овець и поросятъ; часто приходилось имъ вмѣстѣ плакать отъ холоду, голоду и хозяйскихъ побоевъ; часто они въ осеннюю и весеннюю слякоть, дрожа, молча, жались у дым-

наго костра и въ пустомъ, уныломъ полѣ горевали однимъ, общимъ горемъ.

Можетъ быть, отъ того-то они теперь такъ и любятъ другъ друга. Міромъ дали имъ ветхую избенку. Они выправили, вычинили ее, настлали въ ней полъ, завели самую необходимую утварь, купили лошадь, корову, получили въ уплату за работу пару овецъ, пару куръ и утокъ, начали съ особенною любовью заниматься хозяйствомъ и, какъ только можно было лучше, устроили свой бытъ. Воротясь съ работы, поѣвъ и отдохнувъ, мужъ принимался вить, или плести сбрую, стругать новую ось, вставлятъ въ колесо выпавшія спицы, накладывать соломы на то мѣсто избы, или навѣса, гдѣ протекалъ дождь, и т. д. Жена все выскребетъ, вымоетъ, вымететъ въ избѣ, набросаетъ соломы въ сарай, переполощетъ посуду, и сядетъ то прядь, то шить что нибудь для себя и для мужа, или придумываетъ, какъ лучше сберечь куринья яйца на зиму, какъ запасти въ прокъ масла. Можно сказать, ни одна минута не проходила у нихъ безъ дѣла; разумѣется, не всегда было дѣло тяжелое: этого и вынести было бы невозможно; но, вѣдь, во всякомъ быту, крестьянскомъ и некрестьянскомъ, есть множество мелочей, которыми надо безпрестанно заниматься, чтобы жизнь устроилась умно и пріятно; пренебреги ими — и

пойдетъ путаница и изъ мелочей накопится такая груда беспорядка, что съ ней ужъ и не сладишь. Стали они хорошо обживаться; завелось у нихъ довольно скота и домашней птицы: весной, бывало, по двору прыгаютъ курчавенькіе барашки, кудахтаютъ и квокчутъ насѣдки, весело пищать, какъ бархатомъ покрытые цыплятки, а утенята, чуть изъ яйца, ужъ и бѣгутъ въ лужицу, образовавшуюся изъ снѣжной воды на лугу, и полощатся въ ней, шныряя между молодымъ, желтѣющимъ лопушникомъ. Свѣтла была жизнь молодыхъ хозяевъ; имъ не часто случалось бывать вмѣстѣ; на разговоры у нихъ мало бывало времени; но занимаясь врозь каждый своимъ дѣломъ, они точно будто между собою разговаривали, и тепло бывало у нихъ на душѣ, когда работа шла успешно: мужъ думалъ, что это обрадуетъ жену, жена—что обрадуетъ мужа. Взаимная привязанность ихъ съ каждымъ годомъ становилась дружественнѣй и нѣжнѣй. Они не думали, чтобы имъ пришлось когда-нибудь разлучаться; избенка ихъ дѣлалась для нихъ все милѣй; а лѣтомъ кругомъ нея былъ настоящій рай: подлѣ самыхъ оконъ, назади, росло пять, шесть яблонь, рябинъ, липъ, нѣсколько кустовъ черной и красной смородины, и лѣсъ-лѣсомъ стоялъ густой малинникъ; по обѣимъ сторонамъ избы далеко шли загоны пшеницы, овса и ячменя.

Когда, бывало, все это зазеленѣетъ, зацвѣтетъ, да въ теплый ясный день озолотится солнцемъ — Боже — какая красота, какая сладость и въ свѣтѣ, и въ цвѣтахъ, и въ воздухѣ! А сколько птицъ-то налетитъ! Сколько крику, сколько звуковъ — и бойкихъ, и радостныхъ, и жалобныхъ! Чего-то душѣ онѣ не наговорятъ! И все это такое доброе, такое свѣтлое! Выдутъ, бывало, въ праздникъ Иванъ и Марья, сядутъ на заваленкѣхъ подъ яблонью, и смотреть, и слушаютъ молча, точно будто кто-нибудь имъ изъ каждаго колоса, изъ каждаго цвѣтка и листика говоритъ умныя, кроткія, ласковыя рѣчи, точно будто въ крикѣ перепеловъ, весничекъ, овсянокъ, иволги и дятла отзывается не птичье, а человѣчье сердце, даже лучше, чѣмъ человѣчье.

Зачѣмъ же бы такимъ работающимъ, честнымъ, простымъ и добрымъ людямъ, разлучаться другъ съ другомъ и разставаться съ такимъ счастливымъ житьемъ? А пришлось; и вотъ, какъ пришлось это нехорошо: однажды налетѣла буря съ дождемъ и градомъ и на рѣкѣ забила утку со всѣми утенятами, дыплятъ потаскали вороны, корову зарѣзалъ волкъ, почти всѣ овцы переболѣли и попадали отъ сильныхъ жаровъ; хлѣбъ отъ засухи родился дурно; надобно было работать и у себя, и на сторонѣ, чтобъ запастись на зиму — мужъ ходилъ въ одну

деревню, жена въ другую; домъ оставался безъ призора; пользуясь этимъ и ужасаясь подступающаго голода, многіе изъ мужиковъ начали тянуть къ себѣ чужое; ворочаясь домой, наши труженики находили, что у нихъ то на дворѣ посняты колеса съ телѣги, то съ гумна растасканы снопы; даже въ горшкахъ и чашкахъ оказывался недочетъ — сосѣдки пораскрали; Иванъ и Марья досадовали тосковали; а дѣлать нечего — надобно было опять идти изъ дому и оставлять его на разоренье. Жаловались старостѣ: но это не помогло. — «Смотри самъ, говорилъ онъ; что-жъ, мнѣ съ тобой нянчиться, что-ль? У меня своего дѣла много. Не обьискивать же изъ-за тебя цѣлую деревню! Поймай, кто крадетъ, уличи — тогда и разсудимъ міромъ, кто правъ, кто виноватъ». А какъ поймать, когда цѣлую недѣлю не бываешь дома? Какъ уличить? Горшки, колеса, снопы всѣ похожи одинъ на другой. Марья рвалась, мучилась и отъ чрезмѣрной работы и печали заболѣла. Мужъ бился изо всѣхъ силъ, не зналъ покоя ни днемъ, ни ночью, а все видѣлъ, что не заработаетъ, сколько нужно для прокормленья себя и жены и для посѣва на будущій годъ. Хотя Марья и оправилась отъ болѣзни, но рабочее время ушло; средствъ выбиться изъ нужды не осталось. Стали они молоть невѣяный хлѣбъ, подсыпать въ муку мякины, толченой коры,

ѣсть вполголода; а все какъ ни рассчитывали, до *нови* не было возможности дотянуть. Ими начало овладѣвать уныніе: смерть было имъ жаль другъ друга. Ходили они совѣтоваться къ священнику. Онъ поговорилъ съ ними ласково, погоревалъ и сказалъ наконецъ: «что-жъ я могу сдѣлать? Посмотрите — у меня у самаго закромы пусты, ребяташки оборваны и ревуть съ голоду; а тамъ вонъ четверыхъ отвезъ за полтораста верстъ въ семинарію; надо заплатить за квартиру, надо одѣть, обувь, хоть на зиму, — лѣтомъ-то въ какихъ ни на есть дырявыхъ халатишкахъ и босикомъ будутъ бѣгать въ классы, — надо муки впередъ посылать, а то хозяйка съ квартиры сгонить.... Охъ, натерпятся они, мои голубчики, горя. Сію минуту нанялся бы куда-нибудь въ работники; да, нѣтъ, говорятъ, нельзя: священный санъ не позволяетъ. А это позволяетъ священный санъ, чтобъ я ходилъ въ отрепьяхъ, чтобъ жена моя съ утра до вечера убивалась въ черной работѣ, чтобъ дѣти мои — тоже будущіе священно-служители, жили въ какомъ-нибудь отвратительномъ вертепѣ, на квартирѣ у пьяной и развратной мѣщанки, среди бродягъ и негодяевъ всякаго рода? — Да, друзья мои, горько вамъ и горько намъ. Что-жъ дѣлать? Будемъ терпѣть и биться, пока не приметъ земля; а увывать все-таки не падобно. Миѣ нѣтъ выхо-

ду; развѣ дѣти выучатся, выдутъ въ люди, да помогутъ хоть на старости лѣтъ; я — какъ столбъ, вкопанный въ землю; а вамъ бы я совѣтовалъ походить по околodку, да поискать дѣла: кто-жъ нибудь нуждается въ работникахъ: ну, хоть зиму прокормятъ. Я вамъ дамъ листъ, что вы честные, богобоязненные люди, что на васъ можно положиться, какъ на свою душу; можетъ быть, кто-нибудь и повѣритъ, и вамъ послужитъ впрокъ мое доброе слово». Онъ далъ имъ свидѣтельство, благословилъ ихъ, снова повторилъ, чтобъ они не унывали, простился съ ними и, провожая ихъ глазами, грустно покачалъ головою. Собственно — онъ ничего не сдѣлалъ для бѣдныхъ крестьянъ, но онъ ихъ не обидѣлъ, не растравилъ и безъ того ужъ слишкомъ наболѣвшаго сердца, братски горевалъ съ ними и тѣмъ ужъ облегчилъ часть ихъ горя, поддержалъ упадающую душу и своимъ совѣтомъ внушилъ бѣднякамъ рѣшимость покинуть свои углы и пуститься на удалую, искать счастья, то есть куска хлѣба и спасенья отъ голодной смерти. Иванъ и Марья бодрѣ вернулись домой, точно будто въ закромѣ ихъ прибавилось нѣсколько мѣръ хлѣба, бодрѣ толковали, какъ принятыя искать работы, и положили, что женѣ слѣдуетъ оставаться дома — беречь свои пожитки, которые безъ нихъ до тла бы растащили; а мужу отправляться на заработки,

хоть на край свѣта — въ чужую губернію. На другой же день Иванъ поѣхалъ въ чье-то имѣніе, въ которомъ управляющимъ былъ образованный, даже ученый старикъ, бросившій службу, извѣстный въ цѣломъ округѣ, какъ неугомонно дѣятельное, честное и добрѣйшее существо. Иванъ, подѣхавъ къ его дому, оробѣлъ, остановился у воротъ, смотритъ во все стороны, то скинетъ шапку, то надѣнетъ, боязливо заглядываетъ на дворъ, ищетъ глазами кого-нибудь, чтобъ спросить, да никого нѣтъ. Управляющій увидѣлъ его изъ окна и постучалъ по стеклу, давая знать, чтобъ онъ вошелъ въ комнату. Но крестьянинъ подумалъ, что его отгоняютъ, что онъ сталъ не на мѣстѣ, отѣхалъ къ дорогѣ и остановился въ сугробѣ. Управляющему это было ужъ не въ диковину, онъ понималъ, въ чемъ дѣло, выбѣжалъ на крыльцо и кликнулъ Ивана къ себѣ. Крестьянинъ схватилъ съ своей головы шапку и сталъ подходить, ведя за узду лошадь. — «Да, надѣвай шапку — вишь, какой холодъ!» крикнулъ ему управляющій; «отведи лошадь на дворъ подъ навѣсъ, прибавилъ онъ рѣзко, положи ей — тамъ есть — сѣно, да бѣги скорѣй въ комнату, мнѣ некогда!»

— Экій строгій, подумалъ Иванъ и совсѣмъ растерялся, однакожь сѣна бросилъ лошади, и со всѣхъ ногъ кинулся къ управляющему.

«Что тебѣ надо, любезный? спросилъ управляющій прежде, нежели Иванъ успѣлъ притворить дверь.

— Я, Петръ Ѳедорычъ, къ твоей милости... то есть нужда такая пришла, что не приведи Гос....

«Что-жъ тебѣ надобно, другъ мой? сказалъ Петръ Ѳедоровичъ ужъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Иванъ тотчасъ сообразилъ, что тутъ долго разговаривать нечего и молча подалъ свидѣтельство отъ священника. Управляющій, пробѣжавъ его быстро, сказалъ: «да, ты честный человѣкъ, и священникъ тоже честный человѣкъ; я его знаю; вы, навѣрное, горемыки оба: только мошенники слишкомъ скоро разживаются. Чего-жъ ты отъ меня хочешь?»

— Работы.

«Какой?»

— Какой угодно.

«Хочешь ѣхать въ извозъ съ рогожами?»

— Изволь.

«Отправляются завтра; будь готовъ до обѣда. Харчи мои; половину денегъ впередъ; тебѣ — какъ всѣмъ, по прежнему. Прощай!»

Иванъ хотѣлъ было что-то говорить; но Петръ Ѳедоровичъ стоялъ ужъ у конторки и что-то записывалъ. Крестьянинъ вышелъ на крыльцо, постоялъ немного, протверживая мысленно столько

предметовъ, мгновенно, вдругъ на него нахлынувшихъ: «въ извозъ, съ рогожами, завтра, до обѣда, харчи его, половину впередъ» — все это онъ будто вписывалъ въ свою память, опасаясь, чтобъ чего нибудь не забыть, не затерять на дорогѣ. Бдучи домой, онъ тысячу разъ это перебиралъ, передумывалъ, готовясь обо всемъ перетолковать съ женой. Странно: дѣло это, очевидно, выводило его изъ страшнаго положенія, а между тѣмъ пугало его. Жена напротивъ очень обрадовалась этому и тотчасъ принялась готовить все къ отъѣзду. Но при прощаньѣ произошла сцена, которая очень ее опечалила. Она поѣхала провожать мужа. Крестьяне, отправлявшіеся въ извозъ, были всѣ изъ одной деревни. Появленіе *чужаго* человѣка между ними было для нихъ очень непріятно: «вотъ, принесла нелегкая,» говорили они между собой; «что, у насъ мужиковъ своихъ что-ли нѣту? Надобно было выкапывать этакую диковину, Богъ вѣсть, откуда. Выискался товарищъ! Кто его просилъ? За чѣмъ?»

— А за чѣмъ? сказалъ одинъ сварливый мужикъ. «Я знаю, за чѣмъ: за тѣмъ онъ къ намъ навязывается, чтобы вотъ — что тамъ такое случится на дорогѣ, Петру Федоровичу переносить, пересказывать, наушничать, *мутлянить*.

«А что про насъ пересказывать? подхватили нѣ-

сколько человекъ, пересказывай себѣ; у насъ все—ничего, какъ слѣдуетъ, все чисто и гладко, все будетъ по-прежнему — не въ первой ѣздимъ».

— Не въ первой-то, не въ первой, сказалъ одинъ мужикъ въ полголоса; да, известное дѣло, когда лишній человекъ, оно все нехорошо: ну, если тамъ, что и бываетъ на дорогѣ, между своими оно и умретъ, никто ни гу-гу; а когда лишній человекъ—глядишь—что-нибудь и выдетъ; иногда съ дуру проболтается.

«Съ дуру!» Зашумѣла толпа; «знаемъ мы этихъ молодцовъ! Съ дуру! Нѣтъ, не съ дуру, а съ умысла, изъ корысти, чтобъ подслужиться, да накаверзничать другимъ».

— Накаверзничать? крикнуло нѣсколько голосовъ; на кого накаверзничать? На насъ? Да пикни онъ только, смѣй только подумать—мы ему вмигъ шею свернемъ, мы его такъ проучимъ, что онъ языкъ-то прикусить.

«Проучишь!» говорила другая партія; «проучи; гляди-ка, онъ тебя скорѣй проучить; пожалуй, на слѣдующую зиму Петръ Ѳедоровичъ другимъ мужикамъ рогожи отдастъ, а ты и сиди себѣ дома за печкой».

— А знаете, что, братцы, крикнулъ одинъ разгорячившійся парень: «не принимать его, да и только! Что, въ самомъ дѣлѣ, явился не вѣсть кто,

не вѣсть откуда, можетъ быть, плутъ какой-нибудь — станетъ веревки тамъ, либо сѣно, либо овесь у лошадей таскать; угляди за нимъ.... Не принимать его, братцы, вотъ и все тутъ!

«Оно бы, вѣстимо, слѣдовало не принимать, отвѣчали многіе, да какъ же ты не примешь, если Петръ Ѳедоровичъ велитъ? Не самъ же онъ насильно къ намъ навязывается; позволеніе ему, значить, дано. Дѣлать-то нечего—побряхтишь, побряхтишь, поморщишь рожу, да и примешь въ товарищи.

Тутъ всякій началъ говорить ужъ про себя, ни къ кому не обращаясь и никого не слушая: «Эхъ, Петръ Ѳедоровичъ! Ну, что онъ это вздумалъ? А еще добрый человѣкъ! За что-жъ насъ обижать?

— И что за охота этому косолапому медвѣдю лѣзть къ намъ на досаду? И намъ не въ удовольствіе, и самому не въ радость. Что ужъ за компанія, когда товарищамъ не по нраву?

«Говорятъ, у нихъ тамъ голодъ, ѣсть, вишь ты, нечего; а намъ, что за дѣло, что ему ѣсть нечего? Что, мы ходили, что-ли, въ ихъ деревню милостыни просить?

— Шель бы куда-нибудь еще! А то вѣтъ, къ намъ претъ; какъ будто только и мѣста на свѣтѣ, что у насъ.

«И оборванецъ какой-нибудь, глядишь; за столъ сѣсть рядомъ съ нимъ стыдно на постояломъ дворѣ.

— И лошаденка, чай, щедущая, кожа да кости; изволь его поджидать, пока дотянется.

«Глядишь, на самомъ теплой одежонки нѣтъ; замерзнетъ на дорогѣ, окочурится — въ бѣду изъ-за него попадешь.

— Либо хныка какой-нибудь, лазарь рыночный: «батюшки, помогите, милостивцы, не оставьте, того ему дай, другаго дай». Нѣтъ, голубчикъ, отъ меня не жди ничего!

«И отъ меня!

— И отъ меня!

«Никто ничего не дадимъ; какъ хочешь, такъ и дѣлайся; а то хоть себѣ пропадай; какъ окочуришься, такъ въ другой разъ не захочешь съ нами ѣхать.

Такъ противъ бѣднаго Ивана ни за что, ни про что, ожесточались люди, къ которымъ въ товарищество гнала его горькая неволя.

Онъ, разумѣется, ничего этого не зналъ и ѣхалъ, воображая найти въ нихъ добродушный пріемъ и участіе къ своей бѣдности. Жена провожала его. Они сидѣли молча. Иванъ, опасаясь опоздать, гналъ свою лошадку крупною рысью. Мужики замѣтили его издали и съ недоброжелательствомъ ворчали: «вишь, какъ гонить! Какъ на свадьбу! Хоть бы лошади-то пожалѣлъ! Еще и бабу какую-

то съ собой волочетъ: жена, должно быть; ужъ не на продажу-ль вмѣстѣ съ рогожами? Али, чтобъ она присматривала за нимъ, маленькимъ дитяткой! Чтобъ спать его укладывала, котика сбѣраго ему на постояломъ дворѣ пѣла!»

Въ это время къ нимъ подъѣхали наши бѣдняки. Остановясь, Иванъ слѣзъ съ саней, подошелъ къ мужикамъ, снялъ шапку и поздоровался. Никто не отвѣчалъ ему. «Что-жъ это они такъ?» подумалъ Иванъ и, желая завязать разговоръ, спросилъ: «что, братцы, вы, что-ли, ѣдете въ извозъ?»

— Ну, братцевъ-то пока у тебя здѣсь еще нѣтъ; посмотримъ, наживешь ли ихъ.

Эта непривѣтливость такъ и кольнула въ сердце Ивану. Онъ потупилъ глаза и вздохнулъ. Жена чуть не заплакала. — «Вѣдь нынче поѣдемъ?» спросилъ опять Иванъ.

«Мы нынче, а ты когда — не знаемъ», отвѣчали ему.

Онъ пошелъ къ Петру Ѳедоровичу.

— Глядите, глядите, братцы, заговорили мужики: вишь, онъ, ничега не видя, какъ носъ задралъ! Вишь, куда полѣзъ! Насъ знать не хочетъ! Мы-жъ тебя проучимъ, голубчикъ!

«Эй, ты, ворона, закричали нѣкоторые, обращаясь къ женѣ Ивана, скажи своему пѣхтеру,

чтобъ онъ не ѣздилъ съ нами; а не то — придется лихо такъ, что съ дороги воротится.

— Батюшки мои, сказала умоляющимъ голосомъ Марья, что-жъ онъ вамъ сдѣлалъ такое? Вѣдь онъ не по своей волѣ ѣдетъ; намъ ѣсть нечего.

«А кору, какъ зайцы, гложите, отвѣчали ей: вамъ чай, не въ первый разъ: привыкли; а то, вишь, небось, папушниковъ захотѣли, калачей московскихъ! Да, нѣтъ, мы его самого въ калачъ свернемъ!

— Ахъ, ты, Господи, Боже мой! вскрикнула Марья. За что напасть такая? Этакъ, ужъ лучше не ѣхать; а то — они замучать его тамъ.

«Замучимъ, говорили, зубоскала, мужики, непременно замучимъ, на первой осинѣ повѣсимъ.

Въ это время вышелъ Петръ Ѳедоровичъ съ Иваномъ. Мужики замолкли, сняли шапки и смотрѣли съ такимъ серьезнымъ, скромнымъ, даже смиреннымъ видомъ, какъ будто у нихъ ничего дурнаго на душѣ не было. Обласканный управляющимъ, получивъ отъ него задатку больше, нежели сколько ожидалъ, Иванъ радостно бросился къ женѣ и, отдавая ей половину полученныхъ денегъ, говорилъ: «ну, слава Богу! Теперь поправимся; а если еще удастся на обратномъ пути захватить какую-нибудь кладь, то исправимъ всѣ протори и заживемъ по прежнему». Но Марья была очень

печальна. — «Не горюй, сказалъ онъ ей; что-жъ дѣлать, что расстаемся? Вѣдь не надолго: къ веснѣ ворочусь.

— Я не отъ того.

«Отъ чего-же?

— Да, вотъ, мужики-то на тебя очень злобятся; право, я боюсь: они съ тобой что-нибудь сдѣлаютъ на дорогѣ.

«Э, пустяки! Что они со мной сдѣлаютъ? Развѣ у насъ безсудная земля? Станутъ лаяться, я буду молчать, они и уймутся; кому что нужно на дорогѣ, помогу; куда сходить за кого надобно, схожу; со всякимъ буду привѣтливъ; авось, за добро хоть зла-то дѣлать не станутъ.

— Голубчикъ мой! Ужъ не поперечь ты имъ, свеси лучше.... а то — они, право, тово...

«Небось, небось, все будетъ хорошо; только-бъ Богъ здоровье далъ.

— Ну, братцы, сказалъ Петръ Федоровичъ, накладывайте везы, да и съ Богомъ; времени тратить нечего; днемъ раньше приѣдете, раньше дома за работу приметесь. Да, смотрите, не обижайте другъ друга на дорогѣ....

«За что обижать, заговорили мужики, обижать не для чего; мы все свой; вотъ чтобъ *чужой* кто насъ не обидѣлъ, тебя опосля не огор-

чиль; а намъ что? Мы все объ тебѣ, объ твоей милости....

— Ну, хорошо, хорошо: о моемъ огорченіи не хлопочите; дѣлайте хорошенько свое дѣло. Живо!

Мужики отправились къ анбарамъ накладывать рогожи. Иванъ подѣхалъ было раньше другихъ. — «Куда лѣзешь? Закричали ему; постарше тебя есть; вишь, выискался — больно проворенъ».

Иванъ отѣхалъ прочь и сталъ позади всѣхъ; но, чтобы задобрить ихъ, пошелъ таскать рогожи и помогать укладывать. Мужики — ничего, не отгоняли его; только ласковаго слова ему никто не сказалъ, а еще покрикивали на него, какъ будто на своего работника. Вотъ всѣ везы уже наложены: дошла очередь до него; онъ ужъ усталъ; а надобно было торопиться: всѣ завязываютъ веревки, укрупиваютъ кладь; совсѣмъ готовы; стали вмѣстѣ, оборотились къ церкви и усердно начали молиться Богу.

«А онъ-то и лба не перекрестить, окаянный! сказалъ кто-то.

— Ну, чортъ съ нимъ! отвѣчалъ другой; мы и безъ него помолимся.

А у Ивана со лба катился потъ градомъ. Жена, тоже запыхавшись, хлопотала около воза. Мужики, не дождавшись его, тронулись въ путь. Иванъ поспѣшно окончилъ свое дѣло, попрощался

съ женой, перекрестился самъ, перекрестилъ ее, потянулся издали за извозомъ, какъ одинокій гусь за чужимъ стадомъ. Взъѣхавъ на снѣжный гребень возвышенія, съ котораго дорога круто спускалась въ оврагъ, онъ оглянулся назадъ въ послѣдній разъ, снялъ шапку, потомъ присѣлъ на облучекъ саней, махнулъ кнутомъ, юркнулъ внизъ и скрылся. Марья поклонилась до земли и заплакала, какъ бы умоляя ее беречь дорогаго путника. А тутъ, какъ нарочно, закурилась, закрутила вьюга. Не въ первый разъ было деревенской женщиной встрѣчать мятель въ полѣ, въ лѣсу, въ глухую полночь на незнакомой, забитой сугробами дорогѣ; приходилось слышать ей, вмѣстѣ съ вытьемъ разбушевавшагося вѣтра, и вытье голодныхъ волковъ, и она знала, что значить зимою голодный волкъ; однажды въ ея глазахъ алчная, бѣшенная стая, въ мигъ, подлѣ самой деревни, разорвала и растащила по клочкамъ лошадь, мужика и ребенка. Но никогда, при отправленіи съ дорогу, ей не было страшно ни за себя, ни за мужа; а теперь сердце ея такъ и упало. Посмотрѣвъ нѣсколько минутъ въ пустынную, мутную, снѣгомъ клубящуюся даль, она побрела домой. Петръ Федоровичъ видѣлъ, какъ она помогала мужу, провожала его, какъ пала ницъ, когда онъ скрылся изъ глазъ. — «Добрая душа, должно бытъ,» сказалъ онъ, — «не

мастеръ я и не охотникъ толковать съ *ними*; расплачутся, поди—утѣшай; а какъ мнѣ утѣшать? Я дѣло сдѣлаю; а утѣшать — какъ тутъ? Да и времени нѣтъ; однакожь, спрошу, можетъ быть, ей что-нибудь надо: мужикъ-то говорилъ.... Эй, голубушка! Поди сюда на минуточку.

Марья подошла.

«Что ты, вѣдь, жена Ивана?»

— Да, батюшка, вотъ того, который послѣдній поѣхалъ.

«Кто у васъ дома остался?»

— Никого, батюшка; я осталась одна-одинохонька.

«Какъ-же? Это, я думаю, неудобно.

— Да такъ-то неудобно, что теперь въ свою избу, какъ въ могилу идти. — Говоря это, Марья залилась слезами.

«Ну, бѣда!» подумалъ Петръ Ѳедоровичъ; «такъ и есть; что тутъ дѣлать? Еслибъ жена была дома, послалъ бы къ ней; а то изволь самъ справляться. — Послушай, сказалъ онъ, какъ тебя зовутъ?»

— Марьей.

«Ну, вотъ видишь ли, что, Марья.... (Ахъ, ты, Боже милосердый! Какія тутъ слова прибирать надобно)! Твой мужъ поѣхалъ въ извозъ.

— Поѣхалъ, батюшка; да такъ сердце ноетъ, какъ будто я его похоронила живаго.

«А ты совсѣмъ одна осталась?»

— Я ужъ говорила твоей милости; что одна-одинехонька, горькая сиротина.

«Это, вѣдь, нехорошо.

— Да такъ-то нехорошо, что и сказать нельзя.

«Не хочешь ли жить у моей жены, пока твой мужъ пріѣдетъ?»

— Гдѣ это, батюшка? Въ дворнѣ?

«Да, у меня на дворѣ, въ хороммахъ.

— Нѣтъ, батюшка, не хочу.

«Отъ чего?»

— Да меня тутъ твое холопье осмѣетъ, опозоритъ, ѣдма съѣстъ, въ воровство еще какое-нибудь втянетъ.

«Нѣтъ, небось: у меня, вѣдь, холопей нѣту; есть одна дѣвушка для жены, одинъ старикъ для меня, да поваръ еще.

— А тамъ, глядишь, у дѣвушки—двѣ, три товарки, съ старикомъ нѣсколько козачковъ, у повара — поварята подручные, да сѣнныя дѣвушки, да псари.... Нѣтъ, спасибо!

«Небойся, никого такого не водится: всѣхъ, только—я, жена моя, дѣвушка, старикъ слуга, да поваръ.

— Пятеро, стало быть?

«Пятеро.

— Право.... я не знаю.

«Что-жъ тутъ не знать? Мы тебѣ тотчасъ работу дадимъ, чтобъ ты даромъ хлѣба не ѣла, да еще копѣйку какую-нибудь сбила себѣ.

— Это, вѣстимо; это бы хорошо; да не знаю, какъ съ избыой.... Избы-то своей мнѣ очень жалко. Кажись, она горевать будетъ, одна, пустая, глухая.

«Ну, пусть себѣ немножко погорюеть; послѣ будетъ больше радоваться, когда мужъ твой съ деньгами воротится. Я пошлю къ тебѣ сани, собери все, перевозки сюда и сама переѣзжай.

Она переѣхала.

Хозяева приняли ее съ истиннымъ добродушіемъ; прислуга встрѣтила ее ласково, какъ давно знакомую; ей назначено было дѣло и за каждое дѣло — плата по условію. Петръ Ѳедоровичъ, какъ человѣкъ опытный, зналъ очень хорошо, что рабочему пріятно получать деньги немедленно за свой трудъ, какъ-бы мало ни приходилось; это постоянное пріобрѣтеніе радуетъ его, потому что очевиднымъ образомъ даетъ ему чувствовать, что въ немъ силы его не пропали даромъ, что каждая минута его *расчитана* и оцѣнена безобидно. Петръ Ѳедоровичъ положилъ платить Марѣ каждый день ввечеру. Получивъ на первый разъ нѣсколько копѣекъ, она съ сіяющимъ лицомъ ушла въ свой уголь и радостно молилась Богу; потомъ положила

монеты на руку, нѣсколько минутъ съ наслажде-
ніемъ смотрѣла на нихъ и улыбалась, какъ дитя,
думая: «онъ, вѣдь, не знаетъ, что я здѣсь зарабо-
тываю; обрадуется, когда вернется! Соколикъ мой!
Желавный мой! Частію эта мысль, а частію — и
разгоравшаяся жажда къ приобрѣтенію, заставляли
ее работать ретиво, горячо, такъ, что жена Петра
Федоровича стала ее останавливать: «вѣдь, ты этакъ
заболѣешь, Марья; пожалѣй себя, да и мужа тоже;
всего дѣла не передѣлаешь. Развѣ ему пріятно
будетъ, когда, воротясь, онъ увидитъ, что ты та-
кая блѣдная, испитая? Подумаетъ, пожалуй, что
мы тебя принуждали, либо голодомъ заморили»,
прибавила она шутя.

— Нѣтъ, матушка, объ васъ этого никто не
подумаетъ: на васъ стоитъ только посмотрѣть,
слово съ вами молвить, — тотчасъ видно, что вы
не обидите человѣка. А работа насъ не убиваетъ;
убиваетъ насъ только горе, да забота; ну, вѣстимо,
когда нынче не доѣшь, завтра не доѣшь, такъ съ
ногъ и свалишься: а у васъ, вы сами знаете,
всѣмъ и всего вдоволь. А какая радость мужу-
то будетъ, когда къ его деньгамъ и я приложу
своихъ!

Говоря и думая такимъ образомъ, благородная
женщина не теряла ни минуты: отдохнетъ мало-
мальски, да и опять за дѣло. Такимъ образомъ, у

нея было занято, наполнено все время работой, которая ее радовала въ настоящемъ, и еще больше въ будущемъ. Скучать, конечно, было некогда; горевать не-изъ-чего; но отъ времени до времени ею невольно овладѣвала грусть, свойственная всѣмъ добрымъ душамъ въ разлукѣ съ любимыми людьми. Сцена же при прощаньѣ заставляла ее иногда бояться за мужа. «Много ему придется натерпѣться отъ нихъ», думала она. «Дай-то Богъ, чтобы чего не случилось, и онъ вернулся здоровымъ.» Когда ей приходили на умъ черныя мысли, она еще усерднѣй принималась за работу и ею будто хотѣла отогнать ихъ; часто ей это удавалось, а когда не удавалось, она шла къ хозяйкѣ и просила у ней позволенія покатать ея маленькихъ дѣтей въ салазкахъ, или сводить на озеро и показывать имъ, какъ тамъ мужики ловили рыбу верпами, наметками, подпусками и т. д., или дѣлать съ ними коробочки изъ бересты и т. п. По грустному ея лицу, по тону ея просьбы, хозяйка отгадывала ея чувство и весьма охотно отпускала съ нею дѣтей. Дѣти, разумѣется, полюбили ее и бѣжали къ ней всякій разъ, когда ей было свободно. Особенно привязалась къ ней дѣвочка лѣтъ пяти. Это было живенькое, быстренькое, игривое и добродушнѣйшее созданье. Она сама съ маленькою помощью отъ матери узнала буквы, на-

чала разбирать слова и только лишь увидитъ книгу, тотчасъ засядетъ и, водя пальчикомъ по строкѣ, добивается, какъ выговорить то, или другое слово; при этомъ, безъ умолку говоритъ сама съ собой, поправляетъ себя, одобряетъ, иногда, по своему, толкуетъ себѣ смыслъ слова, или при этомъ что нибудь припоминаетъ; а иногда почему-то полюбить какое-нибудь слово, съ наслажденіемъ повторяетъ его, или даже поетъ, очевидно, тѣшась его звуками. Она очень любила *кому-нибудь* читать книгу и, казалось, въ присутствіи другихъ лучше понимала ее. Къ Марьѣ она сильно привязалась особенно потому, что та слушала ее внимательно и въ свою очередь рассказывала ей сказки. Такимъ образомъ, жизнь крестьянки въ господскомъ домѣ была согрѣта добродушіемъ хозяевъ и ласками ихъ дѣтей. Что-то было съ Иваномъ?

Ну, съ нимъ было совсѣмъ другое: дорога зимняя, дальняя, непривычная; народъ все незнакомый, чужой; всякаго бойся, всякаго остерегайся. Товарищи — совсѣмъ не товарищи; невзлюбили его и злятся на него низачто: Когда, оставши отъ нихъ, онъ ѣхалъ поодаль, они ворчали: «вишь, баринъ какой! пристать къ намъ не хочетъ, ѣдетъ особнякомъ; прокладывай, указывай ему дорогу: исправникъ настоящій! Не даромъ давеча забѣгалъ къ

Петру Федоровичу, пронохиваль тамъ, значить, что нибудь. Да, погоди—мы тебя уйдемъ! Когда Иванъ догоняль извозъ и примыкаль къ нему — опять неудовольствіе. Гляди, какой прыткій! Вишь, на возъ такъ и лѣзеть! Готовъ бы лошадь свою на чужія сани взвалить. Чего притирается? Кому нуженъ? Не говорить, ребята, съ нимъ!

Пріѣзжаютъ мужики на постоянный дворъ — кормить, и тутъ начинается опять грубая, безтолковая журьба: Иванъ заняль лучшее мѣсто подъ навѣсомъ, Иванъ сталъ ближе другихъ къ сѣннику, Иванъ заставиль дорогу, объ Иванову оглоблю лошадь Еремѣева ногой ударила — того и гляди, захромаеть, или подкову отобьетъ — зови коновала, иди къ кузнецу, Иванова лошадь лягается, кусается, такая же скверная, какъ хозяинъ ея.

Входятъ въ избу — снова множество поводовъ къ враждѣ, снова обиды: Иванъ и здороваеть съ хозяевами, и крестится, и кланяеться не такъ; — обычай, выходитъ, у нихъ, тамъ, въ деревни, этакій дурацкій, совсѣмъ неправославный; священникъ, знать, ихъ мало жучить; али они ужъ такой народъ *оголтѣлый* — что тамъ имъ ни толкуй, все чурбанами остаются; заслонѣтъ, вмѣсто образа, молятся.

Начинають садиться за столъ; — Иванъ куда ни повернись, куда ни прыткнись, всѣмъ мѣшаеть:

то къ мискѣ близко присосѣживается, чтобъ раньше другихъ и лучше захватить себѣ кушанья, то тянется черезъ руки и подталкиваетъ ложку, то на столъ наплескалъ щей, то разронялъ кашу, то просыпалъ соль, то захватилъ себѣ горбушку хлѣба, то ѣсть - чавкаетъ, какъ сонный, то хватаетъ, будто отродясь ничего не ѣлъ и т. д. Все это, разумѣется, высказывается громко, покрывается единодушнымъ товарищескимъ хохотомъ, сопровождается грубымъ ругательствомъ, отвратительными, грязными прибаутками. Бѣдный Иванъ отмалчивается; онъ знаетъ, что скажи только слово — тотчасъ придерутся, чтобы самымъ нахальнымъ образомъ обидѣть его, или, пожалуй, еще солотить. Но и молчанье мало ему помогало; душки видѣли, что не могутъ вывести его изъ терпѣнья и этимъ самымъ раздражались: «какая дубина, говорили они: ничѣмъ его не проймешь; безстыжій такой: ты его ругаешь, какъ собаку, а онъ лупаетъ глазами, да и только, али потупится въ землю, какъ кладъ въ ней высматриваетъ; другой бы тебя въ ухо запалилъ, а онъ зарумянится, какъ красная дѣвица какая, да зачнетъ вздыхать, словно его просватываютъ.... Глядишь еще, водки въ ротъ не беретъ: маменька не приказала.—Шавель этакая!

Такъ варварски терзали они Ивана на каждомъ

шагу, и во время дороги, и когда останавливались кормить, или ночевать. Досаду свою они обращали и на его лошадей: кто ни пройдет мимо нея, всякій или стегнетъ ее кнутомъ по глазамъ, или толкнетъ ногой въ бокъ, или кулакомъ подъ морду. Никакимъ страхомъ неограничиваемая злоба ихъ разгаралась съ каждымъ днемъ; наконецъ представился удобный случай доконать Ивана: однажды ночью поднялась ужасная вьюга; мужики знали, что она замела всю дорогу сугробами; ѣхать первому въ это время, прокладывать путь, очень трудно. Всѣ положили, чтобы впереди ѣхалъ Иванъ. Поднялись съ вочлега, какъ обыкновенно, часа въ три, или четыре утра. Темь непроницаемая; мятель воетъ, падающій снѣгъ, мѣшавшій съ снѣгомъ, взбиваемымъ съ земли, слѣпить глаза; вѣтеръ такъ и валитъ съ ногъ человѣка и лошадь. И онъ, по общему требованію, поѣхалъ впереди. Приятно было мужикамъ видѣть, какъ онъ, выше колѣна тонетъ въ снѣгу, какъ возъ его вязнетъ, какъ лошадь его, выбившись изъ силъ, останавливается, и онъ изо всей мочи подпираетъ плечомъ сани. Но и тутъ безпрестанно кричатъ на него: «не туда, дуралей! Куда прешь? Развѣ не видишь — свернулъ съ дороги? Весь извозъ посадишь въ канаву. Тебѣ — ничего! Тебѣ бы только самому было хорошо, а другіе пропадай. Право!

Еще, пожалуй нарочно завезетъ въ оврагъ. Онъ — такой: не даромъ же молчитъ, да изъ подлобья поглядываетъ!»

— Что это за люди, Господи милосердый! говоритъ Иванъ про себя.—Это—татары какіе-то, либо жиды: да, нѣтъ, что я говорю? Я видалъ татаръ и еще мальчишкой былъ въ ихъ поганой сторонѣ! Говорятъ только не по нашему — «гала, бала,» — да креститься не выучатся; а то много добрыхъ между ними: идешь, бывало, по улицѣ, голодный, оборванный, плачешь; а онъ догадается, что тебѣ худо, купитъ калачъ, сунетъ за пазуху, да мальчишекъ, которые кинутся отнимать его у меня, прогонитъ и всѣхъ переколотитъ. А жидъ — тотъ еще самъ боится, чтобъ его не прибили; обидѣть не обидитъ. А эти... еще православные называются, человѣка живьемъ загрызть готовы. Эхъ, нужда, нужда! Куда ты человѣка не гонишь! Съ кѣмъ вѣдаться не приводишь?» — Говоря такимъ образомъ, онъ безпрестанно то ласково покрикиваетъ на лошадь, то съ лѣвой, то съ правой стороны забѣжитъ поддержать возъ, чтобъ онъ не опрокинулся, то утираетъ руками и головой, чтобы остановившіяся сани продвинуть черезъ сугробъ. Ноги у него отекли и занѣмѣли, холодный воздухъ, врываясь въ разгоряченную грудь, рѣжетъ ее; потъ леденѣетъ на щекахъ и рѣсницахъ. Но

Иванъ не унываетъ. «Ничего, говорить опъ, пробьюсь, перетерплю; не вѣѣь мыкаться на дорогѣ; вернусь домой, въ теплый, родной уголь.... Эхъ, ну, голубушка, говорилъ онъ лошади, подтягивай! И тебѣ хорошо будетъ! Заживемъ вмѣстѣ... Лѣто придетъ, тепло пригрѣетъ, по лугамъ трава зеленая заколышется, цвѣты раскинутся; ласковая Марьюшка насъ съ тобой встрѣтитъ.... Ну, ну!» И эти пронесшіеся въ воображеніи виды счастливой, цвѣтущей, сельской жизни заставили Ивана на мигъ забыть бушующую вьюгу, усталость и даже горькое чувство обидъ, которыми осыпали его товарищи. Ему прибыло силы, и тяжело нагруженные сани онъ выдергивалъ изъ груди снѣга, какъ дѣтскія салазки. Вотъ на его счастье и мятель утихла, и дорога пошла уже наѣзженная — впереди, вѣрно, тоже обозы рано поднялись — и сквозь разрѣженные облака, какъ трепещущія искорки, засверкали звѣзды.

— А что, братцы, сказалъ одинъ мужикъ у котораго глаза горѣли плутовствомъ и лукавствомъ, съ Ванькой-то далеко не уѣдешь, вишь, онъ какъ тѣнется! Дай, ужъ я поѣду впередъ.

«Поѣдешь, сказалъ другой. Теперь всякій поѣдетъ — дорога торная; я бы тоже не хуже тебя поѣхалъ.

— Торная, торная! ты видишь, что-ль, всю до-

рогу-то? До конца ее ты видишь? Торная! Тутъ торная, а дальше тамъ, можетъ, хуже неторной будетъ. Знать тебѣ подслѣповатая бабушка твоя сказала? А? Она видѣла?

«Дуракъ ты, дуракъ этакій! Чѣмъ вздумалъ корить! Бабушка подслѣповатая! Что-жъ, она виновата, что-ль, въ этомъ? Это — выходитъ.... это.... значитъ....»

— Что значить? Поперхнулся! Слово-то, знать, такое, что въ горло не пролѣзаетъ.

«А то значить, что у тебя вонъ носъ-то, какъ у сына.

— А у тебя морда — какъ у барана. Ты баранъ и есть! Бя-я-я, бя-я-я!

И бородатый мужикъ, какъ мальчишка, блеялъ бараномъ.

«Ахъ, собаки, ахъ, собаки! шепталъ Иванъ; промежъ собой грызться схватились!

Между тѣмъ одинъ изъ ругавшихся началъ съ ожесточеніемъ бить свою лошадь, обогналъ Ивана и поѣхалъ впередъ. День прошелъ безъ особенныхъ оскорбленій для Ивана. Онъ думалъ, что они ужъ утомились, что имъ наконецъ надоѣло обижать его, сдѣлался веселѣй и спокойнѣе. Но нелѣпная злоба, какъ заснувшая змѣя, легко просыпается. Она проснулась и у извозчиковъ: на слѣдующее утро была опять мятель, и мужики опять стали посылать Ивана

ѣхать впередъ. Онъ началъ отговариваться: они начали его ругать и поталкивать. Онъ началъ умолять, чтобы они пожалѣли хоть его лошади, они стали надъ нимъ издѣваться. Дѣлать нечего—надобно было уступить варварской, деспотической силѣ. Поѣхалъ Иванъ опять прокладывать дорогу, опять изо-всѣхъ силъ помогаетъ лошади, подпираетъ возъ и руками, и головой, и плечомъ.

«Ну, думаетъ, на третій день, если случится вьюга, меня ужъ не стануть обижать: есть же въ нихъ совѣсть». Но совѣсти-то именно въ нихъ и не было. Случилось же вотъ какое обстоятельство: пріѣхали они ночевать на хорошій постоялый дворъ: изба просторная, двое палатей, печь накалена, хоть кирпичи обжигай—есть на чемъ распариться, подпекая поочередно бока и спину; всего же волюю—и водки, и кислыхъ, забористыхъ щей, и каши; да хозяинъ еще калачи пекъ и печенкой торговалъ; по закраинамъ палатей, въ углахъ лавокъ и подъ лавками, по окнамъ и надъ божницей лежали все калачи на калачахъ, такіе румяные, лоснящіеся; свѣжій, горячій запахъ отъ нихъ наполнялъ всю избу и раздражалъ аппетитъ; во рту такъ и чувствовалось впечатлѣніе теплаго мякиша бѣлаго, рыхлаго, ноздреватаго хлѣба. Вошедши въ избу съ холоду, мужики почувствовали себя какъ въ раю, и на каждого изъ нихъ съ перваго разу

производило поразительное впечатлѣніе такое богатство лакомства. — «Такъ бы эти калачи всѣ и поѣлъ,» думалъ иной. — «А, должно быть, этотъ хозяинъ пропасть денегъ набираетъ, мошенникъ», думалъ другой. «Славно бы десятка два такихъ калачей накласть съ собой въ возъ; думалъ третій: скучно станеть на дорогѣ, сгрустнется этакъ — вытащилъ за ручку и ну покусывать и легче на душѣ станеть». Инымъ думалось: «вотъ-бы самому этакъ калачникомъ сдѣлаться; сиди себѣ дома, не волочись по дорогѣ, звать ничего не знай; калачи-то могла бы печь и хозяйка — небольшая работа, — а ты себѣ поваливайся на палатяхъ, да на нее покрикивай. Вотъ бы житье-то! А впрочемъ, что-жь? Другіе-жь наживаются; отъ чего-жь и мнѣ не нажитья? Съѣзжу разъ — другой въ извозъ, собью деньжонокъ, выстрою сначала маленькую избенку гдѣ-нибудь въ глуши на большой дорогѣ подлѣ кабака; напьется какой-нибудь дуралей, да закусить захочетъ; ну, извѣстно, съ пьянымъ хорошо расчитываться; мало-по-малу и пойдеть благодать Божія! Право, такъ!»

Бывали и такіе, которымъ представлялась своя изба: запачканные, грязные, оборванные, малые ребятишки тамъ копышатся на земляномъ, немощеномъ полу; самый маленькій, въ изорванной рубашенкѣ, которая такъ и сваливается съ худенькихъ

плечекъ и мочалкой подвязана ему выше поясицы, залѣзъ подъ столъ, ковыряетъ пальчиками землю и набиваетъ ею ротъ. Въ печкѣ дымятся нѣсколько сырыхъ осиновыхъ полѣнъ; изба пуста, тиха и уныла; ничего въ ней не чукнетъ; матери нѣтъ дома; побѣжала, должно быть, горемычная, къ сосѣдкѣ попросить горсточку мучицы, чтобѣ заболтать въ горячей водѣ: больше-то ничего нѣтъ дѣтямъ. Не дасть, злодѣйка этакая, ей Богу, не дасть. Вотъ-бы имъ-то принести калачъ. Боже милосердый, какъ бы кинулись!... Да, гдѣ ужъ? Хоть бы хлѣба-то краюшку.... А то....» И у бѣднаго мужика съ обмерзшихъ рѣсницъ катятся слезы. Иные разсуждали гордо и презрительно: «экъ калачей-то, какъ дровъ, наметано! По полу валяются! Ну, что-жъ? пускай себѣ: калачи, такъ калачи! Эка важность! Мнѣ что за надобность, что они калачи? Я плевать на нихъ хотѣлъ! Возьму, вотъ такъ ногой и давну и слящу, который попадется!»

У разныхъ людей различныя бывають мысли и мечты, при видѣ множества чужихъ калачей. Но мужику много думать некогда, да и не приходится; ему каждую минуту надо дѣло дѣлать. Оно бы недурно и немужикамъ придерживатьея этого правила; да, знать, такъ ужъ свѣтъ наладился, что одинъ дѣло дѣлаетъ, другой разговариваетъ о дѣлѣ и думаетъ, что это еще важнѣе дѣла, а третій и дѣла

не дѣлаегь, и не разговариваеть, и не думаеть о дѣлѣ, а такъ чурбанъ-чурбаномъ и проживаеть. Впрочемъ, дѣло, которымъ на этотъ разъ занимались крестьяне, было легкое и пріятное: они принялись обѣдать со всѣмъ увлеченіемъ, со всѣмъ разгаромъ здороваго, свѣжаго, воспріимчиваго русскаго апетита. Не обѣдалъ только Иванъ: измучившись и прозябнувъ на дорогѣ, онъ молча полѣзъ и забился на печь. Хозяинъ замѣтилъ его.— «Ты что-жь, крикнулъ онъ повелительно Ивану, съ позаранку забрался на печь? Мѣсто, что-ль, потеплѣй захватываешь? Небось, всѣмъ достанется; изба, какъ тюрьма, широкая. Слѣзай обѣдать: ѣшь — не ѣшь, все равно деньги возьму.

— А за что-жь возьмешь, коли я ѣсть не буду? Отозвался Иванъ.

«А за то, что налито на всѣхъ; хочешь—ѣшь, хочешь—не ѣшь; а я для тебя своего счета портить не стану; сколько въ избѣ ввалилось, за столько и беру.

— Да, я заплачу тебѣ за квартиру, что придется; а за ѣду за что-жь? Вычги, что тамъ за нее приходится.

«А я развѣ не все равно, не для всѣхъ одинаково щи, да кашу варила?» ввязалась толстая, увѣсистая хозяйка съ красными, засученными выше локтей руками.— «Мнѣ, ты думаешь, легко было

горшки да чугуны на ухватахъ таскать? Это я буду для всякаго дѣлать даромъ? А? лѣшій бы васъ побралъ, окаянныхъ! Только слово, что постояльцы; а тамъ, за то не бери, за другое не бери. У меня плечи всѣ разломило, въ поясницѣ, какъ пострѣль, стрѣляетъ; а вамъ и горя мало, душегубцы этакіе!

— Молчи, дура! Крикнулъ на нее харчевникъ. Разеѣ твое дѣло собачиться съ проѣзжими? Пошла; а то я тебя стрѣльну такъ, что ты подь печку покатишься. Глядишь-ко лучше, вонъ, теленокъ рубаху сжевалъ. Зачѣмъ его изъ закуты выпустили? А? Это не твоя забота? Ступа дубовая!

«Батюшки мои, завопила хозяйка, взглянувъ въ окно и кинувшись на дворъ, сударики мои! Сжевалъ, ей Богу, сжевалъ! Праздничную рубаху съ краснымъ подоломъ сжевалъ! Головушка моя горькая! Въ чемъ мнѣ будетъ въ люди показаться? Ахъ, ты идолъ этакій, ахъ, ты....» И пыша мстью, бѣшенная женщина начала полѣномъ колотить бѣднаго теленка.

— Ахъ ты — дурища! вскрикнулъ хозяинъ; «совсѣмъ уколотить теленка; а я заплатилъ за него полтора рубля.» И онъ бросился тоже на дворъ спасать полтора рубля. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся въ избу совсѣмъ разсерженный.

«А вонъ тотъ, сказалъ ему одинъ извозчикъ,

поддразнивая его, на печкѣ-то, и водки не пьетъ, и ѣсть ничего не хочетъ; онъ тебѣ не заплатитъ за обѣдъ; онъ привезъ съ другаго постоялаго двора съ собой хлѣба, да и ѣсть теперь, и знать тебя не хочетъ.» Хозяинъ поблѣднѣлъ и задрожалъ. — «Привезъ съ собой!...» крикнулъ онъ дикимъ голосомъ. «Съ другаго двора! Въ мою избу! Да, я съ тебя за такое безчестье.... за такой изъѣвъ.... за такую обиду.... втрое слышу.

— И по дѣломъ, заговорили извозчики, такъ и слѣдуетъ; ничто ему, дураку; не огорчай добрыхъ людей; слушайся хозяйскаго слова! Служи съ него за троихъ, онъ и будетъ впередъ знать.

«Нѣтъ, не надо мнѣ его скверныхъ денегъ! Долой его со двора! Не хочу я, чтобъ у меня этикіе обидчики останавливались. Не хочу, не хочу! Долой со двора, говорятъ тебѣ.

— Такъ, такъ; справедливо, справедливо! поджигали его мужики. Да только, вѣдь, онъ у насъ такой.... Зартачится—съ нимъ ничего не сдѣлаешь, хоть коль теши на головѣ.

«А я вотъ знаю, что съ нимъ сдѣлать, кричалъ разгорѣвшійся харчевникъ; я вотъ что съ нимъ сдѣлаю.» И онъ, схвативъ коромыселъ, кинулся къ печкѣ и замахнулся на Ивана.

— Хорошенько, хорошенько его! кричали мужики, хохоча.

Иванъ, смиренный, кроткій отъ природы, ко всѣмъ почтительный, со всѣми ласковый, всѣми любимый въ своей деревнѣ, никогда вообразить не могъ, чтобъ онъ могъ попасть въ драку, чтобы кто-нибудь сталъ его бить, ужасно испугался и, покраснѣвъ отъ стыда, сказалъ умоляющимъ голосомъ: «помилуй, хозяинъ, что ты это дѣлаешь? Развѣ я тебѣ перечу? Ну, не хочешь, чтобъ я стоялъ у тебя на дворѣ, и съѣду; хочешь взять съ меня больше, чѣмъ съ другихъ — воля твоя — Богъ съ тобой, бери; хочешь, чтобъ я сидѣлъ за столомъ съ другими — буду.» Сказавъ это, онъ полѣзъ съ печи. Хозяинъ, нѣсколько усмиренный его *покорностью*, образумился, увидѣлъ, что точно будто какъ съума сошелъ, утихъ, поставилъ коромыселъ въ уголъ и, чтобы поправить дурацкое положеніе, въ которое поставилъ себя своею занальчивостію, вышелъ вонъ, приговаривая: «давно бы такъ; тогда-бъ ничего и не было; и людей бы попусту не тревожилъ.»

Ивану и такъ не хотѣлось ѣсть; а тутъ и по-давно было не доѣды: онъ только для виду съѣлъ нѣсколько ложежь щей. Разумѣется, на него со всѣхъ сторонъ сыпались насмѣшки. Онъ молчалъ. Жутко ему бѣдному было.

Наступила ночь; на печи, на палатахъ, на лавкахъ лучшія мѣста, разумѣется, заняли другіе мужики. Иванъ легъ на полу. Для русскаго мужика,

не привыкшаго ни къ какимъ удобствамъ и часю, по причинѣ крайней бѣдности, не имѣвшаго возможности привыкнуть, это не въ диковину. Но Иванъ спалъ неспокойно: ему снились все непріятные, тревожные сны, все казалось, что мужики обижаютъ его, издѣваются надъ его женою, рвутъ у ней съ головы платокъ, волочатъ ее за волосы. Онъ просыпается съ крикомъ, стиснувъ зубы и сжавъ кулаки; дыханіе у него сперто; потъ выступилъ на всемъ тѣлѣ; руки и ноги дрожать. Онъ крестится, хочетъ молитвой и крестомъ отогнать безобразныя сновидѣнія и дурныя мысли; но чуть сомкнетъ глаза — опять тоже, лишь въ другихъ уродливыхъ формахъ. Наконецъ будто темная ночь надъ нимъ сжалась и дала ему покой; онъ уснулъ крѣпко; но ненадолго: вскорѣ во всѣхъ углахъ зашевелились, зашуршали лаптями, оборами, онучами, или сухонками, начали раздаваться продолжительные, задушевные зѣвки, кряхтѣнье, оханье, стоны, неизбѣжныя для русскаго мужика ругательства, — словомъ, извозчики проснулись. Проснулся Иванъ тоже и началъ собираться въ дорогу. Пришелъ хозяинъ, заспанный, всклокоченный, сердитый, точно будто по неволѣ его сдѣлали харчевникомъ, будто онъ даромъ все даетъ мужикамъ. Поставивъ на столъ запачканный, обломанный, кривой, разбитый фонарь съ обваланнымъ въ песокъ и сажѣ,

опылившимъ, сальнымъ огаркомъ, онъ стукнулъ сче-
тами и крикнулъ: «эй, вы, ступайте считаться: кто
тамъ что лишнее бралъ?» — Подъ именемъ лиш-
няго разумѣлось все, кромѣ хлѣба, соли, квасу,
щей и каши, именно — водка, калачи, пряники
орѣхи и другія лакомства. Пряниковъ и орѣховъ
не бралъ никто; ими тѣшатся обыкновенно купцы
и приказчики; калачи брали нѣкоторые; отъ водки
никто не отказывался. При расчетѣ, какъ водится,
съ хозяиномъ поругались, говорили, что онъ лу-
питъ за все вдвое, что онъ потому, выходить, жи-
водеръ, грозилась, что больше никогда у него не
будутъ останавливаться, что всѣмъ на дорогѣ бу-
дутъ про него рассказывать; хозяинъ стращаль сво-
ихъ гостей, что никогда ихъ къ себѣ на дворъ не
пустить, хоть они поколѣй отъ морозу, что лучше
собакѣ даромъ отдасть щи и кашу, нежели имъ за
деньги, что у него много знакомыхъ добрыхъ лю-
дей, которые имъ не нахвалятся и еще противъ
положеннаго сами прибавляютъ, и т. д. Обмѣняв-
шись такими вѣжливостями, мужики заплатили тре-
буемая деньги и хотѣли идти вонъ изъ избы—за-
прагать лошадей. Но хозяинъ остановилъ ихъ: «нѣтъ,
погодите, сказалъ онъ; дайте сперва счесть, всѣ ли
калачи; а то вы разбредетесь — изволь тамъ ловить
васъ.

— Ну, что-жь, мы — воры, что ли, какіе? за-

роптали мужики. — Эка, калачей твоихъ не видали!

«Воры — не воры, а подтибрите, и поминай, какъ звали. Тутъ дорога большая, проѣзжая, не клади плохо; всякій сбродъ шатается.

— Считай же, считай, да не присчитывай.

«Кто калачи-то бралъ? А? Сколько всѣхъ?»

— Всѣхъ брали десять калачей?

«Десять?»

— Да, десять.

«Ровно десять?»

— Нѣтъ, неровно, сказалъ одинъ мужикъ; мой калачъ меньше другихъ: съ меня слѣдуетъ за половину; давай сдачи.

«Эхъ ты, сиволапый! Еще вздумалъ подсмѣиваться.

— Одначе, хозяинъ, заговорили вдругъ многіе, считай скорѣй; намъ ѣхать надо.

Онъ сталъ считать калачи; но сосчитаетъ тѣ, которые были подъ лавкой, и забудетъ, сколько ихъ, начавши считать тѣ, которые на лавкѣ. Такъ возился онъ долго. Мужики начали терять терпѣнье и покрикивать на него. Хозяинъ видѣлъ, что они правы, и на этотъ разъ молчалъ, сердился и еще больше сбивался.

— Да, что у тебя голова-то, знать, какъ рѣшето прорванное — ничего въ ней не держится, ска-

залъ одинъ извозчикъ; ты ужъ лучше на счетахъ считай.

Хозяинъ этимъ совѣтомъ сначала, было, обидѣлся; но потомъ принялся за счеты; кости защелкали и вскорѣ калачи были приведены въ совершенную извѣстность, такъ что хотъ ихъ въ ревизию записывай. Прикинувъ къ нимъ калачи, съѣденные мужиками, онъ открылъ, однакожь, что одного калача не достаетъ.

— Братцы, сказалъ онъ серьезно, одного калача нѣтъ; кто-то съѣлъ два калача; сказывайте, кто.

«Да ты опять обсчитался. На счетахъ калачей сосчитать не умѣешь! А еще хозяинъ, харчевникъ. Давай сюда счеты. Тришка! Ты считай по пальцамъ, а я по костямъ!

Дѣло становилось общимъ: почти всѣ мужики приняли участіе въ счетѣ; тѣ начинали съ одного конца, тѣ съ другаго, считали громко, протяжно, съ разстановками, съ передышкой; но и по пальцамъ, и по костямъ оказалось, что одного калача, дѣйствительно, не достаетъ.

— Какъ же такъ, братцы? сказалъ хозяинъ строго. Это не дѣло! Кто съѣлъ два калача?

Мужики переглянулись между собою и заговорили всѣ: «кто ѣлъ! Никто не ѣлъ; у насъ всѣ такіе— что съѣдено — съѣдено, что нѣтъ — нѣтъ. Развѣ

чужой кто-нибудь, кто-нибудь не изъ нашихъ; мы за всякаго отвѣчать не можемъ.

— Да, вѣдь, вы всѣ же свои?

«То-то всѣ, да не всѣ; съ нами есть чужіе, а за чужихъ намъ отвѣчать не приходится.

— Кто же у васъ чужой?

«А вонъ тотъ, котораго ты вчера коромысломъ съ печки гналъ. Эй, гдѣ ты, запечникъ? — Э! да онъ ужъ и изъ избы улизнулъ! Оно и видно: знаетъ кошка, что мясо съѣла. — Это онъ, братцы, стали положительно утверждать нѣкоторые, ей Богу, онъ: больше некому; никто этакого дѣла не сдѣлаетъ!»

Хозяинъ обрадовался, что къ кому-нибудь одному можно привязаться прямо и, отворяя изъ избы дверь, спросилъ: «какъ его зовутъ? Какъ его кликать-то?

— А кто его знаетъ? Онъ себя называетъ Ванькой; а, можетъ, онъ и не Ванька: присталь къ намъ, невѣдомо кто, невѣдомо откуда, и всю дорогу отъ него, кромѣ пакости, ничего не видишь.

«Эй, ты, Ванька, крикнулъ хозяинъ: поди сюда скорѣй! Куда тамъ прядешься?

Иванъ ничего не зналъ про калачъ; но когда его кликнули, сердце у него дрогнуло. Онъ проворно вошелъ въ избу.

— Ты ѣлъ калачъ? грозно спросилъ его хозяинъ.

«Нѣтъ».

— Какъ нѣтъ? Когда всѣ говорятъ, что ѣль, значитъ — ѣль.

«Хоть цѣлый свѣтъ говори, а когда не ѣль — такъ не ѣль.

— Ахъ ты — мошенникъ этакій! Еще отнѣкиваешься?

«Послушай, хозяинъ: постоялый дворъ — не разбойничій притонъ; ты бери съ меня, что слѣдуетъ за постой, а ругаться и обижать не смѣй. Есть начальство и на тебя...

Иванъ сказалъ это рѣшительно, безъ запинки, но голосомъ, дрожащимъ отъ чувства обиды, огорченія и негодованія.

— Вишь, какой храбрый, накинулись на него хозяинъ и извозчики, ругать его не смѣй! Начальство есть! А мы вотъ возьмемъ, скрутимъ тебѣ руки назадъ, да и отправимъ къ твоему начальству. Оно тебѣ не помирволить! Вотъ тебѣ и начальство! Будешь знать, каково начальство-то! Веревку, ребята! Берите его, вяжите!» — Иванъ, возмущенный этою наглостью, пришелъ въ совершенное изступленіе. Онъ отпрыгнувъ отъ толпы, сталъ въ уголь и, поднявъ кулаки, закричалъ: подойди только кто, тронь, попробуй; въ землю по самую маковку во-бью. Я вамъ много спуускалъ, а теперь... нѣтъ, теперь ужъ не спущу!» Грудь его тяжело поднималась и опускалась; дыханіе было жарко; глаза свер-

кали; онъ былъ страшенъ въ эту минуту и, дѣйствительно, былъ готовъ на мѣстѣ положить обидчика, который бы вздумалъ вязать его. Насиліе сдѣлало это кроткое, доброе, ласковое существо жестокимъ и кровожаднымъ. Мужики этого не предполагали.

«Бросьте его, сказалъ одинъ старикъ; что заводите ссору? Дрянъ такая....

— А калачь-то мой, сказалъ хозяинъ, такъ и пропадетъ? Нѣтъ, я васъ со двора не спущу, если не заплатите.

«Постойте, сказалъ одинъ бойкій мужикъ, я знаю, какъ узнать правду: хозяинъ, сними со стѣны образъ. Поклянемся и поцѣлуемъ образъ; пусть будетъ проклять и провалится въ тарь-тартары, кто солжетъ!»

Хозяинъ снялъ образъ; настало глубокое молчаніе. Пошли прикладываться поочереди; на того, кто крестился и подходилъ къ образу, другіе смотрѣли пронизительно. Когда дошло дѣло до Ивана, всѣ такъ и впились въ него глазами, всѣмъ хотѣлось подмѣтить на лицѣ его что-нибудь такое, почему бы можно было обвинить его. Но напрасно: лицо его было спокойное и свѣтлое; онъ съ умилениемъ поцѣловалъ икону.

На ней изображался ликъ Скорбящей Божіей Матери. Работа была простая, грубая; но видно,

деревенскій художникъ былъ человекъ съ душой: въ лицѣ Дѣвы выражалась необыкновенная любовь, кротость и задумчивость; казалось, она съ грустью смотрѣла на стоявшихъ передъ нею и говорила: «бѣдные вы люди! Зачѣмъ вы злобствуете и клеветаете другъ на друга? Жизнь ваша и безъ того тяжела, и бѣдна. Если ужъ въ васъ нѣтъ любви и милосердія; пусть будетъ, по крайней мѣрѣ, справедливость!»

«Но кто-жъ nibудь калачъ съѣлъ, сказалъ немолимый хозяинъ; раскину на всѣхъ; платите всѣ.

Опять поднялся крикъ, гамъ: «да, какъ, да за что, да почему; копѣйка не тяжела, неправда тяжела, покоръ тяжелъ и т. п.» Наконецъ, однакожь, рѣшились всѣ заплатить по полкопѣйкѣ, потерявъ больше часу на споры, ссору и прикладыванье къ образу. Всѣ вышли запрягать лошадей съ большимъ чувствомъ раздраженія; все неудовольствіе обратилось на Ивана, и они положили во чтобы то ни стало, отъ него отдѣлаться.

Вотъ ѣдутъ они въ темной-темной ночи и ругаютъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, и хозяина, и хозяйку, и избу, и щи, и кашу; да нѣтъ-нѣтъ, то тотъ, то другой прибавитъ ни къ селу, ни къ городу: «а все этотъ Ванька.» Досада на него опять начала накипать у cadaго. Вдругъ лошадь у него начала биться, метаться изъ стороны въ сторону,

страннымъ образомъ взвизнула, рванулась разъ, другой и повалилась на бокъ. Мужики это замѣтили и, притворясь, будто ничего не видятъ, начали погонять своихъ лошадей, чтобы оставить его одного. Иванъ попробовалъ поднять лошадь, но только поставилъ ее на ноги, она шарахнулась въ оврагъ и полетѣла вмѣстѣ съ возомъ. Иванъ закричалъ въ отчаяніи: «братцы! Пойдите, помогите! Христа ради!» Но мужики погоняли лошадей все сильнѣй и сильнѣй, и наконецъ скрылись изъ глазъ. Иванъ остался одинъ. Стужа, глухая ночь, мѣсто незнакомое, отъ жилья далеко, продолжительная зимняя темь, нигдѣ ни души, да еще такая бѣда—какъ тутъ быть?

Онъ хотѣлъ окинуть глазами окрестность, но тьма ночная давила его со всѣхъ сторонъ, какъ будто онъ былъ заложенъ въ черныхъ стѣнахъ; онъ, безъ надежды на участіе, а потому только, что нуждался въ помощи, что чувствовалъ свое безсиліе, кричалъ, ни къ кому собственно не обращаясь: «братцы! Голубчики! Души православныя! Помогите! Вѣдь во мнѣ тоже человѣческая кровь! Сжальтесь, Христа ради! О, Боже мой!» Но голосъ его замиралъ безотвѣтно; даже эхо не откликалось.

Опомнившись отъ перваго смятенія печали, онъ началъ думать, какъ бы ему поправить свое

дѣло, и тотчасъ ползкомъ спустился въ оврагъ. Лошадь была подъ возомъ и совсѣмъ вдавлена въ снѣгъ; Иванъ самъ былъ въ снѣгу по грудь. Онъ разрылъ руками сугробъ, ощупалъ упряжь, попробовалъ развязать ее — нѣтъ возможности; вынулъ ножъ, разрѣзалъ гужи и началъ волочь съ лошади возъ; возъ не трогался съ мѣста; лошадь, почувявъ нѣкоторую свободу, стала биться. Иванъ, упираясь въ снѣгъ, вязъ больше и больше; онъ ободралъ себѣ руки, весь измякъ, выбился изъ силъ и началъ коченѣть. Наконецъ онъ напрягъ послѣднія силы, чтобы сдвинуть возъ; но отъ этого усилія голова у него закружилась, изъ горла хлынула кровь, и онъ упалъ безъ чувствъ.

Очнувшись, онъ увидѣлъ, что сани его сдвинулись еще дальше на дно оврага, но лошадь выбилась изъ снѣгу. Иванъ попробовалъ было вывести ее на дорогу, чтобы отправиться въ деревню за помощью; но не было никакой возможности: и лошадь обрывалась, и онъ обрывался. Наконецъ онъ рѣшился оставить ее, кое-какъ одинъ вскарабкался на обрывъ и такъ измучился, что сѣлъ на минуту отдохнуть. Но когда онъ представилъ, что ее съѣдятъ волки, и, возвратясь, онъ найдетъ только ся растасканныя кости, сердце у него стѣснилось отъ жалости, онъ даже почувствовалъ упрекъ, какъ будто добровольно отдавалъ ее на

сѣденъе звѣрямъ. Лошадь тоже, должно быть, понимала опасность, и заржала, какъ бы умоляя, чтобы хозяинъ не покидалъ, не губилъ ея. Иванъ вздрогнулъ и закричалъ надрывающимся голосомъ: «матушка моя! Что-жъ мнѣ дѣлать? Ты видишь я самъ пропадаю!» Дѣйствительно, онъ самъ пропадалъ: онъ сталъ промерзать до костей и чувствовалъ, что отъ снѣга и поту промякшее бѣлье на немъ начинаетъ скорубнуть. Хотѣлъ онъ однакожь подняться и брести къ жилью; но ноги у него одервенѣли, какъ не свои; сдѣлаетъ онъ нѣсколько шаговъ и упадетъ. Вотъ и дорога хорошая; онъ чувствуетъ голыми руками гладкія колеи, укатанныя полозьями; а нѣтъ силъ идти, нѣтъ силъ даже подняться. Инстинктуально, безъ всякаго соображенія, въ полу-умѣ, въ смутномъ полу-снѣ мысли, онъ сталъ медленно ползти, но не къ деревнѣ, а отъ деревни. Вдругъ, какъ въ бреду, слышитъ, что кто-то бойко ѣдетъ по дорогѣ, свищетъ и кричитъ изо всей мочи, будго кого догоняетъ и кличетъ. Вотъ слышитъ онъ совсѣмъ ясно топотъ двухъ лошадей. Онъ очнулся, приподнялъ голову и сѣлъ. Сани почти наскakали на него; но лошади, увидѣвъ челоуѣка, повернули въ сторону. Ёхавшій мужикъ остановился и крикнулъ: «что ты, братъ, съ-ума сошелъ! Ни свѣтъ, ни заря, а ужъ нарѣзался и вздумалъ ночью, одинъ, въ зимнюю пору брести

по дорогѣ! Долго-ль до грѣха? Этакъ, того гляди, очоуришься!—Кто ты такой? Откуда? Какъ тебя сюда занесло?

Я—Иванъ.... съ извозомъ ѣхаль.... Ночевали вотъ тутъ на постояломъ дворѣ.... въ ровъ свалился.... они меня кинули.... Богъ съ ними!

«На какомъ постояломъ дворѣ? Въ какой деревнѣ? Тугоуховкѣ?

— Да.

«У Матвѣя Скрипуна?

— А Господь его вѣдаетъ! Тамъ калачи пекутъ....

«Ахъ ты, Боже милосердый! Да, вѣдь, это у меня! Это ты Иванъ, на котораго всё-то нападали, товарищи! Голубчикъ ты мой! Прости ты меня! Обидѣлъ я тебя! Все товарищи твои проклятые! Вѣдь, калачь-то собаченка съѣла, подъ печкой ручку нашли! Я вотъ и хотѣлъ было догнать да сказать, что понаирасну грѣшилъ на людей, да отдать деньги. Ахъ ты, грѣхъ какой! Какъ же ты въ ровъ попалъ? Гдѣ твой возъ? Гдѣ твоя лошадь?

— Во рву и возъ, и лошадь помощи вытащить.... Христа ради! сказалъ едва внятнымъ голосомъ Иванъ.

«Да ты самъ, братъ, почти совсѣмъ очоурился? До лошади ли тутъ? Садись-ко поскорѣй; надо сперва тебя согрѣть; а тамъ ужъ все съѣлаемъ

послѣ.... Вотъ напасть-то! Ни за что человѣкъ пропадетъ, право ни за что! Садись же, садись!

Но у Ивана совсѣмъ отнялся языкъ; онъ только сдѣлалъ знакъ руками, что ему приходитъ лихо.

Харчевникъ схватилъ его въ охапку, бросилъ въ сани и поскакалъ во всю прыть домой. Тамъ вмѣстѣ съ хозяйкой они оттерли бѣдняка снѣгомъ, привели въ чувство, положили въ избѣ и укрыли всевозможными теплыми лохмотьями.

Согрѣвшись и оправившись, Иванъ началъ умолять, чтобы хозяинъ привелъ его лошадь и сани съ кладью: но хозяинъ ужъ самъ отправился туда съ сосѣдами и черезъ нѣсколько времени вернулся съ полнымъ успѣхомъ. Только лошадь хромала. Осмотрѣвъ ее, мужики увидѣли, что у нея въ ногу воткнулся гвоздь. Самъ ли онъ воткнулся, или товарищи воткнули—неизвѣстно. Мужики положительно говорили, что это, должно быть, товарищи.

Услышавъ, что и лошадь, и возъ приведены въ цѣлости, Иванъ выбѣжалъ изъ избы, кланялся, благодарилъ, цѣловалъ мужиковъ, ласкалъ и цѣловалъ лошадь, причиталъ, творилъ молитву и наконецъ залился слезами. Мужики очень понимали это. «Чего-жь ты, дуракъ, чего? говорили они съ чувствомъ: «перестань; славу Богу, все цѣло, и самъ цѣлъ! То ли еще бываетъ на свѣтѣ! Отдохни,

оправься, полечи лошадь, да и съ Богомъ въ дорогу.

— А, вѣдь, надо-бъ намъ съ тебя *могарычъ*, сказалъ одинъ Ивану; хотъ бы полштофика надо-бъ; недаромъ же часа два бились ...

Какъ накинута на него другіе: «ахъ ты, могарычникъ! Какіе тутъ могарычи? Что онъ торговалъ, что-ль? Еле самъ живъ остался, еле не пропалъ! А тебѣ давай могарычи! Полштофика! Что ты на цѣлый вѣкъ, что-ли, имъ напъешься? Одинъ ты, что-ль, бился? Кричалъ только: вотъ отъ тебя и вся подмога была!»

Пошла перебранка: перебрали много старыхъ дрязговъ — кто когда съ кого-нибудь тоже даромъ взялъ могарычъ, кто у кого что оттягалъ, кто кому что долженъ, да вотъ, года два ужъ, не отдаетъ, и т. д. «Полноте, братцы, ссоригься, сказалъ харчевникъ: сдѣлали доброе дѣло, зачѣмъ же его сквернить ругательствомъ, да попреками! Мы люди свои: не тѣмъ, такъ другимъ отслужимъ; онъ у меня оставовился; значить, онъ мой гость, я за него вамъ и отвѣчу; вы знаете, я, вѣдь, никого не притѣснялъ не тяну за долгъ лошади, или коровы со двора....»

— Что и говорить? Извѣстное дѣло: кто этого не знаетъ? Мы тобой благодарны! сказали мужики и, мирно, ворча, разошлись по домамъ.

Иванъ прожилъ у харчевника нѣсколько дней, совсѣмъ оправился, и лошадь его выздоровѣла. Хозяинъ и хозяйка обращались съ нимъ почти какъ съ роднымъ. И это было у тѣхъ же самыхъ людей, въ томъ же самомъ домѣ, въ той же самой избѣ, гдѣ его дубиной гнали съ печи, гдѣ ему изъ одного подозрѣнія по дѣлу о калачѣ харчевникъ первый хотѣлъ вязать руки назадъ!

Странная смѣсь добра и зла въ человѣкѣ! Но, славу Богу, что добро хоть, какъ странность, является на свѣтѣ.

Когда Иванъ уѣзжалъ, съ него ничего не взяли за постой. «Ты, вѣдь, не по волѣ зажился у насъ,» говорила хозяйка, «не загулявшись: бѣда тебя такая захватила. За бѣду денегъ брать нельзя.»

— Тутъ проѣзжихъ много, прибавилъ хозяинъ: и день, и ночь гужомъ тянутся; по копѣйкѣ накинemъ на другихъ, такъ оно все въ двое, въ трое сутокъ и воротится; а ты себѣ поѣзжай своей дорогой. Авось, вспомнишь когда-нибудь наше добро въ другой разъ не объѣдешь мимо; не то—не на насъ, такъ на комъ-нибудь другомъ откликнется. Съ Богомъ, съ Богомъ!

Хорошему человѣку на грошъ сдѣлай одолженіе, онъ такъ обрадуется, такъ повеселѣетъ, такъ бодро примется за дѣло, какъ будто ты его на цѣлый вѣкъ обезпечилъ. Но Ивану было сдѣлано

одолженіе не на грошь. Онъ поѣхалъ совсѣмъ переродившись: сталъ и смѣлѣй, не пугаясь ни чужой стороны, ни чужаго человѣка, и разговорчивѣй, началъ даже рассчитывать сколько въ очистку привезетъ денегъ домой, какъ его встрѣтитъ Марья, какъ они устроятся и заживутъ лучше прежняго. Ему же было очень пріятно, что онъ наконецъ развязался съ извозчиками, которые безпрестанно его тиранили и чуть было совсѣмъ не доканали: онъ приставалъ, какъ случится, то къ той, то къ другой партіи, благополучно доѣхалъ до города и скоро за настоящую цѣну продалъ рогожи одному лобазнику. Лобазникъ очень любилъ Ивана, какъ онъ говорилъ, за его простоту: «ты, братъ, объяснялъ купецъ мужику, только что изъ деревни, какъ береза изъ лѣсу—человѣкъ свѣжій, неокарнанный; а мы здѣсь всѣ выжиги на выжигѣ, плутъ на плутѣ. Вотъ этотъ, напримѣръ, мальчишка у меня, видишь, дрянъ, вѣдь, совсѣмъ дрянъ, много-ль у него ума, а, вѣдь онъ меня ужъ обкрадываетъ; знаю, что обкрадываетъ, а поймать не могу; вижу, что есть у него деньги; откуда ихъ ему взять? Говорить, въ орлянку выигралъ. Останься, пожалуйста, у меня Иванъ. Я тебѣ и *положеніе* хорошее назначу и не обижу, ей Богу, не обижу, ну, да если что тамъ лишнее и перепадетъ, не стану за всякой бездѣлицей говяться. Тебя вотъ

и мои ребята, эти мошенники-то, что вотъ дупуютъ глазами, стануть побаиваться; ты все-жъ таки не будешь воровать, какъ они. Остаешься, хоть на зиму остаешься; а тамъ съ послѣднимъ снѣгомъ и отправляйся, куда хочешь. Вѣдь, ты заработаешь у меня столько, что тебѣ на годъ хватить.

— Хорошо, сказала Иванъ, я останусь у тебя на зиму; но знай напередъ, что красть ничего не буду и, если увижу, другимъ не дамъ.

Съ перваго-же дня, когда лобазникъ пошелъ въ трактиръ пить чай, вдругъ — какъ изъ земли повылѣзли особеннаго рода покушники: вотъ ковыляетъ старуха въ черномъ салопѣ съ закоптѣлымъ горшечкомъ; вотъ кто-то въ истертой шинели, въ усахъ, съ небритой бородой; съ заспаннымъ, пьянымъ лицомъ; вотъ лѣтъ двадцати женщина въ безпорядочно-надѣтомъ, измятомъ платьѣ, съ браслетомъ на грязной рукѣ, въ красивомъ платкѣ, накинутомъ на нечесанную голову, вотъ — ни то гимназистъ, ни то кадетъ въ разнокалиберной формѣ, съ продранными локтями, съ оборванными пуговицами; вотъ, очевидно, многолѣтній бродяга — щеки красныя, выраженіе лица дерзкое и озлобленное, шинель фризоя, онъ cadaго проходящаго готовъ толкнуть, у cadaго готовъ вырвать что-нибудь изъ рукъ и тутъ же закричать: «караулъ! Ловите его! Мошенникъ!»

Всѣ они шли довольно торопливо, зорно окидывая взглядомъ проходящихъ; но, вошедши въ лабазъ, и увидя, что тамъ есть большой, тотчасъ поняли, что онъ приставленъ для надзора, вопросительно посматривали на мальчиковъ и разными вопросами старались скрыть свое намѣреніе купить что-нибудь украдкой, подъ рукою: «а, что, спрашивала старуха, крупчатка-то новой, подешевле, привезли, али еще подождать?» Подождать! отвѣчалъ вороватый мальчишка, кивая ей головою вонъ изъ лабаза.

— Федоръ Архипычъ здѣсь? спрашивала истертая шинель.

«Нѣтъ, а скоро придетъ», отвѣчалъ ему мальчикъ.

— Мнѣ бы надо съ нимъ потолковать», говорилъ покупатель, и тотчасъ убирался вонъ, появъ, въ чемъ дѣло.

Бродяга-школьникъ приступалъ съ подобными шутками: «эй, ты, Федька, что у тебя скулы-то нынче такъ раздулись? Хозяинъ, что ли, спозаранку начистилъ?»

— Да, раздулись! Онъ и тебѣ начиститъ, и у тебя раздуются! Вонъ, въ окно изъ трактира выглядываетъ: тотчасъ придетъ.

«Ну ты, однакожь, не забывайся, братъ, отвѣчалъ храбрясь, ни то кадетъ, ни то гимназистъ: я,

вѣдь, пожалуй и тово....» И, засвиставъ, онъ шель прочь.

Фризовый человѣкъ, поглядывая изкоса то на Ивана, то на мальчиковъ, подходилъ къ разнымъ мѣшкамъ и закромалъ, бралъ, будто, чтобъ по-пробовать, то горсть гороху, то горсть крупы, совалъ себѣ въ карманъ, и уходилъ, не говоря ни слова. Точно также ушлелись и другіе, злобно взглядывая на Ивана. Мальчишки готовы были вцѣпиться въ него зубами.

— Что-жь, это, они ничето не купили? спросилъ Иванъ.

«А, значить, ничего не надо: вотъ и не купили!

— Зачѣмъ же они приходили, когда имъ ничего не надо?

«А ты, вотъ, поди, спроси ихъ; ты вотъ умень, изъ деревни сюда пріѣхалъ торгъ вести; посмотримъ много-ль отъ тебя проку будетъ Федору Архипычу.

Когда на другой и на третій день, лишь только уходилъ Федоръ Архипычъ, появлялись все тѣже люди, Иванъ догадался, что это за покупщики и безъ церемоніи прогонялъ ихъ. Мальчишки начали дѣлать ему разныя каверзы, придираться къ нему, ругать его безъ всякаго повода, передразнивать его деревенскій выговоръ, и между тѣмъ жаловаться хозяину, что онъ обижаетъ ихъ, называетъ при

всѣхъ воришками, да не только имъ, и другимъ грубить и отбиваетъ отъ лабаза *хорошихъ* людей. Они знали, что Ѳедоръ Архипычъ за хорошихъ людей вступится и для убѣжденія его употребляли вотъ какія средства: кто ни придетъ, или скажутъ, что нѣтъ того, чего онъ спрашиваетъ, или заломятъ огромную цѣну. Въ послѣднемъ случаѣ хорошій человѣкъ ругнетъ и уйдетъ вонъ. Ѳедоръ Архипычъ началъ замѣчать, что, въ самомъ дѣлѣ, продажа у него пошла несравненно хуже съ тѣхъ поръ, какъ онъ взялъ къ себѣ Ивана. «Что за притча! думалъ онъ: при мнѣ Иванъ такой смиренный, кроткій, водой не замутишь; развѣ безъ меня онъ начинаетъ храбриться? Бываютъ, вѣдь, такіе люди.»

Между тѣмъ торговля шла со дня на день все хуже и хуже. Ѳедоръ Архипычъ началъ досадовать, раздражаться и подозрѣвать, ужъ, дѣйствительно, не Иванъ ли тому причиной. «А что, ребята, спросилъ онъ разъ своихъ мальчиковъ, правду ли вы говорите, что Иванъ грубить покупателямъ?»

— Изъ-за чего-жъ намъ на него напраслину говорить, Ѳедоръ Архипычъ? Завопили воришки. Вѣдь, вы знаете, какъ мы вамъ радѣемъ, день и ночь, можно сказать, не спимъ, все стараемся, какъ бы вамъ побольше барыша пришло, мы у васъ на вѣки вѣчные, по конецъ гроба останемся; а ему что? Онъ прожилъ здѣсь зиму, а тамъ и

слѣдъ его простылъ. А ужъ грубіянь такой, что всякаго прохожаго облаеть, ни за что облаеть.

— Не можетъ быть, ребята!

«Какъ Богъ святъ! Хотъ глаза у меня лопни! Хотъ на этомъ же мѣстѣ провалиться! Да, на него ужъ собираются вамъ жаловаться; житья никому на цѣлой улицѣ нѣтъ.

— Что ты будешь дѣлать? говорилъ про себя лабазникъ. Вотъ и честный человѣкъ, а какой отъ него барышъ? Сталъ онъ допрашивать Ивана. Иванъ, выслушавъ обвиненія, только всплеснулъ руками. Ахъ, какой народъ у васъ, сказала онъ; съизъ-мала ужъ такъ лгутъ, какъ же они къ старости-то изолгутся! Нѣтъ, мнѣ у васъ не житье: Богъ съ вами. Поѣду поскорѣй домой!

И въ самомъ дѣлѣ, на другой день, онъ ѣхаль весело по большой дорогѣ, помахивая кнутомъ и посвистывая на свою лошадку.

Въ городѣ у одного портнаго было въ ученьѣ два мальчиба, лѣтъ двѣнадцати, или тринадцати. Хозяинъ, разумѣется, не оставлялъ ихъ безъ дѣла, не давалъ имъ понапрасну ѣсть хлѣбъ; смотрѣлъ за ними строго, взыскивалъ за всякую бездѣлицу; по содержалъ ихъ хорошо, кормилъ вдоволь и не гнилымъ кушаньемъ, одѣвалъ тепло и опрятно, не

посылалъ зимою на босу ногу и въ одномъ пестрядиномъ халатишкѣ за полверсты, что-нибудь принести, или отнести. Дѣти были бы довольны своимъ положеніемъ: дома жили бы они, конечно, ничуть не лучше; но они родились въ деревнѣ; тамъ имъ было все знакомо и мило; глазъ ихъ привыкъ къ простору, ноги къ бѣготнѣ, грудь къ свободному крику въ зеленомъ лѣсу, на цвѣтущихся лугахъ, на тропинкахъ между рожью, волнующейся на необозримыхъ поляхъ; голосъ отца, иногда суровый и жесткій, никогда не пугалъ ихъ такъ, какъ голосъ хозяина; ласка матери, вѣчно занятой тяжелою работою, хотя рѣдкая, надолго оставляла въ нихъ теплое, радостное, ободряющее чувство; они знали, что если, въ минуту раздражительности отъ горя и заботы, она ихъ приберетъ, то и приласкаетъ; надъ ними не было постоянно тяготящаго страха, который больше всего поселяетъ унылость и убійственную робость въ дѣтской душѣ. Ктому же въ цѣлой мастерской они двое были маленькіе; каждый изъ работниковъ считалъ себя въ правѣ на нихъ прикрикнуть, надъ ними насмѣяться, ихъ послать, куда вздумается, толкнуть, или оттрепать за волосы, ни за что, ни про что, а такъ чтобы на комъ-нибудь сорвать зло. Оба мальчика были родомъ изъ сосѣднихъ деревень; они знали одни и тѣже мѣста, однихъ и тѣхъ же людей; у нихъ было много об-

щихъ воспоминаній; и самое положеніе: одинакія работы, печали и надежды, все ихъ сближало и располагало къ взаимной дружбѣ. Бывало, зимой, когда въ праздникъ хозяинъ и большіе работники разойдутся по гостямъ, или лѣтомъ, когда ребенку можно выдти на огородъ, или пустырь, бѣдные мальчики, оставшись одни, сначала горюють о матери, отцѣ, сестрахъ и братьяхъ, потомъ разговаряются, какъ у нихъ тамъ, въ родныхъ деревняхъ, все хорошо и люди такіе добрые, и избы такія привѣтливья, стануть припоминать своихъ овецъ, коровъ, лошадей, собакъ, переберуть елки и березы, осинники, орѣшники, курганы, покрытые земляничникомъ, обрывистые берега и отмели рѣчекъ, тысячу разъ другъ другу повторяють это, какъ будто трогають одиѣ и тѣже струны, издающія любимые томительно-сладкіе звуки, и разлепечутся, разворкуются иногда до того, что у обоихъ брызнуть слезы.

Напрасно говорятъ, что дѣти, рано покидающія свой домъ, холодѣють къ своимъ родителямъ и роднымъ и наконецъ совсѣмъ забываютъ ихъ, какъ будто-бъ были чужими. Это бываетъ только съ тѣми, которые и оставаясь дома, ласкаемые, лелѣемые, не любили бы никого, — натуры бездушныя, черствыя, чисто животныя, способныя только все тянуть къ себѣ. Напротивъ, большею частію, чѣмъ

долѣе доброе дитя бываетъ въ разлукѣ съ отцомъ, матерью и всѣми родными мѣстами и предметами, тѣмъ больше къ нимъ привязывается, тѣмъ горячѣе и тоскливѣе ихъ любить. По крайней мѣрѣ таковы были наши маленькіе работнички. Въ теченіи времени у нихъ образовалось непреодолимое желаніе побывать дома, повидаться съ своими. До окончанія ученья имъ оставалось еще около четырехъ лѣтъ. Они положили, во что бы то ни стало, выпроситься у хозяина на *побывку*, и приобрести между тѣмъ столько денегъ, чтобъ этого достало на дорогу. Желая заслужить милость хозяина, они строжайшимъ образомъ исполняли все, чего онъ требовалъ, и даже многое дѣлали сверхъ урочнаго требованія. «Вотъ эти будутъ славными подмастерьями, говоритъ хозяинъ большимъ работникамъ, не то, что вы, дураки: только пьянствуете по воскресеньямъ, да по праздникамъ!» Но, опасаясь *избаловать мальчишекъ*, хозяинъ никогда не хвалилъ ихъ въ глаза и всегда обращался съ ними холодно и угрюмо, даже иногда нарочно прибранивалъ ихъ, придираясь къ ихъ работѣ; но дѣти понимали очень хорошо, что это дѣлается только такъ для страху, и потому надѣялись, что хозяинъ согласится отпустить ихъ недѣли на двѣ. Оставалась еще забота накопить денегъ рубля по два, по три на брата. Извѣстно, что ученикамъ хозяева ничего не платятъ во все

время ученья; но въ праздники имъ позволяется работать на себя. Наши мальчишки принялись отъискивать себѣ работу. Бѣдняковъ много; и вскорѣ у трудолюбивыхъ и благородныхъ дѣтей явились груды прорванныхъ, протертыхъ, растрепанныхъ нанковыхъ и суконныхъ сюртуковъ, фраковъ, жилетовъ и проч. Это походило на выставку отрепья, которое приносили горемыки для поправки, чтобы хоть нѣсколько дней поносить *крѣпкое* платье, а можетъ быть, даже, чтобы и щегольнуть передъ другими, у которыхъ нечего заплатить не только за черныя, но и за бѣлыя нитки. Наши работники принялись зашивать, штопать, вставлять доскуты, прилаживать заплатки. Работа у нихъ кипѣла; отъ старанія и привычки они приобрѣли проворство и ловкость, иногда вычинивъ чтонибудь, они сами любовались своею удачною починкой и, поворачивая какой-нибудь вылеченный фракъ, одинъ говорилъ: «гляди-ко, гляди; ей Богу, какъ новый: а, вѣдь, двугривеннаго не дадутъ». — Вишь, ты, чего захотѣлъ; отвѣчалъ другой. Двугривеннаго! Хоть бы гривенникъ-то дали!» Но, случалось, хоть очень рѣдко, что имъ, дѣйствительно, давали двугривенный; тогда они были въ восторгѣ, брали по очереди въ руки дорогую монету и, положивъ на ладонь, посматривали на нее съ наслажденіемъ, и, казалось, ждали, не превратится ли двугривенный въ четвертакъ.

Такимъ образомъ у нихъ, мало-по-малу, накапливалась вождедѣнная сумма. Но бѣдняжки, рассчитывая, что имъ нужно на дорогу, имѣли въ виду только кушанье и плату за ночлеги; а забыли, что имъ нужно свое теплое платье, что хозяйскаго имъ взять нельзя, а въ холодномъ онъ ихъ не пуститъ. Между тѣмъ, какъ имъ грозило это незамѣтное, непредвидѣнное горе, они радовались отъ всей души и втихомолку собирались въ путешествіе.

Насталъ рѣшительный день — проситься у хозяина. Они оба проснулись очень рано и стали шопотомъ совѣтоваться, какъ лучше приступить къ дѣлу. Это было въ воскресенье. Они знали, что хозяинъ ихъ пьетъ въ этотъ день чай, пришедши отъ обѣдни, и послѣ третьей, или четвертой чашки становится очень веселъ и разговорчивъ, если его кто нибудь не разсердитъ, именно — не попроситъ денегъ. Такъ и положили маленькіе хитрецы воспользоваться этой счастливой минутой.

Пришелъ хозяинъ, суровый, угрюмый; выпилъ онъ чашку, другую — немножко повеселѣлъ; послѣ третьей всталъ, началъ посвистывать, дразнить и кормить канарейку; за четвертую привялся съ выраженіемъ полного самодовольствія. Мальчики видѣли все это, подошли къ двери и, собираясь отворять ее, перекрестились: увидя ихъ, хозяинъ спросилъ ихъ ласково: «ну, что, мой кройчики,

работы себѣ важной хотите потребовать? На жалованье хотите лѣзть? А? подростите еще умишкомъ на аршинъ — тогда и жалованье положу, ей Богу, положу; вы — славные ребята: развѣ продырявитесь, пьянствовать начнете; а?

Когда мальчики стали проситься, чтобъ онъ отпустилъ ихъ на Рождество, въ побывку, хозяинъ продолжалъ тѣмъ же шутливымъ тономъ: «что, захотѣли къ бати, мати, молоки хлебати? А?

— Да, Ѳедосей Ерофеичъ, отпустите: мы вернемся въ срокъ, ну, вотъ, какъ прикажете, такъ и вернемся.

«Еще бъ вы не вернулись, какъ я прикажу: не вернитесь-ко во время, такъ я васъ!

Мальчики стояли молча. — Ну, какъ же вы поѣдете, съ кѣмъ?

— Мы пѣшкомъ пойдёмъ — недалеко.

«Пѣшкомъ? Что-то верстъ слишкомъ — пѣшкомъ?

— Мы дойдёмъ, ей Богу, дойдёмъ: гдѣ попадетъ попутчикъ, наймемъ, подвезетъ.

«Ну, да, это — такъ: народъ у насъ — добрый; увидитъ — ребятишки бредутъ, и даромъ подвезетъ. Да, какже-жъ одежда-то? Вотъ, вамъ нужна теплая одежда, а хозяйской я вамъ не дамъ: нельзя; такое ужъ правило.

Это неожиданное препятствіе такъ поразило дѣтей, привело ихъ въ такое замѣшательство, что

они не могли сказать ни слова, молча взглянули другъ на друга и заплакали.

— Ну, ребята, слезами у меня ничего не возьмешь; ступайте, добывайте себѣ, гдѣ хотите, тулупы; безъ нихъ я васъ не отпущу: нынче начальство строгое, до всего ему дѣло; пожалуй, еще на дорогѣ пропадете, — въ отвѣтъ попадешь; штрафъ возьмутъ, да сраму на цѣлый свѣтъ надѣлаютъ, въ газетахъ выпечатаютъ....

Мальчики вышли отъ него, понуривъ головы; лица у нихъ горѣли; тоска давила ихъ дѣтскія души. Такъ прошло нѣсколько томительныхъ минутъ. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, ободрившись, сказалъ рѣшительно: ну, чтожъ? Не дастъ, такъ не дастъ намъ тулуповъ; мы купимъ овчинъ и сошьемъ ихъ — ночи будемъ сидѣть напролетъ, а сошьемъ: а это не удастся, сошьемъ себѣ куртки, и все-таки пойдемъ.

— А, что? И, ей-Богу, такъ, отвѣчалъ другой, непременно пойдемъ; мнѣ лучше умирать, чѣмъ не видаться съ отцемъ и матерью; да не умремъ; дойдемъ цѣлехоньки!

«Побѣжимъ-ка поскорѣй на рынокъ; авось, не купимъ ли нынче, вотъ бы славно; тотчасъ бы принялись шить.

Они спросились у хозяина и въ самомъ дѣлѣ побѣжали. Тулуповъ попошенныхъ и разорванныхъ

носили множество; но всякому продавцу, пользуясь неопытною мальчиговъ, хотѣлось взять подороже, и съ нихъ запрашивали огромную цѣну. Они пошли въ лоскутный рядъ, стали покупать въ раздробь лоскутья и на первый разъ набрали на одинъ маленькій тулупъ; въ другой и третій покупка была еще удачнѣй; оставалось только шить; но времени на это рѣшительно не было: къ празднику навалило слишкомъ много хозяйской работы, сидѣли до поздней ночи, и мальчики такъ утомлялись, что не могли ни часу употребить на себя. Они опять начали горевать и стали было думать, какъ бы проситься у хозяина, чтобъ онъ отпустилъ ихъ безъ тулуповъ. Но большіе мастеровые сжалились надъ ними; поругавъ между собой хозяина, они всѣ вдругъ принялись и въ три дня сшили два тулупчика. Дѣти были въ восторгѣ. Истративъ много денегъ на одежду, они должны были выгадывать на кушаньѣ и положили на дорогу взять хлѣба съ собою, не покупать ровно ничего, а на ночлегъ проситься не на постоянныхъ дворахъ, а такъ — у мужиковъ.

Въ тотъ годъ была странная погода: вдругъ сдѣлалась продолжительная оттепель; снѣгъ почти весь стаялъ, рѣки прошли; солнце грѣло такъ, какъ будто это было ужъ начало весны. Мальчики, не понимая, какъ это можетъ быть губительно для

растений и вредно для здоровья людей, чрезвычайно этому радовались. Когда-жъ имъ можно было отправиться въ дорогу, они поднялись еще до свѣту и пустились бѣгомъ отъ дому: имъ все было страшно, ну, какъ хозяинъ почему нибудь раздумаетъ, да велитъ имъ оставаться; но, когда они ужъ были за городомъ, ими овладѣла неописанная радость; они обернулись назадъ, помолились на церкви, обнялись, поцѣловались нѣсколько разъ, взялись за руки и пустились прыгать черезъ лужи. Мутныя рѣчки, грязныя ручьи, безобразная, взбуровленная дорога, нагіе, угрюмыя лѣса, каркающія вороны — все казалось имъ очаровательнымъ. Въ первый день они горячо прошли пятьдесятъ верстъ. На пути, въ лѣсу, имъ попалась маленькая собаченка; очевидно, она отбилась отъ хозяина, долго бродила, не находя наконецъ дороги, изнемогла отъ голода и стужи. Она прикорнула, свернувшись клубочкомъ, у корня дерева на солнцѣ и судорожно дрожала, закрывъ глаза. Дѣтямъ стало жаль ея. Они кликнули ея. Она не тронулась. Они подошли къ ней и стали ея гладить. Она припоуныла голову, взглянула на нихъ уныло; но глаза ея тотчасъ сомкнулись и голова упала на лапки. «Бѣдная! она околѣваетъ! сказали дѣти. Покоримъ ея; авось, она оживетъ!» Они положили ей передъ самой мордой хлѣба; она хотѣла было

ѣсть, но не могла. Тогда одинъ мальчикъ разжевалъ кусокъ, а другой разжалъ ей зубы и положилъ его ей въ ротъ. Собачка съѣла и стала облизываться. Мальчики начали кормить ее еще такимъ образомъ. Черезъ нѣсколько минутъ она открыла глаза и поднялась на ноги. «Возьмемъ ее, пожалуйста, сказалъ младшій: она оживетъ, ей Богу, оживетъ; а, если околѣетъ, такъ и быть, бросимъ.» Они взяли ее и понесли съ собой. Между тѣмъ къ вечеру пошелъ сильный дождь и промочилъ нашихъ путниковъ до костей. На ночлегъ они дали собачкѣ еще хлѣба; она совсѣмъ оправилась. На другой день имъ пришлось ужъ заботиться о себѣ: платье ихъ не совсѣмъ высохло; а сдѣлался морозъ и поднялся пронзительный вѣтеръ; попался попутчикъ, которому надобно было ѣхать черезъ деревню одного изъ нихъ. Мальчики обрадовались этому, несообразивъ, что имъ было бы лучше идти пѣшкомъ. Платье ихъ все обледенѣло; такъ они проѣхали верстъ десять. Вотъ настало имъ время разстаться; они братски поцѣловались между собою, повторяя другъ другу приказаніе хозяина непременно вернуться въ извѣстный день. «Прощай, Ваня! Прощай, Петя!» говорили они нѣсколько разъ, разставаясь. Ваня поѣхалъ съ мужикомъ въ сторону. Петя пошелъ прямо по большой дорогѣ. Собаченка увязалась за нимъ въ товарищи. Чтобы согрѣться, Петя почти

бѣжалъ. Вотъ пошли мѣста ужь знакомыя; еще какихънибудь версть двадцать, и онъ дома, въ своей очаровательной избѣ; отецъ и мать встрѣчаютъ его, цѣлуютъ, раздѣваютъ, сажаютъ на теплую печь, подаютъ туда теплыя щи, пироги, калачь; да дѣло не въ пирогахъ и калачахъ, а въ ласкѣ, въ радости матушкиной. Сердце у него такъ и бьется, такъ и замираетъ отъ наслажденія. Забывшись, онъ не замѣчалъ дороги, не замѣчалъ, что потъ выступилъ у него сквозь всѣ поры тѣла; но вдругъ, какъ бы очнувшись, онъ почувствовалъ, что ноги у него затекли, сапоги сдѣлались узки; ему стало очень больно ступать, дыханіе въ груди начало стѣсняться, въ головѣ сдѣлался будто туманъ, и земля и деревья кругомъ точно какъ вода колышатся; однакожь онъ не потерялъ сознанія и, крестясь, сказалъ про себя: «Господи! Чтожь это такое? Знать, я очень заморился; дай-ко сяду, да поѣмъ; авось будетъ лучше: ѣсть-то мнѣ очень хочется.» Близъ дороги шель славный лѣсъ; подъ густыми, нависшими вѣтвями деревъ удобно было укрыться отъ вѣтра. Петя, чтобъ быть совершенно въ затишьѣ, прошелъ нѣсколько шаговъ внутрь лѣса, отыскалъ мѣстечко посуше, сѣлъ, прислонясь къ стволу могучаго дерева, почти совсѣмъ спрягавшись подъ сучьями, началъ ѣсть самъ и кормить собачку; но лишь только онъ утолилъ голодъ, имъ овладѣть неодоли-

мый сонъ; собачка, прильнувъ къ нему, грѣлась подлѣ него и его немножко грѣла. Вдругъ вѣтеръ началъ бить съ невѣроятной силой; посыпалъ снѣгъ; лѣсъ загудѣлъ, застоналъ, и въ вѣтвяхъ его слышался какой-то странный, непривѣтливый шопоть. Петя засыпалъ все крѣпче и крѣпче. Почувявъ, или звѣря или такъ что-нибудь недоброе, собачка вскочила, начала заботливо оглядываться, ворчать, и потомъ завыла самымъ жалобнымъ, надрывающимъ сердце голосомъ. Несмотря на шумъ вѣтра, ея вой далеко слышался.

Въ это время проѣзжалъ Иванъ вмѣстѣ съ другими мужиками, возвращавшимися изъ города порожнякомъ. Всѣ они везли съ собою деньги; нѣкоторые выпили порядочно и даже беспорядочно и весело разговаривали, или перекликались между собою. — Братцы, сказалъ Иванъ, слышите — собака воетъ?

«Чтожъ, отвѣчалъ одинъ, вой и ты, если тебѣ хочется; на это запрету нѣтъ».

— Э, голова! Да, какъ воетъ-то, слыпишь?

«Слышу; извѣстно — по собачьему».

— Нѣтъ, что вы тамъ ни говорите, а это — не просто».

«А что, не бось, съ умысломъ? Мужикъ, дескать, ѣдетъ; ему скучно въ дорогѣ, дай-ко я его позабавлю: авось, кусокъ хлѣба кинетъ».

— Полно зубоскалить; мнѣ, право, жутко становится; слышите, какъ сердечная надрывается?

«Экій жалостливый! Пожилъ бы ты у насъ въ деревнѣ: тамъ у насъ на псарнѣ поднимаются иногда такія пѣсни, что ты бы умеръ, выходятъ, съ горя.

— Братцы, сказалъ Иванъ, подождите; я пойду, посмотрю, что тамъ такое.

«Поди, поди: вотъ тамъ тебя лѣпшій и облапить; онъ, говорятъ, гораздъ на разные голоса кричать.

Иванъ проворно пошелъ въ лѣсъ. Мужики остановились; имъ ужъ сдѣлалось любопытно узнать, что тамъ такое; но когда онъ выбѣжалъ оттуда и крикнулъ: «братцы, помогите вынести, человѣкъ замерзъ,» — они, какъ отъ громоваго удара, вдругъ всѣ шарахнулись, задергали своихъ лошадей, начали хлестать по нимъ и понеслись, какъ изумленные. За ними поскакала и лошадь Ивана.

— Ахъ, вы, злодѣи! Варвары! кричалъ Иванъ. хоть лошадь-то мою остановите; остановите лошадь-то мою, — христіанства въ васъ ни въ комъ нѣтъ!

Но у одного мужика было христіанства на столько, чтобъ остановить Иванову лошадь; онъ слѣзъ съ своихъ саней, уздой прикрутилъ ей голову къ ногѣ, повернулъ ее назадъ и потомъ кинулся безъ оглядки догонять своихъ товарищей, скакавшихъ такъ, что отъ лошадей столбомъ валилъ паръ.

Иванъ подвелъ свою лошадь къ самому краю дороги и пошелъ къ замерзшему. «Голубчикъ ты мой, говорилъ онъ, поднимая Петю; маленькій какой! Ребенокъ еще совсѣмъ! Какъ это ты попалъ сюда, горемычный? Какой это лиходѣй послалъ тебя одного въ такую ненастную погоду? Однакожь.... постой.... Боже милостивый! Кажется, онъ еще не совсѣмъ замерзъ! Дай-ко пощупаю подъ лѣвую мышку.... Батюшки! Отцы родные! Еще, кажется, чуть-чуть тепло. Помоги Господи. Поскачу съ нимъ въ деревню, хоть лошадь до смерти загоню.» Онъ положилъ Петю въ сани, прикрылъ его сѣномъ, рогожей, рептюгомъ и погналъ лошадь навскачь. Наконецъ, слава Богу, вотъ и деревня.... «А! знакомая! Вотъ тутъ и харчевникъ — добрый человѣкъ, который меня спасъ отъ бѣды и такъ пріютилъ. Къ нему поскорѣй....»

Харчевникъ смотрѣлъ на улицу, высунувъ голову въ окно.

— Хозяинъ! Здравствуй! крикнулъ, торопливо Иванъ.

«Здравствуй, Иванушка: не забылъ меня!

— Отвори ворота, поскорѣй, хозяинъ. Бѣда вотъ съ однимъ на дорогѣ случилась: замерзъ, да, кажется, еще не совсѣмъ: ототремъ, авось; пусти скорѣй!

Хозяинъ юркнулъ въ избу и, выбѣжавъ за во-

рота, спросилъ сердито: «что ты тамъ такое горишь?»

— Да, отворяй скорѣй: замерзшій попался въ лѣсу, оттирать надо!

Какъ же, пушу я тебя! Бѣды не было, а тутъ найдеть слѣдствіе, пойдутъ допросы... Убирайся скорѣй прочь.

— Да, развѣ ты не узнаешь меня? Я—Иванъ; я у тебя стоялъ, жилъ....

«Много тутъ Ивановъ у меня перебывало; гдѣ мнѣ васъ всѣхъ знать! Пошелъ, пошелъ, говорятъ!

— Да, сжался, другъ мой сердечный; посмотри —мальчикъ, ребенокъ почти.

Хозяйка въ это время стояла на дворѣ и слушала разговоръ. При словѣ «мальчикъ, ребенокъ,» ее въ сердце что-то будто кольнуло. Она выбѣжала на улицу, бросилась къ савямъ, открыла рогожу и, всплеснувъ руками, вскрикнула съ отчаяніемъ: «батюшки! Да, вѣдь, это — нашъ Петя! Матерь Божія!»

И схвативъ его на руки, она начала его цѣловать, плакать, творить молитву, клясть кого-то. Хозяинъ тоже подбѣжалъ и, какъ полоумный, началъ трясти и кликать мальчика: «Петя, Петя! Проснись, встань, голубчикъ. О, согрѣшилъ я, знать, грѣшный!»

— Что вы вопите попусту! крикнулъ Иванъ.

Обкладывай скорѣй снѣгомъ; да не въ избу несите его, а въ анбаръ, или холодную горницу! Да осторожнѣй, а то сломаете что-нибудь; вѣдь онъ теперь хрупокъ, какъ мерзлая кочерыжка.

Петю внесли въ горенку, срѣзали съ него платье, сапоги и бѣлье и всего обложили снѣгомъ. Черезъ нѣсколько минутъ сильно потекла вода. — Слава Богу! Снѣгъ началъ таять; теплота, значитъ, возвращается! Обкладывайте, братцы, еще, еще!

Петю обкладываютъ; снѣгъ таетъ быстрѣй, быстрѣй; попробовали тѣло; оно затеплѣло, и чуть-чуть, но ужъ почувствовалось бѣненіе сердца. — Ну, теперь въ топленую комнату, да только чтобъ не было жарко! — Начали оттирать суконками, щетками, зажавши носъ, стали вдыхать ему въ ротъ воздухъ, принялись щекотать ему въ глоткѣ, подносить къ носу зажженные перья, сѣру и другія рѣзко-пахучія вещества. Тѣло начало краснѣть; грудь всколыхнулась дыханьемъ; вѣки шевельнулись и больной открылъ глаза. Всѣ присутствующіе зарыдали отъ радости. Петя ожилъ, но долго не приходилъ въ сознаніе; наконецъ, когда память къ нему возвратилась, мысли прояснились, онъ узналъ своихъ, съ удивленіемъ и страхомъ едва внятно спросилъ: что же это вы со мной дѣлаете?

— Послѣ, послѣ все расскажемъ, отвѣчали ему, а теперь молчи и отдыхай.

Его укрыли; онъ заснулъ; но отецъ и мать не отходили отъ него ни на минуту въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, безпрестанно прислушиваясь къ его дыханью. Оно становилось все сильнѣй; наконецъ больной началъ самъ поворачиваться. Они стояли, крестились и повторяли: ну, слава Богу, слава Богу! Теперь все хорошо пойдетъ!

Дѣйствительно, все пошло хорошо: Петя на другой день поднялся, сидѣлъ подлѣ матери и кормилъ свою собаченку. Хозяинъ угощалъ Ивана и варилъ: благодѣтель ты мой, отецъ родной! Чѣмъ мнѣ тебя возблагодарить?

— Чѣмъ благодарить? Ты меня впередъ ужъ отблагодарилъ: вѣдь, ты меня тоже спасъ почти отъ смерти.

«Ну, гдѣ-жъ отъ смерти? Ты еще былъ живъ, ты большой, ты бы самъ какъ-нибудь до деревни добрался; а этого, вѣдь, гляди, какой онъ... Какъ куренокъ, такъ бы и пропалъ совсѣмъ. — Нѣтъ, ужъ Иванушка, ты проси у меня, что хочешь, все дамъ — лошадь ли, корову, любую — выбирай. Ей Богу!

Иванъ рѣшительно отказался отъ всего. Но харчевникъ сказалъ, что проводить его до дому и припрягъ въ пристяжку къ его лошади свою. Они проворно поскакали съ колокольчикомъ, какъ на свадь-

бу. Надобно было проѣзжать мимо дома управляющаго. Видитъ Иванъ — выбѣжала за ворота женщина и смотритъ на дорогу. «Настоящая Марья! подумалъ Иванъ. Да зачѣмъ ей быть тутъ! Нѣтъ, такъ и есть она.... точно она! Голубушка ты моя! Зачѣмъ ее Господь принесъ сюда? Знать, сердце почувало, что я нынче приѣду, такъ чтобъ встрѣтить меня поскорѣй.»

Встрѣча была неописанно радостная. Харчевникъ оставилъ свою лошадь Ивану. Черезъ два дня Иванъ съ Марьей переселились въ свою избу. Вырученные за извозъ деньги, да лишняя лошадь, да помощь отъ управляющаго дали возможность имъ совершенно поправиться; у нихъ по прежнему закипѣла жизнь — на дворѣ заготовали гуси, заквакали утки, запищали цыплята, затаивали индѣйки; на ихъ нивахъ заколыхалась рожь, пшевица, овесъ и ячмень; на огородѣ по грядамъ зазеленѣли овощи.

Я былъ у нихъ пять лѣтъ спустя послѣ описанныхъ происшествій; у нихъ ужъ разрослись въ садикѣ яблонь, вишня, смородина и крыжевникъ. Петя, сдѣлавшійся подмастерьемъ, съ другомъ своимъ Ваней, пришелъ къ нимъ въ гости, принесъ отъ отца калачей и купилъ нѣсколько бутылокъ пива. Они сидѣли на травѣ въ саду подъ тѣнью и весело разговаривали о минувшемъ горѣ.

Пропадай оно! Хорошо, еслибъ его совсѣмъ на свѣтѣ не бывало; но, если ужъ безъ него не обойдется въ жизни, братья-люди,—облегчайте его взаимной любовью и помощью!

СУДЬБА!

ПОВѢСТЬ.

На склонѣ крутаго берега какой-то безыменной рѣчки, въ средней Россіи, стоялъ сѣрый деревянный домикъ; онъ уже былъ ветхъ и во многихъ мѣстахъ носилъ на себѣ признаки разрушенія. Тамъ и сямъ доски обшивки отстали и повисли, а изъ-за нихъ выглядывали бревна съ посѣдѣвшимъ мохомъ, уже не надежно защищавшимъ отъ холоднаго зимняго вѣтра. Окошки еще были старинныя, т. е. не открывались вправо и влево, а поднимались въ половину рамы снизу вверхъ; когда хотѣли впустить воздухъ въ комнаты, то ихъ надобно было поднимать палочкою, или щепкою. За домомъ, десятины на двѣ, тянулся густой, старинный, пересѣченный рѣчкою и ручейками садъ. Онъ когда-то былъ пло-

довый и, должно быть, во время молодости и богатства дома, хорошо обработанъ, но теперь и въ немъ, такъ какъ и на домѣ, виднѣлась ветхость и запустѣніе; деревья разрослись; кусты крыжовника, малины и смородины тоже, и нѣкогда крупныя ягоды ихъ выродились въ мелкія, почти лѣсные. Яблони поросли мохомъ; никто не подрѣзывалъ ихъ сучьевъ; они сохли, обламывались; яблоки на нихъ сдѣлались невкусными, деревянистыми. Мѣста, прежде бывшія подъ клубникою, теперь были вспаханы и засѣяны картофелемъ.

Описанный нами деревянный домикъ былъ помѣщичій. Въ немъ жили двое стариковъ — братъ и сестра; братъ, морякъ, до страсти любившій вспоминать о своей прежней службѣ, о морѣ, о путешествіи вокругъ свѣта и т. п. Онъ для своей спальни и кабинета выбралъ самую маленькую комнату дома и отдѣлалъ ее въ видѣ корабельной каюты; окна были велики, онъ ихъ задѣлалъ досками и оставилъ ихъ именно въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ бываютъ окна на корабляхъ. Потолокъ былъ высокъ; старшій капитанъ и его сдѣлали похожимъ на потолокъ каюты. Спалъ онъ въ койкѣ; на стѣнахъ висѣли рупоръ, зрительная трубка, кортикъ, пистолеты, карабинъ и абордажный крюкъ. Въ шкафикѣ лежали морскія карты, морскія сочиненія, дневникъ корабельный, въ которомъ, за не-

имѣніемъ морскихъ приключеній, старый капитанъ обозначалъ вѣтеръ, погоду и то, что съ нимъ дѣлалось на сухомъ пути. Морскіе инструменты, для измѣренія широты и долготы мѣста, стояли на маленькихъ столикахъ. Въ тѣсной комнаткѣ капитана допускалась только одна роскошь: полъ былъ устланъ прекраснымъ персидскимъ ковромъ, а подъ письменнымъ столомъ лежала огромная полосатая кожа бенгальскаго тигра съ головою, когтями и хвостомъ. Капитану прислуживалъ старый морской солдатъ съ того же корабля, на которомъ оба состарѣлись.

Сослуживцы по цѣлымъ часамъ просиживали, толкуя о путешествіяхъ и походахъ, а иногда старый капитанъ надѣвалъ очки и читалъ описаніе морской битвы, для разъясненія которой чертилъ планъ на столѣ мѣломъ, или на пескѣ тростью съ пабадашникомъ, безъ которой старикъ уже не могъ ходить.

Сестра капитана Денисьева, Авдотья Алексѣевна Миронова, была женщина недалняго ума, въ отношеніи другихъ, скупа и упряма, но непростительно снисходительна къ сыну. Послѣ смерти мужа у нея осталось значительное состояніе въ банковыхъ билетахъ, а послѣ отца — усадьба, въ которой она жила вмѣстѣ съ братомъ. Кромѣ состоянія, на рукахъ Авдотьи Алексѣевны остался маленькій семейный сынъ; она его нѣсколько

лѣтъ воспитывала дома, но наконецъ на двѣнадцатомъ году отдала въ ближайшую губернскую гимназію.

Однажды въ іюньскій вечеръ, на балконѣ стариннаго домика, накрытъ былъ чайный столъ; капитанъ Денисьевъ сидѣлъ и курилъ кнастеръ изъ коротенькой трубки; сестра его вязала чулокъ.

«А что, сестра, не пора-ли чаю выпить? Посмотри, ужъ солнце низко, и на часахъ уже восемь. Видно, Сеня не пріѣдетъ сегодня».

— Непремѣнно пріѣдетъ, отвѣчала Авдотья Алексѣевна; я въ понедѣльникъ послала лошадей въ К., а нынче четвергъ, такъ какъ ему не пріѣхать? Онъ-же писалъ мнѣ, чтобы лошади къ тремъ часамъ во вторникъ были у него на квартирѣ. Экзамены кончены, актъ назначенъ былъ во вторникъ, такъ нечему и задержать его. Да и Федоръ не останется; я ему на лошадей корму отпустила только до сегодняшнихъ вечерень; такъ какъ-же ему не пріѣхать? Вѣдь онъ не станетъ-же морить лошадей голодомъ.

«То-то голодомъ, сестра, а вѣдь ты не дала ему и мѣднаго гроша, признайся. У васъ соображеніе плохое: ну, чтобы дать денегъ, или побольше овса; ну, если Сеня непременно надобно пробыть лишній день, что тогда? Поколѣютъ твои

лошади, и поминай какъ звали! Гдѣ взять корму? денегъ нѣтъ ни у Федора, ни у Сени.

— А вѣдь, и въ самомъ-дѣлѣ; ну, какъ поколѣютъ? Потеря-то какая: Савраска хотя и стара, но добрый конь, стоитъ цѣлковыхъ сто, а бурой и гнѣдой пристяжной и за двѣсти не купишь. Охъ, батюшка-братецъ, оплошала я: ну, чтобы тебѣ меня надоумить въ-время!

«А развѣ, сестра, ты любишь совѣты, развѣ послушалась-бы меня? То-то вы, женщины. Чтобы ты стала дѣлать, еслибъ тебѣ пришлось снаряжать корабль на далекое плаваніе? Не знала-бы что братъ, сколько братъ, и навѣрное по скупости взяла-бы только въ обрѣзъ, а тутъ налетитъ буря, да загонитъ невѣсть куда, или наступитъ штиль—море гладко, паруса и снасти обвисли, корабль стоитъ, какъ на якорѣ. Дни и недѣли проходятъ, вѣтра нѣтъ, а люди ѣдятъ и пьютъ, какъ-будто мы были въ полномъ ходу. Твой копѣечный расчетъ погубилъ-бы тогда сотни людей, какъ теперь погубитъ хорошую тройку лошадей.

Авдотѣ Алексѣевнѣ казалось, что лошади ея уже пропали, она принялась тосковать и причитать, а братъ ея посматривать то на нее, то на дорогу, виднѣвшуюся между липами; но тарантасъ все еще не показывался; наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, Денисьевъ вскричалъ:

«Да, полно голосить, сестра! Точно плакальщица, давай лучше чай пить, авось и Сеня подъѣдет!»

Авдотья Алексѣевна нехотя повиновалась; но убрала большую половину приготовленнаго бѣлаго хлѣба и замѣнила его нѣсколькими ломтями чернаго. Капитанъ смотрѣлъ на нее съ улыбкою, насмѣшливо покачивалъ головою и наконецъ сказалъ: «полно, сестра, крохоборничать; подумаешь, глядя на тебя, что ты бѣдна, какъ церковная мышь, а у самой сундуки ломаются отъ серебра и золота. Будь у меня столько денегъ, вотъ какой лихой корабль-бы построилъ, всѣмъ сосѣдямъ на диво».

Чай подали, отпили, подождали часъ, другой, но Сѣня не ѣдетъ; переждали ужинъ, часть ночи, даже на слѣдующій день до обѣда, и все-таки не дождались гимназиста.

Авдотья Алексѣевна ужасно всхлопоталась; ходила по дому, какъ потерянная, сердилась на прислугу, бранилась и еще строже взыскивала за ошибки по хозяйству.

Капитанъ смотрѣлъ на нее, улыбался и говорилъ, про себя, но такъ, чтобы сестра слышала: «снарядила экспедицію, но не дали хлѣба; поди, ищи на морѣ подножнаго корму, лови ракушекъ на сушѣ, доставай безъ денегъ овса и сѣна!»

«Да, полно, братъ, вздоръ-то говорить, лучше-бъ

пошелъ посмотрѣть не ѣдетъ ли Сеня!» И старикъ вставалъ, бралъ свою зрительную трубку и смотрѣлъ въ нее, ворча про себя: «то-то баба, волосъ дологъ, а умъ коротокъ».

Авдотья Алексѣевна съ досады совсѣмъ не велѣла готовить обѣда, отпустила половинную долю на мѣсиво для коровъ, остальнымъ домашнимъ лошадямъ убавила овса, точно будто ей хотѣлось на всѣхъ выместить горе, чтобы и животныя сочувствовали ей. Только на третье утро, послѣ описаннаго нами вечера, за клубилась пыль на дорогѣ и къ крыльцу лихо подлетѣлъ тарантасикъ съ тройкой лошадей и съ человѣкомъ на козлахъ. Изъ тарантаса выскочилъ мальчикъ, лѣтъ четырнадцати. На звукъ бубенчиковъ старики выбѣжали, и Сеня повисъ на шеѣ матери. Радость ея, при видѣ сына, была такъ велика, что она, на первыхъ порахъ, и не подумала спросить, отчего это онъ опоздалъ и не упрекнула его за безпокойство, ей причиненное. Она повела бойкаго, черноглазаго мальчика въ столовую, посадила его къ чайному столу и угощала его пирожками и всякою всячиною; всего вдоволь было наставлено на столъ и ни въ чемъ незамѣтно было ея скупости.

Мальчикъ, съ большимъ аппетитомъ ѣлъ и пилъ. Мать впиалась въ него глазами и наслаждалась имъ; онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ красивъ, глаза

его такъ и блестяли какою-то плутоватостью; лице было свѣжо, весело и очень полно; но платьѣ запачкано и непорядочно, галстукъ свернулся въ сторону; вообще въ костюмѣ его было неряшество, нисколько не соотвѣтствовавшее чертамъ лица и его цвѣту, очень румяному и здоровому. Дядя тоже смотрѣлъ на Сеню, и, очевидно, былъ недоволенъ его наружностью; когда мальчикъ былъ уже сытъ, онъ спросилъ: «ну, пріятель, теперь ты поѣлъ, твои глаза уже попривыкли къ нашимъ старымъ лицамъ; скажи-же мнѣ, какъ ты доѣхалъ къ намъ и отчего опоздалъ?»

«Опоздалъ я по очень важной причинѣ: на послѣднемъ экзаменѣ я встрѣтился съ однимъ изъ товарищей, который въ прошедшемъ году вышелъ изъ одного класса со мною и отправился въ Петербургъ въ Академію Художествъ. Мы съ нимъ разговорились, намъ нужно было столько переговорить, я столько узналъ отъ него, что мы никакъ не могли разстаться, сколько ни уговаривалъ Федоръ. Ужъ извините, маменька, что я опоздалъ! Да, я еще пригласилъ Иванова къ намъ на недѣлю, на другую, вѣдь, вы ему позвольте, мамаша, погостить у насъ; мы еще не все переговорили съ нимъ; къ тому же, будемъ съ нимъ вмѣстѣ гулять, рисовать».

— Ну, Богъ съ нимъ, пусть пріѣзжаетъ! Лучше-

бы ему было тотчасъ же съ тобою ѣхать, Сеня, чѣмъ задерживать лошадей. Я и то была въ хлопотахъ, чѣмъ вы тамъ кормили лошадей; онѣ, мои голубушки, тамъ, должно быть, совсѣмъ извелись безъ корма.

«Нѣтъ, мамаша, и имъ, и Федору, и кучеру было всего довольно; позаботился, не безпокойтесь!

— Но откуда же ты взялъ денегъ? Я тебѣ не присылала?

«Правда, но я занялъ у Иванова, и вы ему отдадите, когда онъ пріѣдетъ къ намъ.

— Эхъ, не люблю я до смерти занимать и давать денегъ взаймы! Ну, чтобы ѣхать прямо домой! У меня все было рассчитано, такъ зачѣмъ же портить все прихотями? Теперь поди, отдавай деньги, а гдѣ мнѣ ихъ взять? Времена плохія; еще прошлогодній хлѣбъ залежался, не проданъ, а нынѣшній зеленъ; откуда мнѣ взять денегъ? А, сколько ты занялъ?

«Десять рублей! отвѣчалъ немного оторопѣвшій мальчикъ.

— Десять рублей! Ахъ, Господи ты мой! Шутка-ли, десять рублей! Да, гдѣ ихъ взять, просто, хоть въ петлю полѣзай!

«Полно, сестра, прервалъ капитанъ ея жалобы; десять-то рублей заплатишь ты, это ни тебя, ни меня не разорить. Не въ томъ дѣло, а мальчикъ,

14 лѣтъ, не долженъ занимать денегъ, не долженъ своевольничать; если мать приказала тебѣ пріѣхать въ такой-то день и часъ, то хоть умирай, а исполняй приказаніе. Оставаться же изъ-за того, что встрѣтился съ товарищемъ, нечего и думать; приказаніе матери важнѣе всѣхъ товарищей въ свѣтѣ. Если-бы занятія по гимназіи тебя не пустили—дѣло другое: съ того дня, какъ ты поступилъ въ гимназію, ты какъ-будто поступилъ на службу, обязался исполнять приказанія начальства и тутъ никакихъ отговорокъ, никакихъ даже само-малѣйшихъ упущеній быть не можетъ. Мальчикъ долженъ повиноваться своему начальству, въ противномъ случаѣ изъ непокорнаго мальчика выйдетъ негодный подданный, неспособный ни къ какому занятію, потому что каждое требуетъ честнаго исполненія своей обязанности. Какъ сынъ — ты обязанъ слушаться матери; какъ гимназистъ — обязанъ слушаться директора и учителей, а вырастешь, какъ подданный—обязанъ повиноваться законамъ. Вотъ что! Нечего смотрѣть на меня во всѣ глаза. Я правду говорю.»

— Ну, братецъ, прервала его сестра, ты ужъ слишкомъ строгъ. Онъ исправится!

«Балуй его, сестра, балуй, наживешь отъ него радости! Попался бы ты ко мнѣ на корабль, пріятель, я бы тебя вышколоилъ; посадилъ-бы за

первую вину въ трюмъ, на хлѣбъ и на воду, показаль-бы я тебѣ, каково не слушаться матери, каково деньги занимаешь, не имѣя возможности заработать ихъ и выплатить.

Наступило продолжительное молчаніе; всѣ были недовольны: мать—тѣмъ, что братъ, при первой встрѣчѣ, разбранилъ ея ненагляднаго, избалованнаго Сеничку; братъ чувствовалъ вину своего племянника, досадовалъ на него и на сестру за ея слабость; а мальчику непріятенъ былъ строгій выговоръ дяди, но онъ сознавалъ его справедливость и ему совѣстно было, что провинился такъ необдуманно. Прошло съ четверть часа; наконецъ мать, чтобы начать другой разговоръ и показать сыну, что его школьные успѣхи ее занимаютъ, спросила его: «покажи мнѣ, Сеня, свои годовыя гимназическія отмѣтки, да скажи мнѣ, переводятъ-ли тебя въ слѣдующій классъ!»

Сеня разстегнулъ сюртукъ, долго шарилъ въ боковомъ карманѣ, переминался, краснѣлъ, съ видимою неохотою досталъ листокъ бумаги и подаль его матери. Она развернула, смотрѣла, смотрѣла и наконецъ спросила: «отчего это у тебя такія плохія отмѣтки? За латинскій языкъ—2, за математику—2; за географію и исторію тоже плохо по — 3. Ты, должно быть, очень плохо учился?»

«Мамаша, я старался, сколько могъ; но у насъ очень трудно получать хорошія отмѣтки».

— Отчего-же это, племянничекъ, спросилъ дядя.

«У насъ нѣкоторые учителя очень строги, а другіе....»

— Что другіе?

«Только своимъ любимцамъ ставятъ хорошіе баллы».

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ дядя, улыбаясь.

«Увѣряю васъ; вотъ, хоть-бы Шепелеву, только за то и ставитъ латинскій учитель хорошія отмѣтки, что тотъ умѣетъ во время подслужиться».

— Скажи, пожалуйста, такъ у васъ всѣ учителя несправедливы и всѣ только любимцамъ ставятъ по 5?

«Ну, хоть не всѣ, но большая часть».

— Ну-ка, скажи мнѣ, племянничекъ, кто же изъ учителей особенно строгъ и справедливъ?

«Да, вотъ хоть учитель математики, у него трудно получать по 5».

— Однакожь, получилъ кто нибудь?

«Какже, человекъ пять въ классѣ, не больше».

— Ну, а по четыре есть тоже?

«Есть. Этихъ даже больше, человекъ десять наберется».

— Хорошо. Значитъ по 3 еще больше.

«Да, такихъ съ пятнадцать будетъ».

— Скажи-же мнѣ, Сеня, а какъ великъ классъ вашъ?

«Очень великъ; насъ сорокъ человекъ.»

— Ну, вотъ видишь-ли, что я изъ этого разспроса заключаю: ты, вѣроятно, очень лѣнивъ, очень невнимателенъ и въ цѣлый годъ преплохо учился; ты не смотри на тѣхъ, которые ниже тебя, а посмотри, сколько мальчиковъ стоятъ надъ тобою. Быть въ четвертомъ десяткѣ по какому-бы то ни было предмету, — вещь постыдная. Нѣтъ, въ наше время, т. е. когда я учился, насъ отецъ не баловалъ; какъ принесешь плохія отмѣтки, такъ знай напередъ, что безъ наказанія не останешься. А не перейти въ другой классъ, какъ ты, пріятель, такъ лучше глазъ домой не показывай, на недѣлю запреть въ темную комнату, да продержитъ на хлѣбѣ и водѣ; и мы съ братомъ, бывало, изъ кожи лѣземъ, ночей не доспимъ, а ужъ учимся, чтобъ только не огорчить батюшку, да не подпасть подъ гнѣвъ его.

«Ну, дядюшка, въ ваше время не столько и требовалось, тогда и не трудно было учиться, а теперь, что годъ, то труднѣе, лучше велятъ отвѣчать.»

— Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ, теперь отъ мальчугана невѣсть какой мудрости требуютъ, но все-же въ классѣ есть такіе, что исполняютъ эти

требованія. Почему-жь бы тебѣ, братецъ, не быть въ числѣ ихъ? Если другіе могутъ понимать и выучивать данное, такъ и ты не долженъ отставать отъ нихъ. Да, братецъ; все-жь выходитъ, что ты лентяй и ни на что негодный дармоѣдъ!... заключилъ дядя, разгорячившійся постепенно, всталъ, вышелъ изъ комнаты и заперся въ своей каютѣ, что онъ всегда дѣлалъ, когда былъ очень огорченъ, или очень недоволенъ чѣмъ-нибудь.

— Видишь, какъ твои неспѣхи огорчаютъ дядю, сказала мать, а мнѣ-то каково переносить стыдъ, который ты мнѣ дѣлаешь. А я-то радовалась твоему приѣзду, готовила тебѣ на кануны и лошадь, и телѣжку, и рыболовныхъ снарядовъ, и лодку, и всего, а ты меня не захотѣлъ порадовать; ну, чтобы тебѣ было позаняться, да перейти въ другой классъ? Вѣдь ты ужъ не ребенокъ, тебѣ четырнадцать лѣтъ, а ты еще въ третьемъ классѣ. Стыдно, право, стыдно! Многіе шестнадцати лѣтъ поступаютъ въ службу, или управляютъ имѣньемъ. А тебѣ далеко-ли до шестнадцати лѣтъ? Эхъ, Сеня, Сеня, нѣтъ мнѣ отъ тебя радости!

Мальчикъ со слезами кинулся матери на шею и просилъ прощенія, обѣщаясь непременно исправиться. Слабая мать, до безумія привязанная къ единственному сыну, не только простила его, но

еще общалась похлопотать о томъ, чтобы и дядя простилъ его.

Это ей удалось; и жизнь въ сѣренкомъ домикѣ потекла весело и беззаботно; Сеня катался на лодкѣ, ѣздилъ верхомъ, ловилъ рыбу; однимъ словомъ, не замѣчалъ, какъ время летитъ. Въ дождливые дни, сколько дядя ни уговаривалъ его заняться чѣмъ-нибудь вмѣстѣ, Сеня все отговаривался и садился рисовать; онъ, дѣйствительно, дѣлалъ успѣхи по рисованью: домики у него стояли прямо и бодро, деревья не походили на палки, съ наверхенною на нихъ паклею, вода была довольно прозрачна, однимъ словомъ, онъ рисовалъ хорошо для мальчика четырнадцати лѣтъ, но особенныхъ дарованій къ живописи не обнаруживалъ.

Вотъ, дождался онъ наконецъ своего пріятеля; пріѣхалъ Ивановъ; мальчики обрадовались и первые дни съ утра до вечера проводили вмѣстѣ; Ивановъ никогда лѣтомъ не живалъ въ деревнѣ и потому съ чрезвычайнымъ жаромъ какъ-бы пожиралъ всѣ сельскія удовольствія. Они вставали рано и Сеня съ Ваней отправлялись къ рѣчкѣ, купались, ловили руками раковъ, причемъ Ваня приходилъ въ восторгъ отъ ловкости своего пріятеля: они, обыкновенно, шли къ самому глубокому мѣсту рѣки, къ кудобинамъ, которыя въ деревняхъ называютъ омутами. Сеня бросался съ крутаго берега въ глубь,

нырялъ и подъ водой въ песчаномъ берегу отыскивалъ рукою нору рака; Сеня ловко хваталъ его прямо за клешни и голову, вытаскивалъ, поднимался на поверхность воды и съ торжествомъ выбрасывалъ на траву. Такимъ образомъ добытые раки были самые крупные; Ваня бережно бралъ ихъ за спинку и поднималъ, и разсматривалъ, какъ они шлепають шейками.

Удовольствія было много, но Ваня никакъ не рѣшался принять участіе въ ловлѣ, онъ не могъ рѣшиться сунуть руку въ нору и хватать рака за клешню.

Однажды потѣха эта чуть-чуть не кончилась очень плохо. День выпалъ превосходный, тихій и теплый до крайности; ни малѣйшаго вѣтерка; листья на деревьяхъ опустились, точно изнемогая отъ разимчатого жара; птицы замолкли въ лѣсной чащѣ; наши знакомые мальчики сидѣли подъ тѣнью сосенъ, нависшихъ съ песчанаго берега надъ рѣкою; по скату ея стлался ивнякъ и корнями своими укрѣплялъ ежегодно смываемый песчаный берегъ. Товарищи рисовали песчаную отмель, за нею зеленый лугъ и лѣсъ, тянувшійся вдаль; оба были углублены въ свое занятіе. Вдругъ Сеня поднялъ голову и заглянулъ въ рисунокъ Вани; «ахъ, какъ ты хорошо нарисовалъ; ну, гдѣ мнѣ за тобой угоняться! У меня рѣка какая-то мутная, тяжелая,

точно масло, трава походитъ на какіе-то восклицательные знаки, а лѣсъ—просто ни на что не походить; особенно вижу я безобразіе своего рисунка, когда сравниваю его съ твоимъ.»

Ваня спокойно положилъ свой рисунокъ на траву, взялъ тетрадь Сени, посмотрѣлъ на нее и сказалъ: «совсѣмъ не такъ дурно, какъ ты говоришь; у тебя есть дарованіе, тебѣ стоитъ только заняться, и набьешь руку; глазъ у тебя вѣренъ, а это — главное. Не сравнивай нашихъ рисунковъ, вспомни, я цѣлый годъ ужъ въ Академіи Художествъ и каждый день рисую часа по четыре, не сходя съ мѣста; такъ удивительно-ли послѣ этого, что я рисую немного лучше тебя.»

«И я, въ нынѣшнемъ году, не мало исчеркала бумаги; изъ-за страсти къ рисованью и учился плохо, и не перешелъ въ слѣдующій классъ, изъ-за рисованья головомойки выносилъ и въ гимназіи, и дома. Но успѣховъ особыхъ у себя не вижу, я не доволенъ собою и боюсь, не выйдетъ изъ меня порядочнаго художника. Вотъ еслибъ я какимъ-нибудь способомъ вдругъ могъ передать холсту, или бумагѣ то, что у меня рисуется въ воображеніи, я, навѣрное, сталъ бы въ числѣ первыхъ учениковъ академіи, и картины мои были-бы не изъ послѣднихъ.»

— Но бѣда, такихъ способовъ нѣтъ, остается

одинъ — учиться механической сторонѣ искусства; а она не легко дается; это я знаю по опыту. Но, не въ томъ дѣло: учиться можно тогда только, когда есть гдѣ учиться; а имѣешь-ли ты надежду поступить въ академію? Говориль-ли ты Авдотѣ Алексѣевнѣ и дядѣ?

«Нѣтъ еще, надобно выждать удобнаго времени. Мамаша меня готовить въ военную службу; ей хочется видѣть меня въ кавалерійскомъ мундирѣ, и потому не знаю, какъ мнѣ приняться за свое дѣло. Бѣда, да и только!» Оба замолчали на нѣсколько времени и задумались. «Ну, что я, ничего не видя, повѣсилъ носъ, сказалъ Сеня, тряхнувъ кудрявою головою; пойдемъ лучшекупаемся, а я посмотрю, гдѣ раки зимуютъ, авось наткнуся на какихъ-нибудь толстыхъ анахоретовъ.»

— Нѣтъ, Сеня, я купаться не стану, а посижу на берегу и посмотрю, какъ ты отличаешься; я и то въ послѣдній разъ сбиль себѣ ногу; очень болить. Я ее только помою и вновь перевяжу!»

— Ну, какъ хочешь, вѣженка! Пойдемъ!

Оба подошли къ берегу; одинъ тотчасъ-же очутился въ водѣ, а Ваня только разулся и сталъ обмывать раненное мѣсто. Сеня, между-тѣмъ, плавалъ, нырялъ, пріятели перебрасывались словами и шутили. Набралось ужъ около полусотни крупныхъ черепокожихъ. Сеня опустился на дно, потомъ выныр-

нулъ и весело сказалъ: «знаешь-ли, нашель совсѣмъ новое мѣсто! Если только доберусь до раковъ, такъ покажу имъ, каково со мною знаться!» И съ этими словами онъ нырнулъ; Ваня ждетъ, проходитъ минута—его нѣтъ, проходитъ другая—нѣтъ; онъ раздѣвается и кидается въ рѣку, чтобы отыскать своего друга.

Нырнувъ, Сеня опустился очень глубоко, почти на самое дно; тамъ лежали корчи и въ нихъ то, по его расчету, должны были находиться норы. Онъ ощущалъ корчъ и сувулъ руку между двумя развѣтвленіями корней; рука пошла свободно; онъ — дальше, тамъ немного тѣснѣе, но все-таки ничего; онъ хватаетъ исполинскаго рака, хочетъ выдернуть руку—не тутъ-то было, нельзя; онъ барахтается, бросилъ рака, но повернулся видно такъ неловко, что рука застряла и онъ никакъ не можетъ высвободить ея. Страхъ сжимаетъ ему сердце; онъ чувствуетъ надобность дохнуть; ему тѣснить грудь, вода шумитъ надъ нимъ какъ-то страшно, зловѣще. Онъ хочетъ крикнуть, но хлебасть воду; Сеня напрягаетъ послѣднія усилія, отчаянно рванулъ, сдвинулъ немного пень, но руки выдернуть не можетъ. Что съ нимъ дальше было, онъ не помнить.

Ваня, бросившись въ рѣку, прямо патенулъ на своего, уже безчувственнаго, друга; Ваня тотчасъ ощущалъ его руку, увидѣлъ, что она завязла въ

корчѣ, вынырнулъ, чтобы заpastись воздухомъ, и опять, опустившись, принялся высвободить своего пріятеля. Но ему пришлось еще разъ вынырнуть прежде, чѣмъ онъ совсѣмъ вытащилъ его руку и съ нимъ поднялся надъ водою. Обоихъ мальчиковъ снесло немного теченіемъ и они пристали къ отмели. Ваня вытащилъ Сеню, положилъ его на траву и началъ, не теряя ни минуты, употреблять всѣ средства, чтобы привести его въ чувство. Такъ-какъ онъ пробылъ подъ водою не болѣе пяти минутъ, то это удалось довольно скоро, и лучше всего помогло вдыханіе воздуха въ носъ и въ ротъ. Сеня тяжело вздохнулъ и вода у него полилась, вмѣстѣ съ кровью, изъ носу и изъ роту. Ваня былъ въ восторгѣ; когда Сеня совершенно очнулся, они бросились другъ другу на шею, и неизвѣстно, которому изъ двухъ было пріятнѣе.

Друзья вернулись домой гораздо позже обыкновеннаго оттого, что Сеня чувствовалъ большую слабость и никакъ не могъ идти. По его блѣдности и по неяснымъ отвѣтамъ дядя тотчасъ догадался, что съ мальчиками было какое-нибудь необыкновенное происшествіе; онъ сталъ ихъ допрашивать и когда узналъ въ чемъ дѣло, по своему обыкновению, порядочно разбилъ племянника за неосторожность, но повелъ его къ себѣ въ каюту и далъ ему какихъ-то корабельныхъ капель, которыя при-

везъ изъ Англій; «на всякій случай», какъ онъ говорилъ, чтобы не было вреда отъ того, что племянникъ черезъ мѣру нахлебался водицы. Мать, узнавъ о происшествіи, и плакала, и смѣялась, и благодарила Ваню, и молилась, и говорила: «не судьба! Не судьба ему утонуть! Става Тебѣ, Господи, что не судьба!» Но, подумавъ немного, прибавила: «хоть тебѣ, Сеничка, можетъ быть и не судьба утонуть, но все же лучше не ходить за раками, не нырять въ глубь омута. Ты у меня одинъ, потѣшь остатокъ дней моихъ, общайся мнѣ, что больше не станешь нырять.»

Сеня обѣщался, и мать успокоилась. Кстати, началась дурная погода и пріятели принуждены были сидѣть дома: они рисовали съ утра до вечера. Наступилъ августъ; надобно было уже подумывать о гимназіи. Сеня видѣлъ, что пришла пора дѣйствовать рѣшительно; онъ выбралъ удобную минуту, когда мать была одна, и подошелъ къ ней съ умоляющимъ видомъ: «Мамаша, сказалъ онъ, прихожу къ вамъ съ просьбою, отъ исполненія которой зависитъ счастье всей моей жизни.»

— Что такое, Сеня, говори!

«Мамаша, вы знаете, въ душѣ человѣка иногда вложена бываетъ страсть, которая даетъ направленіе всѣмъ его мыслямъ и желаніямъ. И если идти наперекоръ этому внутреннему стремленію,

человѣкъ съ такимъ влеченіемъ становится неспособнымъ ко всякому другому занятію. У меня есть такое стремленіе къ живописи. Чѣмъ-бы я ни занимался, въ воображеніи моемъ возникаютъ или живописныя мѣста, мною видѣнныя, или положенія человѣческихъ фигуръ, увлекающія меня красотой линій, или зданія великолѣпныя, поражающія меня величіемъ; я не въ силахъ отбиться отъ этихъ образовъ, волнующихъ мою душу; она вся предается впечатлѣнію, и я становлюсь глухъ ко всему окружающему, не слышу словъ учителя, а если и слышу ихъ, то не понимаю, они отпрыгиваютъ отъ души моей. Я цѣлый годъ боролся съ собою, цѣлый годъ хотѣлъ преодолѣть въ себѣ это непонятное влеченіе, но напрасно: примусь за алгебраическое вычисленіе и не знаю самъ какъ, а карандашъ мой чертитъ, какую-нибудь головку, или какой-нибудь видъ. Вы сами видите, какое слѣдствіе этой невозможности заниматься чѣмъ-нибудь, кромѣ рисованья: я получалъ дурныя отмѣтки, не выдержалъ переводнаго экзамена и остался въ томъ-же классѣ. Увѣряю васъ, у меня нѣтъ силы противиться моему влеченію, я погибну, хуже, чѣмъ погибъ было въ омутѣ за раками, если не займусь тѣмъ, къ чему лежитъ вся душа моя; осчастливьте меня, мамаша, избавьте отъ горькой участи быть человѣкомъ негоднымъ ни къ какому дѣлу, позвольте мнѣ посту-

пить въ Академію Художествъ. Вы увидите, я докажу вамъ, что здѣсь я принесу вамъ удовольствіе, и самъ буду счастливъ, и приобрету почетное имя.»

Авдотья Алексѣевна слушала сына; она не понимала и половины того, что онъ говорилъ, тѣмъ болѣе, что, какъ школьникъ, говорилъ чопорно и надуту. Но она видѣла, что онъ говоритъ съ жаромъ и увлеченіемъ и поняла только, что у него охота къ живописи и желаніе поступить въ академію; но ей не хотѣлось отказаться отъ любимой мечты своей, видѣть сына въ военномъ платьѣ, на лошади. Съ другой стороны, безконечная любовь къ сыну, боязнь испортить всю жизнь его, заставляли ее колебаться, и она возразила ему не совсѣмъ твердымъ голосомъ: «а, какъ-же? Вѣдь я думала ты пойдешь въ гусары? Я ужъ и рассчитывала гдѣ купить лошадь? Я хотѣла тебѣ велѣть въ нынѣшнемъ году учиться верховой ѣздѣ и фехтованью? Ты знаешь, отецъ твой былъ военный, такъ я бы хотѣла и тебя видѣть въ томъ-же полку!»

— Мамаша, не лучше-ли и не пріятнѣе-ли вамъ будетъ видѣть меня порядочнымъ живописцемъ, чѣмъ плохимъ гусаромъ? Мнѣ не нравится мундиръ, мнѣ не нравится ни пѣшій, ни конный строй; посмотрѣть на войско хорошо, но самому идти между солдатами не завидная вещь.

«Но, Сеня, вѣдь ты любишь лошадей, ты не можешь налюбоваться на своего *воронка*.»

— Вы правы, мамаша, я очень люблю лошадей, но развѣ сдѣлавшись живописцемъ, я перестану любить ихъ? Напротивъ, поучившись рисовать, я лучше буду умѣть цѣнить красоту ихъ, чѣмъ будучи кавалеристомъ, незнающимъ ни рисунка, ни движеній лошади. Отпустите меня въ академію, дайте мнѣ *воронка* съ собою и вы увидите, какой портретъ его пришлю я черезъ нѣсколько времени!

«Ну, что тебѣ за охота, Сеня, идти въ живописцы? Работа грязная, ни куда глазъ нельзя будетъ показать; то ли дѣло—военный. Одѣтъ всегда щегольски, жизнь спокойная, веселая; поучись годика три, четыре въ гимназіи и тогда поступай въ любой полкъ, я препятствовать не буду.

Беззаботная жизнь военнаго человѣка манила къ себѣ Сеню, но, чтобы добраться до нея, онъ долженъ былъ окончить курсъ въ гимназіи, для этого надобно было учиться, а отъ всякаго прилежнаго занятія онъ чувствовалъ неодолимое отвращеніе; къ тому-же онъ дѣйствительно любилъ рисованье, и ему казалось, что онъ можетъ быть счастливъ только тогда, когда вполнѣ отдастся своему влеченію. Все, что онъ говорилъ матери о страсти своей къ живописи, было правда; у Сени

былъ характеръ живой, способный увлекаться тѣмъ или другимъ порывомъ къ занятію, но у него не доставало твердости воли, необходимой при изученіи чего-бы то ни было. Онъ-бы, пожалуй, пошелъ въ военную службу и между занятіями нашель-бы время для живописи, но онъ не чувствовалъ въ себѣ достаточной твердости, чтобы учиться въ гимназіи, окончить курсъ, безъ чего, онъ зналъ навѣрное, ни мать, ни дядя не позволятъ ему поступить въ полкъ, да на бѣду и годами онъ еще не доросъ до права надѣть мундиръ. Всѣ эти мысли промелькнули въ душѣ Сени, и онъ твердо отвѣчалъ: «нѣтъ, мамаша, я неспособенъ къ военной службѣ; я къ ней буду также невнимателенъ, какъ и въ гимназіи, а тамъ, случись война, я могу повредить не одному себѣ; нѣтъ, я не хочу и не могу быть военнымъ; душа моя лежитъ къ одному искусству; осчастливьте меня, мамаша, позвольте поступить въ академію!»

— Это до того противно всѣмъ надеждамъ и всѣмъ понятіямъ моимъ, что мнѣ нужно время обдумать слова твои; подожди недѣлю; посмотрю, на что рѣшиться. Еще не пришла пора отправляться въ гимназію.

Такое замедленіе очень не понравилось Сенѣ; но дѣлать было нечего: онъ, повѣсивъ голову, поворился своей участи. Авдотья Алексѣевна пошла

въ садъ и долго ходила по аллеѣ, долго думала, но никакъ не могла свыкнуться съ требованіемъ сына; впрочемъ для слабой матери каждое желаніе сына было требованіе, въ которомъ она не въ силахъ была отказать ему. Наконецъ, пошла она въ каюту брата посоветоваться съ нимъ и рассказала, въ чемъ дѣло; но старый капитанъ рѣшительно объявилъ ей: «балуешь ты, матушка, сына; что ему за блажь такая зашла въ голову? Эка невидальщина такая: художникомъ хочу быть! По моему, учись сперва тамъ, куда помѣстили, а кончишь курсъ, такъ вольный казакъ—будь художникомъ, будь военнымъ, статскимъ, всѣмъ, чѣмъ вздумается; тогда не запрещай; но теперь, повѣрь мнѣ сестра, приструнь его, пусть учится и всякія художества выбросить изъ головы. Во всемъ вижу я одну лѣность, а она плохой совѣтникъ и до добра не доведетъ.»

— Но онъ говоритъ, что чувствуетъ какое-то тамъ призваніе къ живописи, что всякое другое дѣло ему постыло, что даже въ классѣ, когда учитель толкуетъ, душа его такъ полна живописи, что не слышитъ, чему учать.

«Слушай ты его, красная; а по мнѣ—это все одна лѣность!»

— Ну ужъ, братъ, ты затвердилъ одно—лѣность, да лѣность! Чтожъ мнѣ дѣлать?

«Да, линьками его, такъ лѣность пройдетъ, а

художества выскочать изъ головы. Право такъ! Лечивали мы на кораблѣ линьками отъ всякихъ болѣзней.

— Ну, это годится съ матросами, солдатами грубыми, а не съ нѣжнымъ, хорошо воспитаннымъ мальчикомъ.

«Какже, славно воспитанъ: не учится, получаетъ нуль, да остается въ классѣ!

— Съ тобою, братъ, ни о чемъ и говорить нельзя, ты все линьки, да карцеры! Съ тобою и поговѣтоваться нельзя.

«Я дѣло говорю; а ты потачками избалуешь мальчика, а потомъ и будешь жалѣть, да поздно будетъ—не поправишь—смотри; я мальчика, пожалуй, не меньше тебя люблю, но вижу, онъ на дурной дорогѣ и боюсь, не погубила-бъ ты его вовсе. Мальчика безъ строгости воспитать нельзя.

— По твоему все бить; но это противно моимъ правиламъ.

«Ничуть не бывало, я только грожусь линьками, но тронуль-ли я его когда-нибудь пальцемъ? А дѣло вотъ въ чемъ: разбери порядочно, дѣйствительно-ли у него есть призваніе къ искусствамъ, скажи ему, что только одинъ путь въ академію—черезъ гимназическій курсъ, скажи, да твердо и настой на своемъ. Небось, если его истинное назначеніе быть художникомъ, онъ будетъ учиться тѣмъ прилежиѣ,

чтобы добиться исполненія своихъ желаній. Если-же его въ академію гонить лѣность, онъ будетъ брести кое-какъ, и кончивши курсъ не пойдетъ въ академію, а пользуясь твоимъ обѣщаніемъ, поступитъ юнкеромъ въ любой полкъ; потому что и въ академіи надобно учиться, а лѣнивый человѣкъ скорѣе пойдетъ въ солдаты, чѣмъ примется за книгу. Вотъ мой совѣтъ: хочешь принимай его, не хочешь—Богъ съ тобою, ты вольна въ своемъ сынѣ!»

Въ теченіи недѣли разговоры съ братомъ и съ сыномъ возобновлялись еще нѣсколько разъ, но все ничѣмъ не оканчивались. Однакожь Сеня замѣтилъ, что возраженія матери съ каждымъ днемъ становятся слабѣе; къ тому-же, его поддерживалъ Ваня и при всякомъ случаѣ говорилъ о его способностяхъ къ рисованью, о его успѣхахъ и тѣмъ еще болѣе колебалъ слабую Авдотью Алексѣевну. Къ концу недѣли она дала свое согласіе и на всѣ возраженія брата отвѣчала: «дѣлать нечего; видно, ужъ его судьба такая!»

— Эхъ, сестра, сестра! У тебя все *судьба*; не лучше-ли сказать—твое баловство и твоя безхарактерность! Смотри, потомъ не пеняй на меня, когда худо выйдетъ!»

Какъ-бы то ни было, но молодца снарядили въ дорогу; Авдотья Алексѣевна поѣхала съ нимъ, исполнила всѣ официальные формы, необходимыя, что-

бы исключить сына изъ гимназіи и помѣстить въ академію. Она отыскала одного изъ профессоровъ, котораго уважали за дарованіе и за характеръ, помѣстила сына у него на квартирѣ и просила его не только принять Сеничку въ число учениковъ, но и заступитъ ему мѣсто отца и наблюдать за тѣмъ, чтобы онъ не испортился.

Авдотья Алексѣевна распрощалась съ сыномъ, благословила его и прибавила: «учись порядочно, старайся оправдать свои надежды, работай прилежно и не забывай, что я въ угоду тебѣ поссорилась съ братомъ и не послушалась его совѣтовъ, которые, можетъ-быть и лучше того, какъ я поступила. Ну, Богъ съ тобой! Видно судьба тебѣ быть живописцемъ».

Для Сени началась совершенно новая жизнь; сперва онъ съ большимъ жаромъ по цѣлымъ днямъ рисовалъ: его посадили въ высшій классъ; но кромѣ рисованья профессоръ требовалъ, чтобы онъ учился математикѣ, словесности, всеобщей исторіи, географіи и исторіи изящныхъ искусствъ; мать, вслѣдствіе совѣтовъ брата, поручила профессору позаботиться о воспитаніи ея сына и дала ему на это очень достаточную сумму денегъ. Сеня удивился, что и въ академіи не убѣжалъ отъ ненавистныхъ уроковъ, но вскорѣ примирился съ своею участью, потому что злѣйшаго врага его, латинскаго языка, не

было. Занимался онъ сначала порядочно; все были новые преподаватели, ему вовсе незнакомые, да и читали они занимательно; рисоваль тоже прилежно, только на каждомъ шагу чувствовалъ, что не достаётъ у него истиннаго прилежанія, одушевленной любви въ труду.

Прошелъ годъ; занятія домашнія шли все кое-какъ, учителя жаловались на его невнимательность, а Сеня—на взыскательность ихъ; рисованье подвигалось медленно, все не могъ онъ попасть въ число перваго десятка учениковъ и досадовалъ на свою безуспѣшность; однакожъ, къ концу втораго полугодя Сеню перевели въ классъ гипсовыхъ головъ.

Профессоръ написалъ о томъ матери и между прочимъ сказалъ ей, что не совсѣмъ доволенъ прилежаніемъ ея сына; хотя у него не большія способности къ живописи, но есть, и онъ могъ-бы гораздо лучше учиться, только надобно быть по-прилежнѣе, хуже всего у него идутъ занятія по разнымъ предметамъ, на частныхъ урокахъ: тутъ онъ показываетъ невообразимую разсѣянность, невнимательность и лѣность; въ заключеніе онъ совѣтовалъ матери во время каникулъ строже наблюдать за мальчикомъ и заставлять его заниматься.

Приѣхалъ Сеня домой, привезъ цѣлый картонъ картинъ, начатыхъ и оконченныхъ; дядя пересмотрѣлъ ихъ и сказалъ: «я не знатокъ въ рисованьи,

но вижу, что ты каждую головку лучше начинаешь, чѣмъ оканчиваешь; посмотри, вотъ у этой лобъ, глаза и носъ отлично оттушеваны, а эта щека, губы, подбородокъ, платье и руки кое-какъ набросаны, точно трубочистъ рукою напачкалъ.»

И каждый рисунокъ такъ. «Вотъ, стой, у меня есть отличный рисунокъ моего покойнаго друга; сдѣланъ съ гипса; за него онъ получилъ 2 №, а ты знаешь, это не худо. Ну, такъ ты на досугѣ сдѣлай мнѣ копію; да еще попробуй срисовать эту гипсовую голову.» Дядя подаль ему гипсовую голову, большой листъ съ прекраснымъ рисункомъ цѣлой гипсовой фигуры, досталь изъ своей каюты цѣлую пачку итальянскихъ карандашей; они были бережно завернуты въ свинцовую пластинку и положены въ ящичекъ, насыпанный солью, для того, чтобы не высохли и не сдѣлались ломки. Сеня принялъ подарокъ, поблагодарилъ за него, но не очень торопился приниматься за работу; онъ красками малевалъ какое-то море, а на немъ разнащенный корабль. Дядя не напоминалъ ему о данныхъ рисункахъ, но внимательно слѣдилъ за занятіями племянника: «ну, говорилъ онъ, пусть рисуетъ море; сначала плохо, потомъ пойдетъ лучше: и у Айвазовскаго не съ перваго раза выходила чудно-прозрачная вода и корабль легкій и граціозный, какъ чайка.»

По поводу корабля Сеня очень часто прибѣгалъ за совѣтами къ капитану Денисьеву; старикъ охотно удовлетворялъ любознательности мальчика, бралъ листъ бумаги, чертилъ мачту, рею, парусъ, называлъ каждый блокъ, каждую веревку и съ наслажденіемъ говорилъ о своемъ любимомъ занятіи. Старикъ и мальчикъ по цѣлымъ днямъ проводили вмѣстѣ; Сеня слушалъ, краски сохли у него на палитрѣ, а кисть не шевелилась; онъ ловилъ слова, и память его удерживала названія частей корабля такъ хорошо, что къ концу каникулъ онъ, не хуже дяди, зналъ ихъ.

По временамъ однако дядя приговаривался къ тому, чтобы Сеня принялся за рисунки съ гипсовъ: «тебѣ это полезно будетъ для гипсоваго класса; ну-ка, Сеня, возмись за карандаши: мы съ тобою слишкомъ долго гуляли по морю; пора тебѣ на сушу, да въ мастерскую художника!»

— Вы правы, дядюшка, отвѣчалъ Сеня; тотчасъ приносилъ доску, съ натянутой на ней бумагой и принимался тушевать. «Но, чтобъ мнѣ не скучно было, говорилъ онъ, почитайте мнѣ какое-нибудь морское путешествіе, или расскажите что-нибудь о вашихъ поѣздкахъ.

«Охотно, ты только работай; я стану говорить.»

Сеня рисовалъ прилежно, пока дядя сидѣлъ

подлѣ него и рассказывалъ ему свои похождения; но когда онъ чѣмъ-нибудь уходилъ, или отпра-влялся въ свою каюту отдохнуть, Сеня на лоскут-кѣ бумаги чертилъ корабликъ, или бросалъ каран-даши, задумывался, или убѣгалъ въ садъ, на берегъ рѣчки, ложился на крутизнѣ, подѣ тѣнью липы и лежалъ до-тѣхъ-поръ, пока его не позовутъ къ чаю, или къ обѣду. Меньше всего удовольствія достав-ляла ему рыбная ловля и ѣзда верхомъ. Онъ, во-обще, сдѣлался уныль; мать безпокоилась, полагая, что онъ чѣмъ-нибудь болѣнъ, и часто спрашивала его, не болѣнъ ли онъ чѣмъ-нибудь? «Совершенно здоровъ, отвѣчалъ сынъ, посмотрите на меня, по-хожъ-ли я на больного?»

— Отчего-же ты такъ грустенъ, Сеничка?

«Напротивъ, мамаша, я совершенно веселъ и не думаю скучать.»

Авдотья Алексѣевна не могла добиться, что ему нужно, иногда, казалось, будто ему хочется сказать что-то, но онъ одумывался, молчалъ и ухо-дилъ въ садъ, въ поле, или въ лѣсъ. Нѣсколько разъ дядя принимался допрашивать его, но мальчикъ все ссылался или на головную боль, или на жаръ, или просто заминалъ рѣчь и переводилъ ее на лю-бимые морскіе рассказы капитана.

Такимъ образомъ прошло лѣто. Сеня отпра-вился въ Академію Художествъ. Прошло болѣе полу-

года; однажды вечеромъ за самоваромъ, въ гостинной нашего знакомаго деревенскаго домика, сидѣла Авдотья Алексѣевна съ братомъ. Лице старушки выражало безпокойство; она очень часто вставала съ своего мѣста, подходила къ окну и прислушивалась. «Что это до-сихъ-поръ Федоръ не возвращается со станціи; пора-бы ему быть дома; вѣдь не далеко: всего двадцать верстъ.

— Но ты посмотри, сестра, какая непогода; можетъ быть, гдѣ-нибудь пережидаетъ ее, оттого и опоздалъ, къ тому-же, и дорога плохая; колеса по ступицу, должно-быть, вязнутъ въ глинѣ; сама ты знаешь, каково у насъ ѣздить весною: зажоры (*) на каждомъ шагу. Лучше было-бы послать его верхомъ: верховому и пѣшему вездѣ дорога, не то, что съ тѣлегой, которая не-то плыветъ, не-то тонетъ въ грязи.

«Неужели сегодня опять не привезетъ онъ письма отъ Сенички? Вотъ уже полтора мѣсяца, какъ отъ него нѣтъ ни строки; ужь не болѣнь-ли онъ?

— Кто его знаетъ! Странно и профессоръ молчить, а то, бывало, каждый мѣсяцъ пишетъ объ

*) Зажорами у насъ въ Россіи называются ямы въ глинистой почвѣ, наполненные водою, или жидкой и вязкой массой; сверху онѣ подмерзнуть или подсохнуть; когда на нихъ взѣдетъ телега, тонкая кора проламывается и колеса завязаютъ

его успѣхахъ; да, видно, недоволенъ имъ, и то уже два раза жаловался на его лѣтность, на то, что не оканчиваетъ ни одного рисунка, въ наукахъ-же идетъ и того хуже; боюсь я, избалуется мальчикъ.

«Въ послѣднемъ письмѣ, по твоему совѣту, я его порядочно разбранила; видно, онъ обидѣлся, оттого и не отвѣчаетъ, или захворалъ съ горя: онъ такой чувствительный.»

— Не захвораетъ отъ головомойки; а обижаться твоими выговорами онъ не долженъ: порядочный сынъ и до старости покорно выносить то, что ему говорятъ родители; можно-ли досадовать на замѣчанія матери, которая готова жизнь отдать за сына, даже за дурнаго, не только за хорошаго.

«Это такъ, братецъ, но не забудь, ему шестнадцать лѣтъ; въ этомъ возрастѣ разсуждать еще не умѣютъ... Послушай, телѣга застучала, должно-быть Федоръ пріѣхалъ!»

Авдотья Алексѣевна вскочила съ своего мѣста, подбѣжала къ окну и внимательно принялась глядѣть на дворъ; «такъ и есть: пріѣхалъ, идетъ прямо сюда!» Нѣсколько мгновений спустя, въ гостиную вошелъ Федоръ, въ тулупѣ, съ сапогами по колѣно.

— Ну что, есть письмо?

— Есть, сударыня, цѣлыхъ два.

Онъ изъ-за пазухи досталъ пакетъ, завернутый

въ клѣтчатый носовой платокъ, развернулъ его, не торопясь, и подалъ: «вотъ, письма привезъ, и всѣ покупки справилъ, и говядину привезъ, и теленка продалъ, и деньги получили: извольте, вотъ онѣ.» Онъ досталъ кошелекъ, высыпалъ мелочь на столъ и отсчиталъ два съ полтиною, которыя приходились за теленка.

— Спасибо, Ѳедоръ, ступай отдохни; завтра дашь мнѣ отчетъ въ покупкахъ, теперь мнѣ некогда; надо прочитать письмо. Ступай съ Богомъ!

Братъ взялъ письмо профессора, а Авдотья Алексѣевна письмо сына. Старики надѣли очки и принялись читать. Въ комнатѣ была глубочайшая тишина; письма читались медленно; по временамъ слышались полувнятные восклицанія; содержаніе обоихъ писемъ казалось неудовлетворительнымъ. Они, молча, обмѣнялись письмами.

— Нѣтъ, плохо дѣло, сестра! Дай, я тебѣ прочитаю письмо профессора: онъ пишетъ очень неразборчиво и при твоихъ слабыхъ глазахъ тебѣ трудно будетъ читать; слушай-же, я пропущу начало письма: тамъ поклоны, уваженіе и всякій подобный вздоръ: «Очень мнѣ жаль, что не могу васъ порадовать добрыми вѣстями на счетъ вашего сына. Онъ потерялъ всякую охоту къ рисованью; вмѣсто головокъ у него выходятъ какія-то чучелы — плоскія, безъ выпуклостей, набросанныя кое-какъ,

безъ всякаго старанія; даже въ прошедшемъ году, вскорѣ послѣ поступленія въ академію, онъ постыдился-бы теперешніе рисунки признать своими. Когда я ему дѣлаю замѣчанія, онъ отвѣчаетъ, что чувствуетъ свое нравственное безсиліе сдѣлаться хорошимъ художникомъ, что тотъ жаръ сердечный, который онъ почиталъ призваніемъ, въ немъ остылъ и онъ увѣренъ, если будетъ продолжать учиться, то изъ него выйдетъ развѣ только вывѣсочный маляръ, а совсѣмъ не художникъ. Я полагаю, что такъ говорить онъ только по лѣности, а совсѣмъ не по убѣжденію. Вообще сынъ вашъ права недѣятельнаго, онъ увлекается чѣмъ-нибудь очень сильно, но не надолго; всякое занятіе, требующее труда, ему вскорѣ надоѣдаетъ, и онъ не находитъ удовольствія побѣждать трудности: «этого преодолѣть нельзя», говоритъ онъ, но повѣрьте мнѣ, непреодолимыхъ трудностей ни въ искусствѣ, ни въ наукѣ — нѣтъ, если только въ человѣкѣ найдется терпѣніе и постоянство въ занятіяхъ. Совѣтую вамъ, напишите вашему сыну, что однажды избраннаго поприща не должно мѣнять какъ платье; лучше попытать свои силы въ борьбѣ съ трудностями, чѣмъ ослабѣвать при первомъ препятствіи и признать себя неспособнымъ. Сынъ вашъ очень часто заговариваетъ о своей неспособности къ рисованью и о томъ, что ему лучше поискать другаго занятія, болѣе свой-

ственного съ его склонностями и природными дарованіями. Вы меня спросите, каково идутъ у него занятія по наукамъ? Къ несчастію, также плохо, какъ и по рисованью. Лучше всего онъ занимается математикой, но и въ этомъ предметѣ его знанія очень ограниченны и успѣхи неудовлетворительны; впрочемъ то и другое опять зависитъ не отъ недостатка способностей, а отъ той же лѣности, которая губить всѣ его врожденныя дарованія; а ихъ у него не мало!..

«Ну, дальше читать нечего, прибавилъ капитанъ: тамъ обычныя вѣжливости — и почтеніе, и покорнѣйшій слуга и т. д... Плохо, Сеня совершенно избаловался. Дай-ка его письмо, посмотрю, что пишетъ нашъ краснобай.

— Читай громко, братецъ, я еще разъ послушаю: все же онъ мнѣ сынъ; мой милый, дорогой Сеня, зачѣмъ ты меня печалишь своимъ легкомысліемъ?

«Посмотримъ, что онъ пишетъ: «Милая мамаша! Давно я не писалъ вамъ, но на душѣ у меня постоянно такая невыносимая тяжесть, что трудно выразить даже вамъ, моя добрая, снисходительная маменька. Занятія не только не доставляютъ мнѣ развлеченія и сердечнаго удовольствия, но крайне меня раздражаютъ и поселяютъ такое недовольство собою и

всѣмъ окружающимъ, что жизнь мнѣ становится въ тягость. Сиди по цѣлымъ днямъ, корпи надъ глупымъ задѣлываньемъ бѣлыхъ пятнышекъ въ черныхъ мѣстахъ рисунка, чини карандаши, выбирай свѣта и полутѣни съ такого далекаго отъ гипсовой головы мѣста, что и разобрать ничего не можешь; все сливается въ какія-то сѣрыя тѣни. Къ тому-же, съ нѣкоторыхъ поръ и глаза у меня стали плохо видѣть, должно-быть оттого, что слишкомъ пристально смотрю на рисунокъ, когда надобно задѣлывать рябь. Скука такого мелочнаго занятія невыразима; видно, я не рожденъ художникомъ, потому что не могу свыкнуться съ копотливою, механическою стороною искусства. Физическая работа, постоянно напряженное вниманіе къ крапинкамъ убиваетъ во мнѣ всякую охоту; у меня все изъ рукъ валится; недавно начатый рисунокъ становится до того отвратительнымъ, что я не могу смотрѣть на него, не только оканчивать. Профессоръ досадуетъ, но я не въ силахъ преодолѣть своего отвращенія отъ механизма. Я думалъ, поступая въ академію, что въ ней душа найдетъ свободу, просторъ, а на повѣрку вышло, что ее вздумали втѣснить въ такія узкія рамки, что она должна глохнуть и задыхаться. Не знаю, какъ у другихъ, но у меня душа не выносить жалкой, бессмысленной копотни; пока она не зачахла, въ ней постоянно носились оча-

ровательные образы, я думалъ, что во мнѣ есть талантъ; но теперь все во мнѣ заснуло, все покрыто непроницаемымъ мракомъ; въ воображеніи моемъ никогда не мелькнетъ ни одной картины, не является больше ни мѣстности, ни формы. Все во мнѣ замерзло, точно-будто никогда и не жило. Нѣтъ! не могу быть живописцемъ; во мнѣ умеръ зародышъ художества, я сдѣлался неспособенъ къ одушевленію.

«Вы, милая мамаша, можете-быть напомните мнѣ то, что я говорилъ вамъ передъ поступленіемъ въ академію; но, къ величайшему сожалѣнію своему, я долженъ сознаться, что ошибся въ своемъ стремленіи, я думалъ, что во мнѣ есть хотя искра таланта, а вышло, я просто бездарный и нетерпѣливый мальчишка. Вы меня спросите, что же я намѣренъ теперь дѣлать? Въ гимназію возвращаться не могу; я уже отсталъ во многихъ предметахъ отъ товарищей; курсъ моего ученія направленъ былъ иначе, нежели гимназическій. Мнѣ кажется, я былъ-бы вполне счастливъ, если-бы мнѣ позволили присоединиться къ эскадрѣ, которую весною отправляютъ на Амуръ; теперь я не могу еще выдержать экзамена на мичмана, хотя и занимался морскими науками и математикой, но послѣ экспедиціи я уже достаточно приготавлиюсь и тогда буду порядочнымъ морякомъ, съ знаніями не хуже всякаго кадета, вы-

шедшаго изъ морскаго корпуса. Я чувствую, что дѣятельная жизнь моряка скорѣе удовлетворитъ меня, чѣмъ всякая другая. Мамаша! благословите меня на новое поприще, и вѣрьте, я теперь ужъ не мальчишка, мнѣ шестнадцать лѣтъ, я хорошо обдумалъ намѣреніе свое, и успѣхъ оправдаетъ вашу довѣренность. Дяденька! примите мою сторону, уговорите мамашу и помогите мнѣ идти по той-же дорогѣ, по которой вы шли такъ славно. Уговорите, милый дяденька: на этотъ разъ я не ошибаюсь въ своемъ чувствѣ; не проходитъ часа, чтобы я не думалъ о морѣ; мнѣ и во снѣ постоянно снятся бури и приключенія дѣятельной жизни. Съ лихорадочнымъ волненіемъ ожидаю вашего отвѣта. Благословите меня!»

— Ну, сесгра, что скажешь?

«Что говоритъ! Я теряюсь совсѣмъ, но ни за что не позволю Сенѣ идти въ морскую службу. Мнѣ еще не надоѣла его жизнь; неужели мнѣ позволить ему утонуть? Нѣтъ, ни за что не позволю.

— Не каждый тонетъ; посмотри на меня; я двадцать-пять лѣтъ шатался по морямъ, въ это время я вынесъ столько штормовъ, сколько дней въ году, а остался живъ, слѣдовательно, море еще не такъ страшно. Будь я увѣренъ, что изъ Сени выйдетъ порядочный лейтенантъ, я первый сталъ-бы уговаривать тебя; но, вогъ бѣда: у него семь пятницъ на

недѣлѣ. Чѣмъ-бы онъ ни завялся, за все сначала берется съ жаромъ, но скоро остываетъ, и каждый трудъ ему противенъ. Говорилъ я тебѣ не разъ, еще въ то время, когда онъ былъ крохотный, заставляй его работать, трудиться, не приучай къ лѣности, пропадетъ онъ, когда излѣнится. Боюсь, не вышло-бы такъ! Мнѣ очень не нравится, когда мальчишки находятъ въ себѣ разныя призванія, то къ одному, то къ другому; изъ такихъ призваній бываетъ мало толку.

«На морѣ изъ него, можетъ-быть, толкъ вый-детъ, но все-же я не позволю; ну, если потонетъ, что тогда? Нѣтъ, нѣтъ, сохрани Богъ, и подумать страшно!

— Какъ хочешь, сестра: по моему, волка бояться—въ лѣсъ не ходить. Повторяю тебѣ, я бы сердечно радъ былъ видѣть его съ вортикомъ, но одного боюсь:—не пустая-ли это вспышка.

«По мнѣ все равно, пустая, или нѣтъ, но на море не пуцу, какъ святъ Богъ, не пуцу; такъ и напишу ему: нѣтъ ему моего благословенія на морскую службу, а если сдѣлаетъ противъ меня, такъ и знать его не хочу. Но нѣтъ, этого опасаться нечего: Сеня добрый сынъ, онъ изъ моего повиновенія не выйдетъ! Не шальной-же онъ какой!

— И такъ, рѣшено: ты ему не позволяешь; эхъ, коли-бъ знать, да вѣдать, такъ уговорилъ-бы тебя, но боюсь не принять-бы грѣха на душу, не потакать-бы только лѣности и шаловливости. Пойду-ка я въ свою каюту и напишу ему письмо, постараюсь выбить у него изъ головы дурь, если она къ нему набралась, и навести его на путь истинный. Напиши и ты ему, сестра; можетъ быть образумится.

Письма были написаны и отосланы; Денисьевъ и Авдотья Алексѣевна съ нетерпѣніемъ дожидались отвѣта; наконецъ, онъ пришелъ черезъ три недѣли. Опять мольбы, просьбы, увѣренія, что отъ этого зависить счастье жизни и т. п. Дядя все колебался; мать рѣшительно отказывала, требовала, чтобы сынъ или оставался въ академія, или готовился въ университетъ. Переписка длилась нѣсколько времени, все въ томъ же разногласіи; Авдотья Алексѣевна тосковала, сердилась; капитанъ то уговаривалъ сестру, то опять выражалъ сомнѣніе. Наступила весна; требованія, просьбы и мольбы Сени становились настойчивѣе; отказы матери были рѣшительны по прежнему; вдругъ письма изъ Петербурга прекратились; Ѳедоръ безпрестанно ѣздилъ на станцію, и каждый разъ возвращался съ пустыми руками; такъ прошло около мѣсяца. Авдотья Алексѣевна ходила по дому какъ тѣнь; она не обращала вниманія

ни на хозяйственныя распоряженія, ни на сельскія работы; сердце ея было. Наконецъ Федоръ привозитъ съ почты толстый пакетъ; мать сорвала печать — письмо отъ профессора и отъ Сени. Вотъ что писалъ профессоръ: «Давно не получали вы отъ меня писемъ, но мнѣ нечего было писать послѣ того письма, которое вы получили отъ меня. Въ послѣдніе мѣсяцы сынъ вашъ не исправился, но со дня на день становился невнимательнѣе и лѣнивѣе; напрасно я уговаривалъ его, грозился отослать къ вамъ, ничто не помогало. Онъ терпѣливо выслушивалъ угрозы и выговоры и только въ послѣднее время показывалъ нѣкоторую раздражительность, несвойственную его кроткому и любящему сердцу. Надобно вамъ признаться, что я и все мое семейство сердечно полюбили его за прекрасный характеръ; будь онъ только прилеженъ и внимателенъ, это былъ-бы золотой человѣкъ. Возвращаюсь къ своему разсказу: удивленный его довольно рѣзкими и даже грубыми отвѣтами, я однажды замѣтилъ ему это и представилъ ему все неприличіе такого поведенія; онъ мнѣ отвѣчалъ: «я вамъ надоѣлъ; это я вижу изъ вашихъ выговоровъ, но и мнѣ жизнь у васъ въ тягость; успокойтесь, я не надолго остаюсь съ вами». Куда-же ты намѣренъ отправиться? спросилъ я. «На Амуръ». — Развѣ ты получилъ на это позволеніе отъ матери?— «Я ужъ впишусь скоро въ

число вольноопредѣляющихся матросовъ». Полно вздоръ говорить, сказалъ я ему, полагая, что онъ шутить и зная, навѣрное, что всѣ бумаги его хранятся у меня въ ящикѣ. Но, представьте себѣ: недѣлю спустя сынъ вашъ исчезаетъ, я ищу его, не нахожу и послѣ подробнаго осмотра дома открываю, что онъ взялъ съ собою всѣ свои бумаги, хранившіяся у меня, потому что я, по вашему желанію, еще не вписалъ его формально въ число воспитанниковъ академіи; я бросился въ Морское Министертво и узналъ, что сынъ вашъ поступилъ юнкеромъ, или какъ они тамъ называются, на пароходъ, на прошедшей недѣлѣ отправившійся въ экспедицію на Амуръ. Онъ тайно отъ меня подалъ прошеніе, доставилъ бумаги, выдержалъ тамъ какой-то экзаменъ и теперь ужъ гдѣ нибудь или въ Нѣмецкомъ морѣ, или въ океанѣ. Изъ Кронштадта онъ прислалъ одно письмо ко мнѣ, другое на ваше имя, которое прилагаю при семъ. Сердечно сожалью о горькой необходимости писать вамъ все вышесказанное, но дѣлать нечего; не моя вина, что я не могъ усмотрѣть за вашимъ сыномъ: онъ сдѣлалъ все такъ тайно и хитро, что не придумалъ-бы лучше и взрослый...»

Письмо Сени къ матери было исполнено живѣйшаго чувства любви и сожалѣнія, что принужденъ опечалить ее, но что чувство, влекущее его, силь-

нѣе его самого, что онъ умеръ - бы съ отчаянія, если-бы не отдался влеченію и т. д.

Авдотья Алексѣевна упала въ обморокъ, прочитавши письма, и даже заболѣла довольно сильно; она поправилась, но ужасно тосковала и утѣшала себя только тѣмъ, что говорила: «судьба его, видно такая! Судьба! Что дѣлать, съ нею спорить не станешь!»

Прошло полгода, Авдотья Алексѣевна получала изрѣдка письма то съ той, то съ другой стоянки корабля; она уже успокоилась, перестала тосковать, предалась волѣ Божіей; въ поступкѣ сына видѣла неизбѣжную судьбу и забыла даже о томъ, что не хотѣла *знать сына*, если онъ поступитъ не по ея волѣ. Старый капитанъ съ нетерпѣніемъ распечатывалъ письма отъ племянника, читалъ ихъ съ недовѣрчивостію и если ничего не находилъ, чтобы подтверждало его опасенія, вздохнувши говорилъ: «слава Богу, пока все хорошо; можетъ быть, на морѣ найдетъ себѣ занятіе по сердцу; а то смерть боюсь его непостоянства».

Когда Сеня поступилъ на пароходъ, ему все было ново, все нравилось; онъ съ жаромъ принялся изучать обязанности свои и съ точностію исполнялъ ихъ; плаваніе сначала было благополучно, но когда вышли въ Атлантическій океанъ, начались

жесточайшія бури; намѣревались обогнуть мысъ Добрая Надежды и вокругъ Африки идти къ Амуру; но бури были такъ сильны на высотѣ Зеленаго мыса, вѣтры до того противны, что начальникъ экспедиціи почелъ за лучшее, пользуясь экваторіальнымъ теченіемъ и пассатами, идти къ Америкѣ и, обогнувъ мысъ Горнъ, подняться къ сѣверу. Перѣздъ долгій и въ высшей степени опасный; надобно было бороться и съ морскими теченіями и съ противными вѣтрами и бурями; сверхъ того болѣзни постоянныя. Сеня не могъ привыкнуть къ качкѣ и всякій разъ при сильномъ вѣтрѣ лежалъ больной; силы его истощились; онъ не могъ выносить дальнѣйшаго путешествія. Капитанъ корабля, по совѣту корабельнаго доктора, рѣшился оставить его на твердой землѣ.

Прибывъ въ Рио-Жанейро, больного Сеню на рукахъ снесли на твердую землю и положили въ городской лазаретъ. Капитанъ передалъ русскому консулу всѣ его бумаги, всѣ деньги, у него оставшіяся, и поручилъ больного, послѣ выздоровленія, какимъ-нибудь способомъ доставить въ Россію: составленъ былъ актъ о его неспособности къ морской службѣ, по причинѣ слабаго сложенія и невозможности привыкнуть къ качкѣ.

Лежалъ Сеня въ лазаретѣ одинъ, всѣми покинутый; надзоръ за больными—самый невниматель-

ный: однажды въ день придетъ докторъ, который говорилъ только по-португальски, небрежно взглянетъ на языкъ, пощупаетъ пульсъ, прикажетъ дать лекарство, а небрежная прислуга лекарства не даетъ, но чтобы быть правой, выливаетъ его въ окно; въ остальное-же время сидитъ себѣ на порогѣ и покуриваетъ коротенькія сигаретки. Жаръ томить Сеню; онъ по-русски и по-французски зоветъ служителей, проситъ воды, но никто не обращаетъ вниманія на его умоляющій вопль. Такъ протянулись пять безконечно длинныхъ дней; въ минуты, когда лихорадка немного ослабѣвала, онъ имѣлъ время подумать о своемъ положеніи и объ опрометчивости, съ которою оставилъ свое отечество. На товарищахъ лазаретныхъ на-право и на-лѣво видѣлъ онъ какъ надобно поступать, чтобы хотя немного облегчить свое состояніе; они за каждую кружку воды давали по мелкой мѣдной монетѣ и потому никогда не нуждались въ ней. Сеня тоже воспользовался мгновеніемъ, когда подошелъ служитель, протянулъ ему пустую кружку, сказалъ: «*agua!*», и бросилъ въ нее монетку. Служитель принесъ воды, и съ тѣхъ поръ Сеня ужъ не нуждался въ ней. Такимъ-же образомъ добывалъ онъ себѣ хлѣба и бульону, потому что больничнаго не могъ ѣсть: онъ обыкновенно имѣлъ такой дурной вкусъ и запахъ, что не было возможности съѣсть ложку.

На шестой день пришелъ въ лазаретъ секретарь русскаго консула, чтобы справиться о положеніи больного и узнать, не нуждается-ли онъ въ чемъ-нибудь. Сеня былъ такъ радъ видѣть соотечественника, хотъ не русскаго, но все-же служащаго русскому правительству, что съ жаромъ сталъ ему рассказывать о своихъ нуждахъ и о чувствѣ одиночества и заброшенности, подавлявшемъ его. Нѣмецъ, плохо понимавшій по-русски и еще хуже по-французски, очень внимательно выслушалъ жалобы молодого человѣка и сказалъ: «мы здѣсь не дома, мы въ чужой сторонѣ; что дѣлать? Правительство здѣшнее не обязано лечить русскихъ и заботиться о о нихъ: мы должны быть благодарны и за то, что съ нами такъ человѣколюбиво поступаютъ. Совѣтую вамъ, молодой человѣкъ, не жалуйтесь, а будьте благодарны!»

— Но, господинъ секретарь, вы ошибаетесь на мой счетъ; я не матросъ и не нуждаюсь въ благотворительности бразильскаго правительства; у меня есть деньги, врученныя консульству капитаномъ корабля; а если ихъ у меня не достанетъ, мнѣ пришлютъ изъ Россіи; у меня есть мать, родственники и знакомые.

«Такъ чего-же вы хотите?»

— Я хотѣлъ-бы, чтобы вы мнѣ принесли, или прислали денегъ: я оставилъ-бы лазаретъ, помѣ-

стился на квартирѣ и пригласилъ-бы доктора. Я увѣренъ, я-бы очень скоро выздоровѣлъ и могъ-бы отправиться дальше.

«Очень хорошо, я переговорю обо всемъ съ консуломъ и сообщу вамъ его рѣшеніе. Прощайте; желаю вамъ скорого выздоровленія».

Полусоотечественники очень холодно разстались, и для Сени жизнь больничная пошла опять своимъ порядкомъ, или, правильнѣе, безпорядкомъ. Болѣзнь уступала не лекарствамъ, но молодости и крѣпкому сложенію мальчика. Прошло еще дня три, наконецъ опять явился секретарь посольства и засталъ Сени уже на ногахъ; онъ уже сидѣлъ за столомъ и что-то чертилъ на бумагѣ.

«Здравствуйте, господинъ секретарь; ну, проморили-же вы меня безъ отвѣта.

— Это не отъ меня зависѣло; такъ угодно было начальству; но и теперь я не принесъ вамъ позволенія оставить больницу и денегъ не принесъ.

«Отчего это?»

— Оттого, что вы мнѣ въ послѣдній разъ не дали отъ себя записки, въ которой-бы подробно изложили свое требованіе и сказали, *встѣхъ-ли денегъ желаете получить, или нѣкоторыхъ и идѣ на-мѣрены помѣщиваться.*

«Ахъ, Боже мой, неужели вы даже сюда въ

Бразилію перенесли русскія формальности? Какъ вамъ не стыдно? Хорошо покровительство оказываете своимъ соотечественникамъ? Не останься у меня нѣсколькихъ грошей въ карманѣ, я-бы давно уже умеръ съ голоду и жажды. Вы требуете отъ меня записки, но развѣ вы не видите, что я еще до того слабъ, что едва могу держать перо въ рукахъ, и писать для меня—большой трудъ.

— Вотъ поэтому-то вамъ лучше еще пробить немного въ больницѣ, поправиться и тогда уже, для окончательнаго выздоровленія, вы можете помѣститься за-городомъ.

Очевидно, надобно было подчиниться необходимости, написать записку и еще около недѣли дожидаться, чтобы пришелъ отвѣтъ и были присланы деньги; молодой человѣкъ досадовалъ, сердился, но выносилъ свою участь, потому что другаго ничего нельзя было дѣлать. Онъдохнулъ свободнѣе, когда наконецъ, опираясь на плечо двухъ негровъ, могъ выдти изъ больницы, этого омута безпорядковъ, нечистоты и духоты.

Одинъ услужливый негръ, приставленный къ больницѣ, нашель квартиру у какой-то мулатки, которая, по его словамъ, была не только отличная женщина, но и очень хорошо умѣла ходить за больными. Сеню привезли въ маленькій домикъ, окруженный прекраснымъ, тѣнистымъ садомъ. Ком-

натка, ему приготовленная, была очень чиста и опрятна; съ неизъяснимымъ чувствомъ наслажденія бросился онъ на мягкую постель съ чистымъ одѣяломъ и простынею. Сама хозяйка, мулатка, одѣтая чисто, въ яркомъ платьѣ, въ платкѣ яркаго цвѣта, съ материнскою ласкою разспрашивала на ломанномъ французскомъ языкѣ молодого русскаго и, какъ видно, сочувствовала его молодости, болѣзни и одиночеству. Она поила его какими-то успокоительными лимонадами своей стряпни, заботилась о томъ, чтобы въ комнатѣ не было душно, призвала доктора, не того, чваннаго португальца, который былъ въ лазаретѣ, а другаго, очень ласковаго, внимательнаго и знающаго; его единственный недостатокъ заключался въ томъ, что онъ происходитъ отъ *цветныхъ людей*. Поэтому практики у него было немного: только мулаты и метиссы приглашали его; но такъ-какъ у Сени не было предразсудковъ, и цвѣтъ кожи для него ничего не значилъ, то этимъ приобрѣлъ онъ особенную любовь своего доктора и хозяйки; оба цѣнили снисхожденіе безупречно бѣлаго и всѣми силами старались доказать ему свою благодарность тѣмъ, что ходили за нимъ, какъ за роднымъ сыномъ. При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ здоровье Сени замѣтно начало поправляться, и въ скоромъ времени онъ уже могъ, не въ жаркую пору дня,

просиживать по нѣскольку часовъ на плоской крышѣ дома. Онъ смотрѣлъ съ любопытствомъ на улицу, по которой безпрестанно мелькали прохожіе и проѣзжіе: то идетъ монахъ босоногій, подпоясанный веревкой съ надвинутымъ на глаза капюшономъ; передъ нимъ бѣжитъ мальчикъ съ зажженою свѣчею и съ колокольчикомъ въ рукахъ: это монахъ несетъ Св. причастіе какому-нибудь бѣдному, умирающему; всѣ встрѣчные набожно становятся на колѣни и съ молитвой провожаютъ символъ искупленія и жизни вѣчной. Къ людямъ богатымъ церковь посылаетъ Св. дары съ большей церемоніей: священники въ полномъ облаченіи, имъ предшествуютъ съ зажженными свѣчами, съ хоругвями и съ крестами; это бываетъ цѣлый крестный ходъ; но для пищихъ довольно и одного монаха съ мальчикомъ-прислужникомъ.

По улицѣ мелькали всадники, въ богатой національной одеждѣ, шитой золотомъ и блестками; у *ранкорога* (фермера) все вышито: и платье, и сѣдло, и чапракъ, и узда, и поводья; вездѣ кисти, блестящія цѣпи, все звенить и брякаетъ, точно маскарадный костюмъ, только рукоятка ножа, выглядывающая изъ-за раструба сапога, показывала, что костюмъ не для маскарада, а настоящій, готовый служить и въ битвѣ, и въ пиру. Дамы въ черныхъ испанскихъ кружевныхъ мантильяхъ ѣз-

дили мимо въ коляскахъ, или верхомъ, или въ фабриолетахъ; тутъ - же бѣжали негры и негритянки съ ношею на головѣ, съ корзинами за спиною; проводники съ мулами; ваверосы и гаучосы на полудикихъ лошадяхъ своихъ, полуодѣтые, въ одѣялахъ, вмѣсто плаща, съ перазлучнымъ *боласъ* въ рукахъ, увеличивали пестроту массы, которая по вечерамъ оживляла уединенную улицу передъ домомъ Сени и, какъ въ калейдоскопѣ, представляла ему жизнь разноплеменнаго Рио-Жанейро.

Мулатка - хозяйка распрашивала Сеню о его далекой родинѣ и съ какимъ-то невольнымъ уваженіемъ отнесла на почту письмо, написанное имъ въ далекую Россію, говоря: «видишь, какое маленькое и тоненькое, а надобно ему будетъ летѣть далеко, далеко, много миль, летѣть безъ остановки, все впередъ и впередъ; ну, какъ ему не устать?»

По мѣрѣ возстановленія силъ, Сеня началъ думать о томъ, какъ-бы ему выбраться изъ Рио-Жанейро; сочувствія къ секретарю посольства у него ни малѣйшаго не было, но все-же онъ считалъ себя обязаннымъ побывать въ посольствѣ и объявить о своемъ намѣреніи. Онъ отправился туда, какъ только былъ въ состояніи выходить; маленькій сынъ мулатки провожалъ его; секретаря Сеня не засталъ, но какой-то другой молодой человекъ встрѣтилъ Сеню очень ласково, съ участіемъ распра-

шиваль его о болѣзни, сожалѣль, что не зналъ ничего раньше, а то непременно навѣстиль-бы его, какъ соотечественника и т. д., и въ заключеніе вызвался доложить о немъ самому посланнику. Не дожидаясь отвѣта, молодой человѣкъ побѣждалъ во внутренніе покои и вскорѣ воротился и сказалъ, что посланникъ желаетъ видѣть г. Миронова.

Въ посланникѣ Сеня нашелъ человѣка образованнаго, ласковаго, снисходительнаго, однимъ-словомъ, достойнаго представителя своего Государя. Ласковый пріемъ подѣйствовалъ на Сеню, какъ освѣжительная роса: онъ ожилъ, повеселѣлъ и на вопросъ посланника, что онъ намѣренъ дѣлать, отвѣчалъ: «я, полагаю, мнѣ надобно добратся въ Россію, а для этого, кажется, лучше всего сперва отправиться въ Нью-Йоркъ.

— Пожалуй, можно; но отсюда не скоро найдете случай ѣхать прямо въ Нью-Йоркъ; въ настоящую минуту нѣтъ ни одного корабля, ни парохода, готоваго идти въ сѣверную Америку; а есть нѣсколько пароходовъ, которые пойдутъ на Кубу и Сень-Доминго; вамъ стоитъ только добратся до одного изъ этихъ острововъ, тамъ ужъ поминутно ходятъ суда въ Нью-Йоркъ.

Прощаясь съ посланникомъ, Сеня просилъ его: письма, какія-бы случились, на его имя изъ Россіи доставить банкиру Гарвею въ Нью-Йоркъ, и ту-

да-же переслать деньги, которыхъ ждетъ съ родины. Посланный далъ ему рекомендательное письмо въ Гаванну, къ одному знатному испанцу, уже давно тамъ поселившемуся.

Дня черезъ три Сеня простился съ мулаткой. Она снарядила его на дорогу, надавала ему корзину съ плодами и пирожками, надѣла ему на шею образокъ и благословила, какъ сына.

Первые дни путешествія шли благополучно, но потомъ настала буря, продолжавшаяся четверо сутокъ; парохоть метало, какъ щепку, обломало мачту, попортило трубу, и если-бы онъ былъ колесный, а не винтовой, то не миновать-бы ему гибели. Дотащились кое-какъ до Сень-Доминго и то только при помощи винтоваго корабля, проходившаго мимо него въ самую критическую минуту. Мачты были изломаны; частію ихъ принуждены были срубить и бросить въ море; котель и труба попорчены, весь экипажъ утомленъ до крайняго изнеможенія. Капитанъ хотѣлъ уже пуститься по вѣтру и теченію и ждать своей судьбы; но, къ счастью, буря утихла немного, между-тѣмъ увидѣли военный американскій корабль, выбросили флагъ, стали стрѣлять и тотъ, понявъ отчаянные сигналы, тотчасъ подплылъ, взялъ на буксиръ и довезъ его до Сень-Доминго. Сеня опять захворалъ отъ качки,

но па этотъ разъ не такъ сильно, и скоро поправился, когда вышелъ на берегъ.

Прошло около мѣсяца; Сеня былъ уже въ Нью-Йоркѣ; изъ дому нѣтъ никакихъ вѣстей; онъ пишетъ и въ Рио-Жанейро въ посольство, и домой къ матери, съ каждымъ днемъ ожидаетъ отвѣта, но не можетъ дожидаться; его точно забыли, а между тѣмъ деньги у него уже на исходѣ; надобно заняться чѣмъ-нибудь, чтобы найти себѣ ежедневное пропитаніе. Сеня не на шутку задумался о томъ, чтобы ему предпринять. Пока деньги были, онъ началъ учиться англійскому языку, безъ котораго, очевидно, нельзя было ничего предпринять, потому что при знаніи французскаго и нѣмецкаго не далеко уйдешь въ Америкѣ. Поселился Сеня въ очень небогатой гостинницѣ, похожей скорѣе на постоялый дворъ. Съ мѣсяць онъ ежедневно бралъ уроки, читалъ по-англійски, много училъ наизусть и уже началъ очень порядочно понимать и говорить. Въ это время въ сосѣднемъ № гостинницы помѣстился какой-то пріѣзжій американскій французъ; онъ встрѣтился съ Сеней, разговорился съ нимъ и, узнавши, кто онъ, откуда и что намѣренъ дѣлать, сказалъ ему: «я знаю англійскій языкъ, какъ свой природный, знаю французскій, потому что самъ французъ; я буду съ вами заниматься каждый день и не по одному часу, а часа по-три, и не возьму

дороже теперешняго; по рукамъ что-ли? Вамъ выгодноѣе взять меня къ себѣ, вашего учителя; вы знаете математику: 3 часа больше одного, слѣдовательно, я выгодноѣе *мистера 'Смита'*.

Наружность и разговоръ француза понравились Сенѣ; начались занятія; оказалось, что сосѣдь — страстный механикъ и былъ тогда занятъ какимъ-то новымъ изобрѣтеніемъ; для окончательныхъ опытовъ у него только недоставало денегъ и для того-то онъ искалъ уроковъ, или другихъ какихъ-нибудь занятій. Въ самое короткое время Сеня сдружился съ французомъ механикомъ и кромѣ языка сталъ у него учиться математикѣ и механикѣ. Какъ за все, и за это Сеня взялся съ жаромъ; онъ работалъ день и ночь и въ самое короткое время сдѣлалъ большіе успѣхи. Прошло полгода; переплатилъ Сеня много своему учителю; денегъ остается мало, а изъ дому все еще нѣтъ вѣстей; онъ шлетъ письмо за письмомъ и въ лихорадочномъ безпокойствѣ ждетъ отвѣта. Механика подвигается, но вмѣстѣ съ знаніемъ не переходитъ къ нему упорство, съ которымъ учитель добивается своего открытія. Однажды вечеромъ оба сидятъ при свѣтѣ газоваго рожка; Сеня читаетъ какую-то англійскую книгу и по временамъ по-англійски спрашиваетъ, если чего не понимаетъ; учитель чертитъ на листѣ бумаги какую-то машину и тутъ-же дѣлаетъ вычисленія.

Но окончивъ ихъ, хватаетъ себя за голову и вскрикиваетъ: «проклятая бѣдность! будь у меня еще немного денегъ, я-бы сдѣлалъ модель и тогда-бы, навѣрное, продалъ за большую цѣну свое изобрѣтеніе; что мнѣ толку въ рисунокѣ и вычисленіи? тутъ все такъ, но всякій-ли пойметъ это?» Послѣ этого французъ задумался, но, видно, ему пришла какая-то счастливая мысль, онъ вдругъ потеръ себѣ руки и, обратившись къ Сенѣ, сказалъ: «молодой другъ мой, изобрѣтеніе мое обогатитъ меня, хоти-те-ли идти со мною въ долю? я вамъ дамъ пятую часть той суммы, за какую продамъ свою машину, если вы отдадите мнѣ теперь всѣ свои деньги; я вчера видѣлъ, какъ вы ихъ считали: у васъ еще порядочная кучка золота.»

— Но съ чѣмъ-же я самъ останусь? мнѣ все еще ничего не присылаютъ; если-бы прислали, охотно-бы подѣлился съ вами.

«Пришлютъ, непременно пришлютъ, а пока, давайте жить въ одной комнатѣ; у меня будетъ съ насъ обоихъ на ежедневное пропитаніе; мнѣ только недостаетъ вдругъ значительной суммы, а по мелочамъ я всегда получаю довольно; я каждый день то на той, то на другой фабрикѣ работаю и получаю поденную плату, но у меня нѣтъ столько, сколько нужно для опыта.

Сеня подумалъ; его прельщала выгода отъ про-

дажи изобрѣтенія, и онъ спросилъ: «а скоро можете вы сдѣлать свою машину и продать ее?»

— Очень скоро, отвѣчалъ французъ: мнѣ бы купить матеріалъ, а сработаютъ у меня пріятели на знакомой фабрикѣ по частямъ; недѣли въ двѣ все будетъ готово, а тамъ продамъ, денежки получимъ, и черезъ мѣсяць, не дальше, вы можете отправиться на свою родину. Обѣщаніе было заманчиво: захотѣлось Сенѣ попытать счастья; онъ отдалъ французу всѣ свои деньги и тотъ тотчасъ началъ пилить, стругать и точить всякія всячины; работа кипѣла; Сеня помогалъ ему прилаживать нѣкоторыя части машины; по самому подробному рисунку, на различныхъ заводахъ отливались колеса модели и, дѣйствительно, черезъ двѣ недѣли не осталось ни одного доллара изъ Сениныхъ денегъ, но за то всѣ отдѣльныя части вновь изобрѣтенной машины были готовы; осталось собрать ее и вывѣрить. То и другое также вскорѣ было сдѣлано. Французъ внѣ себя отъ восторга попробовалъ, дѣйствуетъ-ли она. Дѣйствуетъ! Ну, слава Богу, удалось! Французъ пошелъ продавать свое изобрѣтеніе, ходилъ, ходилъ—тому не нужно, тому некогда придти посмотреть, тамъ дешево даютъ и т. п. Начали приходить смотрѣть машину, пробовали ее. Французъ хлопочетъ, продаетъ, расхваливаетъ, бѣгаетъ то туда, то сюда; а Сеня между тѣмъ сидитъ безъ

дѣла и безъ хлѣба: съ тѣхъ поръ какъ машина поспѣла, французъ такъ занялся дѣломъ, что совсѣмъ забылъ о немъ, да и самъ, неизвѣстно, что ѣлъ: у него вовсе не было денегъ.

Сеня пошелъ искать себѣ работы, но не зналъ, какое-бы придумать занятіе. Ходилъ къ купцамъ, чтобы наняться въ сидѣльцы, — не берутъ; требуютъ свидѣтельства. Онъ къ машинистамъ; — спрашиваютъ: умѣеть-ли точить и ковать; онъ отвѣчаетъ, что нѣтъ, но выучится: — ну, тогда и приходите, когда выучитесь, а мы въ науку не беремъ. Сеня къ разнымъ ремесленникамъ — все такой же отвѣтъ. Онъ въ литографію — говоритъ: я умѣю рисовать, дайте мнѣ работы, чтобы заработать себѣ пропитаніе. Ему для опыта подали камень, литографскій карандашъ и оригиналъ; но Сеня никогда не рисовалъ на камнѣ и потому не зналъ какъ взяться за дѣло, пробовалъ, пробовалъ, ничего не выходитъ.

Содержатель литографіи посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на неудачную литографическую пробу, да и сказалъ: «ну, серъ, я вамъ работы дать не могу, вы, кажется, вовсе не рисовали на камнѣ.

— Но дайте мнѣ времени, я скоро выучусь, позвольте мнѣ посмотрѣть, какъ другіе работаютъ, я тотчасъ перейму.

«Перенимайте себѣ въ другомъ мѣстѣ, а у

меня не занимайте понапрасну мѣста; квартира у меня маленькая, камни на счету, каждый долженъ приносить извѣстный процентъ, а не то понапрасну будетъ лежать затраченный на него капиталъ.

— Позвольте мнѣ нарисовать что-нибудь на бумагѣ, и вы увидите—какъ я рисую, а по этому можете заключить, буду-ли я годиться для вашей литографіи.

«Вѣрю вамъ, серъ, что вы отлично рисуете, да у меня-то нѣтъ для васъ мѣста учиться. Прощайте! Мнѣ некогда! Когда ознакомитесь съ рисованьемъ на камнѣ, приходите, дамъ работу!»

Сеня пошелъ прочь, а ѣсть хочется, въ карманѣ—ни гроша. Продаль носовой платокъ, купилъ булку и пошелъ опять на поиски. Приходить въ типографію: работа кипитъ, набираютъ, печатаютъ; машины движутся; готовые листы поминутно складываются въ кучи. Обратился Сеня къ содержателю типографіи, проситъ работы.

— Кстати, у меня открылось мѣсто наборщика; вчера одинъ умеръ, можете занять его мѣсто. Но по выговору слышу, вы не Американецъ.

«Я Русскій.

— Извините, но я васъ попрошу написать строки три, четыре подъ диктовку, прочитать страницу изъ этой рукописи и набрать страницы двѣ. Если вы выдержите этотъ предварительный экзамень, мѣсто—

за вами, и вы можете по двадцати долларовъ въ недѣлю зарабатывать.

Содержатель типографіи продиетовалъ нѣсколь-ко строкъ. Сеня написалъ, но сдѣлалъ нѣсколько ошибокъ; типографщикъ прочиталъ, поморщился, и довольно нехотя подаль ему очень неразборчивую рукопись. Сеня, хотя съ запинками и остановками, кое-какъ прочиталъ страницу; опять морщится типографщикъ, однакожь ведетъ Сеню въ большую комнату, ставитъ его передъ кассой, подаетъ ему рукопись и говоритъ: «наберите, для пробы, я приду черезъ часъ, посмотрю, что вы сдѣлали; у меня вся работа расчитана на срокъ и промедленія никакого быть не должно!» Сеня остался передъ множествомъ ящиковъ, безъ малѣйшаго понятія, какъ взяться за дѣло; весь разговоръ шелъ такъ быстро, что онъ не нашель возможности сказать, что во-все не умѣеть набирать и долженъ учиться.

Когда онъ остался одинъ, попросилъ своего ближайшаго сосѣда показать ему, какъ взяться за дѣло; сосѣдъ отвѣчалъ: «мнѣ некогда, подойдите и смотрите, а я не могу отойти отъ своего мѣста». Сеня подошелъ, посмотрѣлъ и началъ набирать; но не зналъ, гдѣ лежитъ какая буква, безпрестанно ошибался, разсматривалъ каждую въ отдѣльности, про-работалъ два часа самымъ прилежнымъ образомъ и набралъ только нѣсколько строкъ. Пришелъ хо-

зяня, посмотрѣлъ, улыбнулся и сказалъ: «вы, серъ, нашей работы не знаете, вамъ она вовсе непривычна и потому для моей типографіи не годится; у меня каждая минута на счету; каждый часъ долженъ мнѣ принести извѣстное количество набранныхъ страницъ и потеря каждой отзовется у меня потерей въ деньгахъ; извините, вы у меня учиться не можете, ищите работы тогда, когда она вамъ будетъ по силамъ!»

Сеня, опечаленный, воротился домой; спрашиваетъ, приходилъ-ли французъ; ему отвѣчаютъ, что пріѣзжалъ, взялъ машину и опять уѣхалъ. Сеня дожидается его цѣлый вечеръ, слѣдующій день, еще, и еще, и думаетъ уже, что вовсе не увидитъ его больше. Но вотъ приходитъ французъ въ отчаяніи и говорить, что секретъ его пропалъ, украденъ и онъ за труды свои ничего не получитъ. Французъ и плачетъ, и сердится, и кричитъ, и бѣснуется. Сенѣ жаль смотрѣть на него, онъ утѣшаетъ его, но французъ ничего и слышать не хочетъ и говорить, что уѣзжаетъ въ Новый Орлеанъ, тамъ построить новую машину и постарается найти для нея честныхъ покупателей. Сенины надежды лопнули, французъ обѣщается ему выплатить долгъ свой и уѣзжаетъ, оставивъ Сенѣ два доллара. Сеня ужъ больше не видалъ его, но впоследствии узналъ, что онъ съ этихъ поръ разбогатѣлъ и завелъ отличную

ферму. Но Сенино положеніе было отчаянное, ни денегъ, ни надежды — добыть ихъ честнымъ трудомъ.

Два доллара вскорѣ вышли, справки у банкира были бесполезны, на почтѣ тоже. Однажды Сеня въ глубокой грусти стоялъ на набережной, не зная, за что приняться; кругомъ него кипѣлъ, волновался и работалъ народъ; суетня ужасная; вдругъ одинъ очень хорошо одѣтый человѣкъ подходитъ къ нему и говоритъ: «эй, молодецъ! Что стоишь безъ дѣла? У тебя спина и руки здоровенныя: принимайся-ка за работу; за четыре тюка по доллару дамъ!»

Сеня покраснѣлъ, потупилъ голову, но пошелъ и началъ носить тюки. Послѣ перваго дня работы у него спина, руки и всѣ кости болѣли; онъ на другой день опять пошелъ къ дѣлу, но уже не въ силахъ былъ столько заработать, какъ въ первый день; съ этой поры Сеня ужъ не голодалъ, но чувствовалъ крайнюю досаду оттого, что принужденъ заниматься такимъ дѣломъ, за которое берутся только самые необразованные и самые неспособные люди. Сгибался подъ ношей, облитый потомъ, онъ горько сожалѣлъ о томъ, что ничему основательно не учился и потому ни къ чему не былъ способенъ и принужденъ тяжелою работою приобрѣтать горькій хлѣбъ носильщика, наравнѣ съ неграми и индѣйцами. Такимъ образомъ про-

шелъ цѣлый мѣсяцъ; Сеня перебивался со дня на день, безпрестанно писалъ домой и удивлялся, что не получаетъ ни писемъ, ни денегъ.

Въ Россіи, между тѣмъ, мать и дядя ожидали Сеню со дня на день; по первому письму его деньги были отправлены въ Рио-Жанейро, но почему они не дошли до Сени — неизвѣстно; должно быть по пути расползлись направо и налево; а отправлены были самымъ вѣрнымъ путемъ; одинъ досужій человекъ, ходатай по разнымъ тяжбынымъ дѣламъ, за взяточничество выгнанный изъ службы, взялся отвезти деньги въ Петербургъ и оттуда прислать квитанцію объ отправленіи ихъ на почту; правда, квитанція не была формальная отъ почтамта, или отъ банкира, но просто росписка на почтовомъ листкѣ бумаги, съ подписью, очень неразборчивою. Дѣло въ томъ, что значительная сумма денегъ прельстила отставнаго подъячаго; онъ ихъ положилъ въ карманъ, а росписку написалъ самъ и подписалъ тоже какимъ-то чужимъ именемъ. Чтобы обманъ его не открылся, онъ устроилъ такъ, что всѣ письма изъ-за границы, на имя Мировой, пересылались къ нему и истреблялись; вотъ отчего Сеня не получалъ денегъ, а мать понапрасну томилась, ожидая сына своего, и оплакивала его, какъ мертваго.

Однажды самъ капитанъ Денисьевъ поѣхалъ въ

городъ по какимъ-то дѣламъ. Идетъ онъ по площади и видитъ на почтовыхъ тащется телѣга съ чемоданами. По одеждѣ почтальона и по формѣ чемодановъ съ желѣзными застежками и замкомъ онъ тотчасъ увидѣлъ, что пришла какая-то почта; въ маленькомъ городѣ всѣ ему были знакомы; капитанъ тотчасъ отправился къ почтмейстеру, вошелъ къ нему безъ доклада въ ту минуту, когда ему принесли тюкъ, назначавшійся въ городъ К. и въ уѣздъ. «Здравствуйте, Пантелеймонъ Сидоровичъ, сказалъ онъ; я увидѣлъ, что пришла почта, помогу вамъ разобратъ ее, а можетъ-быть, не найдется-ли письмо на мое, или на сестрино имя; я былъ-бы очень радъ.»

— Здравствуйте, капитанъ, садитесь, а разбиратъ съ нами вамъ нечего трудиться; переписка небольшая; я съ помощникомъ мигомъ разберу; вы же посидите и подождите, можетъ-быть и на ваше имя что-нибудь найдется. И то всякій разъ хлопотно пересылать; спасибо Пуговкину: онъ всякій разъ доставляетъ вамъ письма.»

— Да, пересылалъ раза два, но теперь ужъ давно что-то Сеня не пишетъ; ужъ мы, Богъ вѣсть, какъ безпокоимся; живъ-ли онъ?

«Да, что это вы говорите? воскликнулъ почтмейстеръ; ну вамъ-ли жаловаться на своего пле-

мянника? Не проходитъ недѣли, или двухъ, безъ писемъ отъ него.

— Что вы! Да вотъ ужъ съ полгода нѣтъ ни строки!

«Ни строки! А на прошлой недѣлѣ, а двѣ недѣли тому назадъ, развѣ не отъ него были письма?»

— Мы никакихъ писемъ не получали. Не понимаю, что вы говорите.

«А Пуговкинъ-то развѣ не доставлялъ вамъ?»

— Ни одного; съ полгода тому назадъ привезъ письмо; мы съ нимъ и денегъ послали; а потомъ не видали ни строки.

«Ахъ, злодѣй, злодѣй! Онъ у меня всѣ письма бралъ, чтобы вамъ доставлять; хорошо-же подшутить онъ надъ нами; а писемъ-то, писемъ сколько было!»

Вспыхнулъ старый капитанъ, топнулъ ногою и кулакомъ ударилъ по столу, а самъ, между тѣмъ, глазъ не спускалъ съ почтмейстера; тотъ взялъ, наконецъ, одно письмо со множествомъ клеймъ, и подавая его Денисьеву сказалъ: «вотъ еще письмо, должно-быть, отъ вашего племянника: оно заграничное. Капитанъ съ судорожнымъ нетерпѣнiемъ схватилъ письмо, сорвалъ печать и прочиталъ его; Сеня дошелъ до крайности; отъ работы, вовсе непривычной, онъ опять заболѣлъ, и доллары, тяжелымъ трудомъ собранные въ здоровые дни, при-

шлось проѣдать. Онъ описывалъ свою темную, сырую, грязную квартиру, въ которой лежалъ больной, безъ доктора и лекарствъ, и умолялъ мать и дядю, Христа ради, избавить его отъ тяжелой жизни, дать ему возможность возвратиться на родину, чтобы честнымъ трудомъ заслужить прощевіе родныхъ и загладить заблужденія своихъ полудѣтскихъ лѣтъ. Онъ умолялъ прислать ему немного денегъ, чтобы заплатить за переѣздъ въ Европу, хоть на палубѣ, хоть въ трюмѣ, хоть въ собачей конурѣ; ему было все равно, лишь-бы попасть на родину.

Старый капитанъ не могъ удержаться отъ слезъ, когда прочиталъ письмо, въ которомъ ясно высказывалась душа, растерзанная нуждой; онъ тотчасъ растегнулъ сюртукъ, досталъ бумажникъ, но тамъ оказалось всего только пятьдесятъ рублей; этого мало. Денисьевъ поклонился почтмейстеру, поблагодарилъ его за услужливость и за скоро доставленное письмо, выбѣжалъ на крыльцо, кликнулъ кучера съ тарантасомъ и приказалъ во весь духъ скакать домой. Во всю дорогу онъ не давалъ передохнуть лошадямъ и то и дѣло подгонялъ кучера, чуть не загналъ лошадей; еще за воротами выскочилъ изъ тарантаса, бѣгомъ пустился къ дому, далъ письмо сестрѣ, и самъ тутъ же рассказывалъ въ чемъ дѣло. Въ необыкновенной торопливости онъ самъ побѣжалъ въ свою каюту, написалъ паскоро письмо,

позвалъ своего стараго служителя-матроса и приказалъ ему велѣть заложить новую, самую лучшую тройку въ тарантасъ. Между тѣмъ Авдотья Алексѣевна тоже дочитала письмо, упала въ обморокъ, и когда пришла въ себя, увидѣла передъ собою своего брата въ дорожномъ костюмѣ, съ палкою и трубочкою въ рукахъ. Мать залилась слезами. «Ну, чего плачешь? Слезами не поможешь; надо поскорѣе послать денегъ; я письмо уже написалъ; все, что у меня было на лицо, выбралъ и ѣду въ городъ, пересылаю деньги и письмо на имя моего стараго сослуживца въ Петербургъ; пусть онъ отдастъ деньги банкиру, получить отъ него вексель на банкирскій домъ Гарвея въ Нью-Йоркъ и по первой почтѣ отправить письмо въ Америку. Дай только Богъ, чтобы оно не опоздало, чтобы бѣдный Сеня перемогся и дотерпѣлъ до нашей помощи, а съ пріятелемъ Пуговкинымъ я раздѣляюсь; это все его вина; я его, мошенника, измолочу!

Авдотья Алексѣевна перестала плакать, побѣжала въ свою комнату и нѣсколько минутъ спустя возвратилась съ мѣшкомъ полуимперіаловъ; она высыпала ихъ на столъ и говорила: «бери, братецъ, сколько нужно; но знаешь-ли, ну, если твой пріятель опять, какъ Пуговкинъ, обманетъ насъ и мой несчастный Сеня пропадетъ? Умоляю тебя, братецъ, умоляю слезно, на колѣняхъ, поѣзжай самъ

въ Петербургъ: отъ нашего К. всего сто верстъ до Москвы, а тамъ по желѣзной дорогѣ рукой подать въ Петербургъ.

— А что, сестра, и въ самомъ-дѣлѣ лучше самому мнѣ ѣхать! Эй, Сидоровъ!

Вошелъ старыи матросъ и, руки по швамъ, вытянулся у дверей.

— Сидоровъ! Чтобы черезъ десять минутъ ты былъ готовъ ѣхать со мною въ Петербургъ, да уложи ты мой мундиръ и три пары бѣлья, по военному, чтобы все было мигомъ готово! Мы снимемъ съ якоря черезъ четверть часа, а я пока потолкую съ сестрою, да смотри, кнастера моего не забудь; я безъ него жить не привыкъ. Живѣе!

Черезъ четверть часа Денисьевъ уже сидѣлъ въ тарантасѣ, распростился съ сестрою и скакалъ въ уѣздный городъ. Не останавливаясь долѣе того, сколько нужно для перемѣны лошадей на станціяхъ, капитанъ пріѣхалъ въ Москву, зашелъ въ гостинницу перекусить и напиться чаю, въ полдень сѣлъ въ вагонъ и на слѣдующій день, въ 8 часовъ утра, уже былъ въ Петербургѣ. Капитана мучило лихорадочное раздраженіе; онъ на-скоро переодѣлся и въ 10 часовъ былъ уже у банкира Штиглица въ конторѣ, и не успокоился до-тѣхъ-поръ, пока не написалъ письма и не отдалъ его лично на почту, со вложеніемъ векселя на имя

Гарвея. Всѣ дѣла, благодаря поспѣшности Денисьева, были окончены въ день пріѣзда, въ 2 часа пополудни, и онъ могъ спокойно отдохнуть, что было крайне необходимо для старика, давно не привыкшаго къ такой хлопотнѣ и торопливости. Отдохнувши порядочно, т. е. проспавъ почти сутки, Денисьевъ повидался кое-съ-къмъ изъ своихъ товарищей и опять сталъ собираться домой; его мучила мысль, что онъ еще не раздѣлался съ Пуговкиннмъ, не проучилъ его за низкій поступокъ, за утайку писемъ. Опять желѣзная дорога, опять почтовые лошади, и не прошло недѣли со дня отправления, какъ тарантасъ въѣхалъ на дворъ, усаженный липами, и остановился передъ крыльцомъ знакомаго серенькаго домика.

Авдотья Алексѣевна не знала, какъ благодарить брата, не знала чѣмъ угодить ему, чѣмъ угостить его. Съѣздилъ капитанъ къ Пуговкину, но до того, вѣроятно, дошли вѣсти о письмѣ и объ отъѣздѣ Денисьева въ Петербургъ, и потому онъ почелъ за лучшее на время удалиться въ другую губернію, какъ-будто по дѣламъ, а въ сущности за тѣмъ, чтобы не попадаться на глаза раздраженному Денисьеву. Поѣздка капитана въ имѣніе Пуговкина была напрасная и онъ очень невдухъ возвратился домой, вмѣстѣ съ сестрою сочинилъ ѣдкое письмо Пуговкину и отправилъ его на почту.

Старики стали дожидаться милаго Сени. Авдотья Алексѣевна до полуночи не ложилась спать, все раскладывала пасьянсы на картахъ, загадывая о томъ, скоро-ли прїѣдетъ Сеня, не очень-ли онъ болѣнъ, доѣдетъ-ли благополучно и т. п. Капитанъ повытащилъ свои морскія карты, бралъ листъ бумаги и дѣлалъ самыя подробныя и точныя вычисленія, сколько дней и часовъ, при благопріятной и при бурной погодѣ, пароходъ будетъ идти въ Америку, сколько дней надобно Сенѣ, чтобы получить деньги, записаться на пароходъ и наконецъ отправиться въ дорогу. Когда, по расчету капитана, насталъ день отъѣзда Сени изъ Нью-Йорка, большая морская карта была разложена на отдѣльный столъ, и каждый день втыкалась булавка, съ маленькимъ корабликомъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ, по вычисленію капитана, пароходъ въ данный день долженъ былъ находиться. Надобно было видѣть напряженное вниманіе, съ которымъ мать по цѣлымъ часамъ глядѣла на карту и на бумажный корабликъ, будто и въ самомъ-дѣлѣ видить на немъ сына; такъ какъ она не имѣла ни малѣйшаго понятія о географіи, Петербургъ былъ обозначенъ, для большей ясности, булавкой съ флюгеркомъ. По-мѣрѣ того какъ бумажный корабликъ, на основаніи вычисленій Денисьева, подходилъ къ флюгерку, нетерпѣніе Авдотьи Алексѣевны возрастало. Наконецъ,

корабликъ и флюгеръ сошлись; значить, Сеня въ Петербургѣ; мать уже хотѣла посылать лошадей на станцію въ городъ, чтобы везти Сеню домой; но Денисьевъ объяснилъ сестрѣ, что на Петербургъ надобно положить нѣсколько дней остановки. Наконецъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, до пріѣзда молодого человѣка осталось три дня.

Авдотья Алексѣевна пятнадцать лѣтъ не выѣзжала изъ своей усадьбы, но чтобы быть поближе къ сыну, снарядилась и поѣхала сама въ К. дожидаться Сени; братъ ея тоже поѣхалъ; онъ не хотѣлъ оставлять сестры, опасаясь, что, если сынъ ея по чему-нибудь не пріѣдетъ, она не вынесетъ обманутой надежды. Ужъ трое сутокъ старики прожили въ К., но Сени не было, на четвертые пришло отъ него письмо изъ Петербурга — онъ извѣщалъ о днѣ своего пріѣзда.

Встрѣча была самая трогательная; мать чуть не задушила сына въ своихъ объятіяхъ; она припала къ нему на грудь, и отъ потрясенія чувствъ лишилась сознанія и языка; только самыя большія заботы брата и сына привели ее въ себя. Авдотья Алексѣевна долго не могла безъ слезъ смотрѣть на блѣднаго и худого Сеню и тѣмъ менѣе слушать рассказы о его бѣдственной жизни въ Нью-Йоркѣ, о его работѣ, о непрерывныхъ разочарованіяхъ,

когда отправлялся на почту и не получалъ ни строки изъ Россіи.

Нѣсколько мѣсяцевъ наши знакомцы провели тихо, въ самой тѣсной, дружеской семейной жизни; Сеня отдыхалъ отъ своихъ несчастій, поправлялъ здоровье и приготовлялся къ честной и дѣятельной жизни. Онъ съ свойственнымъ ему жаромъ, но съ большимъ противу прежняго терпѣніемъ, принялся изучать химію и агрономическія сочиненія.

Воспользовавшись новымъ устройствомъ крестьянскаго быта, послѣ освобожденія ихъ изъ крѣпостнаго состоянія, Сеня объявилъ матери, что на время не поступитъ ни въ какую службу, а займется сельскимъ хозяйствомъ и устройствомъ своего имѣнія. Мать очень охотно согласилась на желаніе сына и была счастлива, что имѣетъ его при себѣ; на замѣчанія-же досужихъ сосѣдокъ, зачѣмъ Сеня не служить, отвѣчала: «видно у него, матушка Анна Петровна, *ужь судьба такая!*»

НАРОДНЫЯ СЦЕНЫ.

I.

Лѣсная женщина.

Въ 1864 году мы долго ждали лѣта въ Петербургѣ. Поэтическая и нравственная потребность простора, зелени, цвѣтовъ и свободы, хоть сколько-нибудь похожей на деревенскую, вызвала десятки тысячъ изъ города въ окрестности. Натерпѣвшись во время зимы духоты, разнаго рода стѣсненій и неволи, бѣдняки съ жадностію, какъ выпущенныя птицы, кинулись искать себѣ какого-нибудь пріюта; какая-нибудь картонная, дырявая лачуга, имѣющая только видъ хорошо построеннаго домика, маленькій палисадничекъ, два-три деревца, или кустикъ, да тропинка между рожью для выхо-

да въ сосновый и еловый лѣсъ—и довольно, и есть гдѣ наслаждаться открытымъ солнечнымъ свѣтомъ, и есть гдѣ пожить человѣческими чувствами, подъ вліяніемъ хоть бѣдной, но все же прекрасной природы; согрѣтою душою отъ мирныхъ впечатлѣній, подумать, погрузить и помолиться мысленно среди кипящихъ роевъ Божіихъ созданій, благовѣствующихъ на каждомъ мѣстѣ ежеминутно изумительную мудрость и гармонію безконечной силы. Гдѣ въ домишкѣ не протекаютъ крыши и есть хоть дымная печка—это ужъ удобство; гдѣ въ рѣченкѣ, или въ озеркѣ можно окунуться, припавъ лицомъ ко дну—это ужъ роскошь; а кому возможно убѣжать отъ города верстъ за тридцать, за сорокъ по направленію къ Финляндіи, на берега озеръ, тотъ просто блаженствуетъ: для кухни и столовой изба, для спальни клѣть, или сарай съ соломой и сѣномъ; для пропитанія—молоко, сливки, масло, рыба, ягоды, изрѣдка говядина и бѣлый хлѣбъ—чего-же больше? Боже мой! Да что-жь это за люди, которые при такой благодати могутъ не быть счастливыми, вполнѣ счастливыми? Я уже давно лишень этого житья и, тоскуя о немъ, пробивался на дачѣ, близъ желѣзной дороги, гдѣ не только дамы—ужъ неизцѣлимо повреждены на этомъ пунетѣ,—но и мужчины находятъ удовольствіе наряжаться, чтобы шлепать по грязи. Но и

въ этомъ уныломъ мѣстѣ съ унылыми людьми можно пробраться въ топкій лѣсъ, отыскать сухое пѣсчаное возвышеніе, или косогоръ надъ рѣчкой и, пригрѣвшись на солнцѣ, сидѣть, лежать, читать и думать, не опасаясь, что какія-нибудь французскія кривляки спугнутъ васъ. На бѣду, лѣто ужъ почти проходило, а солнца-то именно и не было. Наконецъ оно вдругъ точно будто хлынуло задержанной силою и массою тепла такъ и льетъ, такъ и льетъ и, кажется, проникаетъ въ глубь земли; въ одинъ день настало лѣто. Хлѣбъ, травы и побѣги деревъ стали расти видимо съ крѣпостію и бодростію, которыя обнаруживали въ нихъ присутствіе большаго запаса таившейся жизненной силы. Цвѣтки точно будто кто вдругъ насѣялъ и въ нѣкоторыхъ луговыхъ ложбинкахъ такъ густо, какъ будто они были ненарочно просыпаны изъ корзины. Пташки заговорили звончѣе прежняго. Черезъ недѣлю ужъ и помину не было о холодѣ и многіе стали ужъ жаловаться на жаръ. Я никогда не боялся жару, а теперь, подъ старость, люблю его, какъ своего *кровнаго* друга; пускай пропекаетъ хоть до мозга; авось за лѣто подбавить въ дряхлѣющій организмъ хоть нѣсколько *красныхъ*, живительныхъ *шариковъ*.

Разъ начало печь ужъ съ семи часовъ; даже купанье не прохладало. Я обрадовался несказанно и поскорѣй—подальше отъ дачь. Прихожу на

чудесное мѣсто: по зеленой ложбинѣ бѣжитъ, журчитъ и сверкаетъ маленькая рѣчка; одинъ берегъ ея покрытъ травой; другой—превосходною высокою, крупною и колосистой рожью. Взбѣгая отъ рѣчки по скату, она широкимъ, ровнымъ полемъ примыкала къ самому лѣсу и представляла прелестную картину соединенія природы обработанной и дикой: и въ той, и въ другой чувствовалась своя особенная сила и красота. На жгучемъ солнцѣ живѣе чувствовалась еще неизчезнувшая утренняя свѣжесть; вѣя прямо въ лицо, она, казалось, хотѣла дать человѣку силы въ запасъ на жаркій день, до вечера, когда туманы, эти приземистыя облака, сѣдыми полосами потянутся по влажнымъ низменностямъ; въ каждомъ цвѣткѣ шевелилась и жужжала пчела; ночныя росинки скоплялись въ большія капли и, сползая съ листьевъ на стебельки травъ, поили ихъ корни; утки начинали улетать на прохладныя болота; на высокихъ соснахъ ворковали дикіе голуби; тишь была необычайная, и что-то грустно и сладко-томящее было въ ней; душа раскрывалась для всякаго рода добрыхъ ощущеній; играющее цвѣткомъ, очаровательно-нестройнымъ голосомъ поющее дѣтство приходило на память; хотѣлось кому-нибудь протянуть дружескую руку, сказать ласковое слово.

Я медленно пошелъ по окраинѣ лѣса и ржи;

вдругъ меня поразила картина, которая была въ удивительной гармоніи съ свѣжестью и теплотой цвѣтущаго утра: на песчаномъ, сухомъ, осыпавшемся пригорочкѣ, подъ молодой развѣсистую рябиной, кисти которой горѣли какъ яркіе кораллы, прислонившись къ дереву, спала деревенская женщина; ей было лѣтъ около пятидесяти; правильное и пріятное лицо ея имѣло серьезное, даже нѣсколько печальное выраженіе; но въ складѣ губъ и во всѣхъ чертахъ ея дышало рѣдкое добродушіе и какая-то беззаботность. На колѣняхъ у ней лежала дѣвочка лѣтъ пяти; ребенокъ спалъ съ полнымъ дѣтскимъ наслажденіемъ; на смуглыхъ щечкахъ его играла темная краска; онъ разметался отъ жару: одна ручка его была подложена подъ головку; другая свѣсилась съ колѣнъ женщины. Я былъ увѣренъ, что это мать съ своею дочерью; одѣты онѣ были, судя по-крестьянски, очень хорошо; на дѣвочкѣ даже былъ признакъ роскоши—красный поясокъ. Женщина держала ее, обнявъ одною рукою, и, казалось, даже во снѣ ласкала ее. Я остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ и боялся пошевелиться, чтобъ ихъ не разбудить. Черезъ нѣсколько минутъ старушка проснулась и, взглянувъ, сказала: «ахъ, Боже мой! солнце ужъ какъ высоко! Какъ же мы это заспались такъ долго? Вѣдь, этакъ нынче, пожалуй, не поспѣешь во

время въ городъ. Катя, а Катя! Вставай, душечка! Пора.

«Здравствуй, голубушка! сказалъ я.

— Здравствуй, батюшка, отвѣчала она, поправивъ на головѣ платокъ и поднимаясь съ мѣста.

«Что это у тебя, грибы?»

— Да, въ кузовкѣ грибы, а вотъ въ корзинчкѣ ягоды; моя Катя набрала; ягоды такія хорошія, крупныя, ягода къ ягодѣ, какъ на подборъ. Она, вѣдь, у меня такая умница, проворная; глазенки у нея такіе быстрыя; въ самой густой травѣ увидить, какъ пташка Божія.

«Ты продаешь грибы?»

— Продаю, батюшка; какъ не продавать? Тѣмъ живемъ все лѣто; да и на зиму запасаемся. Ты вотъ земляничку-то купи лучше; а то жаль будетъ, если она испортится: земляника такая хорошая; да и ребенку будетъ большая радость; сама заработала.

«Я куплю грибы и землянику; что стоитъ?»

— Да, что стоитъ-то? Грибовъ теперь много, только знай гдѣ брать: такъ и сидятъ, какъ насажены; и чудные такіе грибы, все боровички, молоденькіе, здоровые, *кремяные*.

«А ты, вѣрно, знаешь хорошія мѣста?»

— О, какъ не знать! Всѣ эти дѣса, вотъ что видите, и тамъ дальше еще, знаю какъ свою избу; каждый кустикъ, каждую кочку, каждый лужокъ

знаю; знаю даже, въ какую пору и въ какую погоду гдѣ какіе грибки раньше показываются и лучше растутъ; лѣтъ за пять назадъ помню, гдѣ ихъ было много, гдѣ ихъ Господь Богъ породилъ. И глазъ какъ-то, батюшка, примелькается, такъ ихъ легко отыскиваешь, и точно будто что тебя ведетъ на грибныя мѣста: ни съ того, ни съ сего такъ туда и повернешь; кажись, и быть-бы имъ тамъ не слѣдовало, а пойдешь — они такъ и сидятъ, мои голубчики, такъ и глядятъ на тебя, точно будто ждали. И начнешь ихъ брать изъ-подъ елочекъ, изъ-подъ сосеночекъ, изъ-подъ сухихъ прошлогоднихъ листиковъ, изъ мха зеленого, по лужкамъ чистенькимъ, по сухимъ взгорыцамъ, подъ чистенькими рѣдкими березками; одинъ берешь, а другіе далеко видишь, не знаешь, къ которому бѣжать прежде. Славно, батюшка!...

Все это она говорила не только съ сочувствіемъ, но даже съ одушевленіемъ; лицо ея сіяло истинною радостію; она, очевидно, наслаждалась своимъ положеніемъ.

— Ну, а Катя тоже любитъ брать грибы?

«Нѣтъ, до грибовъ еще не большая охотница — извѣстно, ребенокъ, — но за то когда увидитъ первые цвѣточки и ягодки, глазенки у нея такъ и разгорятся, такъ вся и затрепещется; и хоть цѣлый день ходи, ноженки всѣ прибьетъ, ѣсть не за-

просить; пожалуй, ночуй себя въ лѣсу. Да, я всегда про запасъ беру для нея хлѣба, да яицъ парочки двѣ.

— А случалось такъ иногда започевать въ лѣсу?

«Случалось, много разъ.

— И не страшно тебѣ?

«Чего страшно, батюшка?

— Ну, повстрѣчается недобрый человѣкъ, звѣрь нападетъ....

«Недобрый человѣкъ! Что ему съ насъ взять-то? Грибы, что-ли, отниметъ, ягоды? Мы опять наберемъ. Да и кто захочетъ обидѣть ребенка? Разъ повстрѣчался какой-то шальной, бѣглый, должно быть, отнял, было, ягоды у Кати; она заплакала. Я говорю: не плачь, Богъ съ нимъ; знать, ему, горемычному, ѣсть нечего; а мы свое съедемъ; лѣсъ еще не опустѣлъ. Онъ услышалъ это; жаль ему стало; вернулся и говоритъ: «прости ты меня, бабушка, что я васъ напугалъ и обидѣлъ; я вотъ ужъ другой день хлѣба не ѣлъ; такъ жадность на меня такая и напала, что на дѣтскія ягоды польстился; возьмите, вотъ, у меня всего есть двугривенный; а ягоды я ужъ поѣмъ; смерть хочется; да нѣтъ-ли у васъ хоть кусочка хлѣба?» Я вынула одинъ ломоть и отдала. Вѣстимо, не съ радости же онъ по лѣсамъ шатается и голодаетъ. Онъ схватилъ у меня ломоть хлѣба и сталъ его ѣсть такъ жадно, что

меня даже слеза прошибла. И онъ, глядя на меня, заплакалъ, перекрестился, застоналъ, сердечный, бросилъ двугривенный, сказалъ не поминайте лихомъ и кинулся бѣжать. Я кричу: на что намъ твой двугривенный? Возьми свой двугривенный! Куда! Его и слѣдъ простылъ; только и слышно было, какъ сухіе сучья въ трущобѣ захрустѣли. Знать, боялся, чтобъ мы не сказали про него и кто-нибудь его не поймалъ.

— А тутъ, чай, есть медвѣди, волки?

«Нѣтъ, медвѣдей нѣту: всѣхъ повыстрѣляли; попадаютъ, только рѣдко; да медвѣдь, вѣдь, хоть силенъ, а трусливъ; когда увидишь его, да вдругъ закричишь, захлопаешь, такъ онъ метнется, какъ угорѣлый, пойдетъ ломить по лѣсу, подниметъ такую трескотню, что Боже упаси! Катя такъ со смѣху и помираетъ. Вотъ медвѣдица, та лишѣй, особенно когда выйдетъ въ поле съ своими ребятами—тьфу, прости Господи, заболталась,—съ своими, то есть, медвѣжатами; тутъ отъ нея сторовись. А что глядѣть на нее, такъ даже забавно: выведетъ она ихъ этакъ въ поле, на свѣжій молодой овесъ; сперва присядутъ они всѣ на заднія лапы, а передними сгребутъ овса, но вырвутъ его съ корнемъ и жуютъ зерна вмѣстѣ съ соломой, высасываютъ сокъ. А она сама не ѣстъ, все сто-

ить, да глядять, такъ зорко, сторожко, и за нимъ, знаешь ты, наблюдаетъ, учить ихъ, то-есть. Звать чтонибудь не такъ сдѣлають, она то того, то другаго лапой потихоньку ударить, али метнетъ въ сторону. Потомъ, какъ найдятся, начнутъ они играть, бороться, кататься по овсу, иногда цѣдную ниву такъ валомъ и положить. И ужь какъ они елозяють, какъ кувыркаются, точно на показъ. А чуть чтонибудь захрястить въ лѣсу, или застучить близко телѣга, или мужикъ гаркнетъ,—она рывкнетъ, они тотчасъ вскочать и, переваливаясь, какъ шары косматые, покатыся за нею въ какойнибудь оврагъ. Тутъ ужь у нея никто не отставай, а то такъ хватить лапой, что медвѣженокъ завизжитъ. Извѣстно, заботится: мать, свое дѣтище тоже, какъ человѣку, жалко; вѣдь и ей Господь Богъ далъ сердце и любовь. Хоть космата, а тоже Божіе созданье. А разъ съ Катей мы попали, было, въ бѣду; да сами виноваты, нечего говорить. Пускай, она—ребенокъ; а я-то, дура, чего смотрѣла? Идемъ мы этакъ домой; утро славное такое, свѣтлое; стало ужь припекать солнцемъ, травки и цвѣтки тамъ разныя, такъ и охватываютъ теплымъ, медовымъ духомъ: сердце такъ что-то радостно и томить. Мой кузовокъ и Катина корзиночка набраны вѣрхомъ. Торонимся мы, чтобы продать во время. Вдругъ Катя закричала: гляди-ко, гляди-ко; что

это тамъ на деревѣ? Я гляжу: птица—не птица
звѣрь—не звѣрь. Подходимъ мы ближе; а на де-
ревѣ сидитъ маленькій медвѣженочекъ, играетъ
вѣтками, качается, сорветъ кисточку рябины по-
сосеть и бросить, умываетъ рыло лапой и посма-
триваетъ въ разныя стороны. Я, было, поскорѣй
прочь; а Катя, ну, приставать ко мнѣ: возьми, да
возьми медвѣженочка. Я и послушайся ея; взлѣзла
на дерево, погладила медвѣдка, онъ—ничего, смот-
реть на меня; я дала ему палецъ въ ротъ; онъ
сталъ сосать, такъ и чмокаетъ—ей Богу; смѣшно
даже; я свяла его, посадила за пазуху, пальца у
него изо рта не отнимаю; онъ сидитъ спокойно.
Мы пошли поскорѣй; проходимъ этакъ съ полвер-
сты, вдругъ въ лѣсу что-то страшно заревѣло и
какъ-то застопало жалобно; я такъ и обмерла: ахъ-
ти, говорю, Катя, вѣдь это медвѣдица; она уви-
дѣла, что ея медвѣженка вѣтъ. Онъ тоже услы-
шалъ и узналъ материнъ голосъ, бросилъ мой
палецъ; началъ за пазухой барахтаться, выпу-
стилъ когти, да такъ меня и царапаетъ; вдругъ,
я слышу опять ревъ, еще страшнѣй и жалоб-
нѣй и ближе къ намъ; по лѣсу идетъ ломка и
трескотня. Мы кинулись бѣжать, что есть мочи,
только я совсѣмъ обезумѣла: мнѣ-бы бросить мед-
вѣженка, анъ—нѣтъ, я его все держу за пазу-
хой; Богъ, должно быть, за грѣхи разумъ у меня

отнялъ. Бѣжали мы, бѣжали; въ лѣсу все за-
тихло. «Ну, я думаю, слава Богу, уйдемъ. Огля-
нулась я и вижу, по ржи, какъ лошадь, что-то
такъ проворно будто катится и вдругъ на чистую
луговину выскакиваетъ страшная медвѣдица. У меня
такъ въ глазахъ и потемнѣло. Я швырнула отъ
себя медвѣженка, и кричу: Катя, бросай корзинку
и бѣги изо всѣхъ силъ, и сама бросила кузовокъ
съ грибами. Медвѣдица остановилась на минуту,
обнюхала медвѣженка, полизала, да ну за нами;
я-жь, дескать, вамъ докажу какъ дѣтей моихъ оби-
жать. Разсвирѣпѣла, знаешь ты, батюшка, реветъ,
глазищи налились кровью и стала еще косматѣй
прежняго. Жилы у меня всѣ задрожали, въ гла-
захъ помутилось, умъ и память какъ отшибло,
земля и деревья и все, кажись, кругомъ пошло
слышу только тяжелый топотъ и ревъ, да вижу
Катю передъ собою. «Бѣги, бѣги, хочю ей крик-
нуть, хоть ты-то спасайся; да дыханье у меня
сперлось и языкъ отнялся; не могу слова вымол-
вить. Вотъ, Катя спотыкнулась и упала. «Матерь
Божія! прошептала я; спаси хоть ребенка! Пова-
лилась я на Катю, подгрѣбла ее подъ себя, за-
крыла своимъ тѣломъ и обхватила руками. Въ го-
ловѣ у меня все завертѣлось и застучало, въ гла-
захъ огни какіе-то застрѣляли, и чую я, что тя-
желыя, косматыя и когтистыя лапы придавили мои

ноги.... Душа моя будто разсталась съ тѣломъ и дальше я ужъ ничего не помню. Сколько времени лежала я безъ памяти, не знаю; только когда очнулась, Катя стоитъ надо мною и плачетъ; подлѣ нея стоятъ два охотника — господа, должно быть, одѣты такъ чисто, богато — разспрашиваютъ Катю и одинъ поливаетъ мнѣ голову водой, а другой даетъ что-то нюхать. Когда я открыла глаза, они оба обрадовались, точно я была имъ родная, стали успокоивать Катю, ласкать ее, дали ей пирожковъ, а мнѣ — выпить какого-то вина. Я оправилась, стала бодрѣй, вижу, что бѣда миновала, и сдѣлалось мнѣ такъ радостно, такъ весело глядѣть на Божій свѣтъ, какъ будто я въ первый разъ въ жизни увидѣла и солнце, и лѣсъ, и цвѣты, и поле. Кинулась я къ Катѣ, схватила ее обѣими руками, прижала ее къ себѣ, стала ее цѣловать, и сама не знаю, отъ чего такъ плачу, такъ плачу, отъ слезъ никакъ удержаться не могу. Господа отошли отъ меня немножко, стали, опершись на ружья, и молча смотрѣли на меня. Заговорили они что-то по-французски, али по нѣмецки, не поняла я ничего, а только слышала, по голосу, знаешь ты, да по выговору, что доброе что-то говорятъ они, и жаль имъ насъ. — Что-жъ, сказалъ наконецъ одинъ по-русски, вѣдь намъ надо ихъ проводить до деревни; женщина-то, чай,

идти не может; да медвѣдица, пожалуй, съ дуру вернется и нападетъ на нихъ опять.

«Нѣтъ, ужъ теперь не вернется, отвѣчалъ другой: я ей влѣпилъ пулю въ шею; помнишь какъ затрясла головой.

— А ты ей попалъ-бы прямо въ ухо, если-бы не заторопился; ты все торопишься.

«Какъ же не торопиться? Помилуй, братецъ: она ужъ занесла было правую лапу, еще мгновенье и сорвала-бы черепъ у бѣдной женщины да и ребенка-бъ изломала. Отъ чего ты не стрѣляль? Ты стрѣляешь лучше меня.

— Я берегу пулю для послѣдняго, отчаяннаго случая. Когда-бы она бросилась на насъ; я выстрѣлилъ-бы въ упоръ, навѣрное; а то мы всѣ могли-бы погибнуть.—Голубушка! сказалъ онъ мнѣ, можешь-ли ты идти? Мы тебя поведемъ.

Но я встала, какъ встрепанная, поклонилась имъ до земли и пошла бодрехонько. Они посмотрѣли на меня, усмѣхнулись, должно быть, тому, что я иду какъ ни въ чемъ не бывало, постояли, глядя мнѣ въ слѣдъ; я оглянулась, поклонилась имъ еще, они приподняли свои картузики и пошли въ лѣсъ. Бываютъ же, значить, такіе добрые люди; ну, что я имъ? Чужая, да пусть-бы еще барыня, а то — мужичка, деревенщина. Славные господа и собой не то чтобы красавцы были,

а такъ хорошіе такіе. Смерть-бы мнѣ еще хотѣлось гдѣ-нибудь увидѣть ихъ. Когда бываю въ городѣ, а иногда, продавши грибы и ягоды, хожу, хожу по улицамъ, гляжу, гляжу и на народъ и въ окна, — нѣтъ, нигдѣ не попадаютъ. Дай Богъ имъ здоровье и счастье! Умирать буду, вспомню и помолюсь о нихъ.

«Не была ты больна послѣ этого?»

— А ничего, какъ съ гуся вода.

«И не страшно тебѣ было опять идти въ лѣсъ?»

— Чего страшно? Медвѣди не на каждомъ шагу; да впередъ буду умна — не посажу медвѣженка за пазуху; а если не въ добрый часъ придется увидѣть его, такъ поскорѣй прочь, безъ оглядки. Медзѣдь умень: не станетъ безъ толку, ни съ того, ни съ сего, гоняться за человѣкомъ. Вотъ волчище — такъ сѣверный такой, иногда ему и ѣсть не хочется, бросается на человѣка, или на скотину, только чтобъ поранить. Иногда цѣлое стадо овецъ перерѣжетъ, и не съѣстъ ни одной. Ну, на человѣка онъ бросается больше зимой; — когда ихъ стада цѣлыя собираются, а лѣтомъ больше на скотъ нападаетъ. Дрань такая, терпѣть я его не могу, и такой всегда лохматый, нечесанный, грязный, ложится, звать, гдѣ попало. И сдѣлать изъ него ничего нельзя; изъ медвѣдей, вонъ, такъ шубы бываютъ такія славныя — господа носить.

«Ихъ и мясо очень вкусно.

— Чье, батюшка?

«Медвѣжье.

— Да кто-жь его ѣсть?

«Ѣдятъ, кому по вкусу придется.

— Какъ это можно?

«Отчего-жь не ѣсть, если вкусно и сытно?

— Да, какой же тутъ вкусъ, батюшка? Во-первыхъ, звѣрь; ѣсть всякую падаль; да и на человѣка ужасно похожъ, когда его обдеруть: лапы настоящія человѣческія. Какъ его ѣсть-то?

«А вотъ иные-жь и лягушекъ ѣдятъ.

— Ну, это ужъ, должно быть, нѣмцы, али французы, а православный не станетъ ѣсть такой гадины.

«Чѣмъ же гадина? Вѣдь она тоже Божіе созданіе.

— Это точно, батюшка; и икру онѣ бросаютъ, проклятыя, какъ рыба. Должно-жь быть надобно, чтобъ онѣ были на свѣтѣ.... Да когда ѣсть нечего, такъ чтожь дѣлать? И за лягушекъ примешься. А у насъ еще, слава Богу, и безъ нихъ всего довольно—и грибовъ, и ягодъ, и рыбы, и дичины всякой. Весною, али осенью, когда бываетъ перелетъ — Боже милосердый, какихъ-то, какихъ птицъ не налетитъ: пищать, свистять, крикають, шамбають, гогочать — тучи несмѣт-

нья; на каждомъ озеркѣ, на каждой лужицѣ, по болотамъ, по лугамъ, по лѣсамъ, такъ кипмя и кишать, такъ даже странно какъ-то, и сердце радуется, что Господь Богъ насоздалъ ихъ такъ много. И, вѣдь, у всякой птицы свое перо, свой голосъ, свой полеть, своя пища: однѣ другимъ не мѣшаютъ; каждой всего припасено вдоволь. И знаетъ, вѣдь, куда летѣть, не заблудится. Богъ ихъ ужъ вразумляетъ.

«Чтожь ты такъ цѣлое лѣто и живешь въ лѣсу?»

— Цѣлеховькое, до самыхъ заморозковъ, когда ужъ и опевки перестануть расти.

«А зимой неужели-жъ ничего не работаешь?»

— Какъ не работать? Зима у насъ такая долгая, тянется, тянется, кажись, и конца ей не будетъ.

«Что жъ ты работаешь?»

— Я пряжу, шерсть пряду; у меня и самопрялочка есть; на себя и на Катю шью; а она въ избѣ прибираетъ, чулочки вяжетъ. Приучаю ее понемножку. Да ей еще какая работа! Пусть вырастаетъ, бѣгаетъ, наживаетъ себѣ силы, да забавляется. Придетъ еще нужда и горе...

«А не лучше-ли-бъ тебѣ было лѣтомъ пристроиться къ какому-нибудь семейству и заниматься полевыми работами? Можетъ быть, это было-бъ выгоднѣй. Развѣ работа пугаетъ?»

— Нѣтъ, насъ работа не пугаетъ: мы къ ней

привычны, не господами родились; это ужъ развѣ лѣнтяй какой, негодный, кто работы боится.

«Такъ отчего-жъ ты не наймешься полоть, жать, на сѣнокосъ ходить?»

— Пробовала, батюшка, много разъ пробовала и, не хвастаясь скажу, работа у меня такъ и кипѣла; наперерывъ меня то тотъ, то другой зазываетъ, и деньги хорошія давали; весной еще ничего, хоть иногда грустно становилось, а какъ наступитъ лѣто, пойдутъ жары, почувую я, что изъ лѣсу грибнымъ духомъ повѣетъ, то и серпъ, и коса, и вилы, и грабли такъ изъ рукъ и валятся, нападетъ такая смертная тоска, такъ душа вонъ изъ тѣла и лѣзетъ, подъ сердце что-то подкатывается и давить, такъ и тянетъ въ лѣсъ, въ сосонники, да въ березники; свѣтъ Божій становится не миль, ни на кого-бы не глядѣла, сама на себя руки наложить готова, и плачу, ругаю сама себя, и молюсь—нѣтъ, ничто не помогаетъ. Засну только, и передо мною все луга, луга въ цвѣтахъ, ручьи по нимъ плещутся, лѣса стоятъ такіе могучіе, такіе темные, зеленые, свѣжіе и шумять, и колышятся такъ, и говорятъ будто что-то радостное; и подъ ними—глазомъ не окинешь—все стоятъ подберезники, подосиновики, буровики—бѣленькіе, черненькіе, красноватые, все молодые, все крѣпкіе, ни одного шелепня, или червиваго нѣтъ; сердце у

меня такъ и замираетъ отъ радости, небо свѣтлое, воздухъ душистый; дышать мнѣ такъ легко; ни одной души не видишь, никто тебя не потревожитъ, ходишь одна-одинехонька, какъ царица.... Проснешься, и ужь тутъ ни что не удержитъ. Попрощаешься съ хозяевами, поблагодаришь ихъ и — на цѣлое лѣто въ чистое поле, въ вольные лѣса. И вдругъ я стану будто совсѣмъ другая, веселая, бодрая, сильная, хожу до упаду, не ѣмъ по цѣлымъ днямъ, а все — ничего, съ каждымъ днемъ становлюсь крѣпче, и даже добрѣй, ей Богу, батюшка; всякому, то-есть, человѣку готова послѣднее отдать.

«Какъ это ты къ этому привыкла? Какъ это у тебя такая охота къ лѣсной жизни родилась?»

— Горе меня къ этому, батюшка, приучило доля моя безталанная. Оно, правда, и съ малолѣтства я была охоча по лѣсамъ ходить; когда была еще маленькимъ ребенкомъ, лѣтъ этакъ пяти, какъ Катя, матушка, бывало, не возьметъ меня съ собою въ лѣсъ, убѣжитъ отъ меня, я гонюсь за нею, реву — она все бѣжитъ и кинетъ меня; я и взяла такую сноровку: прикинусь, что не хочу идти за нею, а сама, только она на огородъ, за калитку, я шмыгъ за нею, да ползкомъ, ползкомъ, по межѣ между грядами и гляжу, куда она пойдетъ. Только она въ лѣсъ — я со всѣхъ ногъ за нею, слушаю, какъ она перекликается со своими подругами и хожу слѣ-

домъ за нею. Она узнала это, ну, говорить, вѣрно, съ этой дѣвчонкой ужь ничего не сдѣлаешь, когда ей такъ хочется ходить со мной, и стала меня брать. Только тогда у меня такой тоски по лѣсу никогда не бывало. А вотъ какъ случилась со мною бѣда, такъ ужь пошло совсѣмъ другое: лѣсъ сталъ мнѣ милѣй всего на свѣтѣ.

«Какая-жъ это бѣда?»

— Горько рассказывать, батюшка: да ужь такъ и быть, расскажу; на сердце легче станетъ, а то, какъ вспомнишь, такъ кровь и застучитъ въ голову. Осталась круглой сиротой — ни отца, ни матери, ни родныхъ, никогошенько-никого, къ кому-бъ преклонить горемычную дѣтскую голову. Взялъ меня одинъ сосѣдь къ себѣ и, грѣхъ сказать, ничѣмъ меня не обижалъ — не обдѣлялъ кускомъ, одѣвалъ не обносками, съ ярмарки гостинець всегда какой-нибудь привезетъ, когда была поменьше, баранокъ, калача, пряника, и когда стала побольше, то монеты, сережки, запонку. Работой не отягощаль, берегъ меня, посылалъ развѣ на огородъ, да на сѣнокосъ, а жать — когда вздумаю — пойду, когда нѣтъ — нѣтъ. И выросла я такая здоровая, полная, румяная. Это были для меня красные дни. И вспомнить объ нихъ — радостно. Жена у него была вялая, больная, слабая и добрѣйшая женщина. Она никогда мнѣ ни одного грубаго слова не говорила,

никогда не попрекала, что я мало работаю, что мужъ ея много тратитъ на мои наряды, что я у нихъ жила просто какъ барыня. Зато мать его была злая презлая старушица: терпѣть она меня не могла, вѣчно на меня ворчала, каждую минуту жаловалась, что я ихъ объѣдаю и раззоряю, попрекала, что меня взяли съ улицы на бѣду всей семьѣ, пророчила, что изъ меня пути не будетъ. Жена, можетъ быть, тоже думала, но ничѣмъ не показывала этого; мужъ отмалчивался; я убѣгала куда-нибудь: лѣтомъ — на огородъ, зимой — къ подругѣ съ работой и, какъ была права веселаго, то и не думала о воркотнѣ старухи. Соберемся мы, бывало, дѣвушки вмѣстѣ, прядемъ, шьемъ, или беремъ ленъ, коноплю, копаемъ картофель, или другой какой легкой работой занимаемся, смѣемся, хохочемъ, поемъ пѣсни, рассказы разные рассказываемъ, и такъ веселы, беззаботны, какъ весеннія щебечущія пташки... Золотое времячко!

Но скоро все миновалось: жена моего хозяина умерла. Въ домѣ нужна работница и хозяйка. Матери его захотѣлось все прибрать къ своимъ рукамъ, всѣмъ распорядиться, а ума-то у нея не было, да и силъ тоже; все, бывало, перепортитъ, перепутаетъ — ни въ чемъ порядку нѣтъ: ни къ завтраку, ни къ обѣду, ни къ ужину, ничто не поспѣваетъ, а если поспѣетъ такъ въ ротъ, ничего

взять нельзя; все идетъ хинью. Я стала биться изо всѣхъ силъ—и на огородъ, и въ коровникъ, и въ анбаръ, и въ поле, всюду кидаясь, а проку нѣтъ, старуха мѣшаетъ и все ворочаетъ верхъ дномъ. Бился, бился мужикъ, видитъ, что дѣло плохо, и говоритъ однажды: «матушка, ты знаешь, я тебя почитаю, какъ слѣдуетъ; а этакъ, какъ теперь, жить нельзя; мы разоримся; твои года ужь ушли; надобно кому-нибудь другому сдать хозяйство; мнѣ надо жениться».

Какъ она вскинется на него, какъ закричитъ, какъ забранится, «по твоимъ-ли годамъ о женитьбѣ думать! Ты погляди на себя: вѣдь ты ужь лапоть изношенный, опметокъ! Какая дура за тебя пойдетъ? А если и пойдетъ какая сумасшедшая, такъ дамъ я ей хозяйничать? Какъ же! Смотри: и ей соломенкой шевельнуть не дамъ въ домѣ. Вотъ что. Это ты знай напередъ.

Онъ ей не перечилъ, помолчалъ и ужь уходя изъ избы сказалъ: «а такъ, какъ теперь, жить нельзя: въ раззоръ разоримся. Срамъ смотрѣть, какъ все идетъ у насъ.» Такъ этотъ разговоръ и кончился. Хозяинъ, однакожь, все, что-то думаетъ, самъ съ собой говоритъ и матери каждый день напоминаетъ: «то не хорошо, это не хорошо.» А она только бранится на него и на меня пуще прежняго. Прошло этакъ недѣли двѣ. Разъ въ воскре-

сенье на огородѣ хозяинъ подходитъ ко мнѣ такой унылый, печальный и точно будто чего испугался, помолчалъ, оглянулся во всѣ стороны и говорить мнѣ потихоньку: «Маринушка! Дѣло-то у насъ идетъ худо.

— Да, говорю я, худо; но, Богъ дастъ, поправимся; я стану работать больше, узнаю порядки, авось все поидетъ лучше.

«Нѣтъ, не поидетъ, пока хозяйки въ домѣ нѣтъ. Я смолчала.

— Не жениться-ли мнѣ, Маринушка?

«Что жъ, жевись, сказала я; а у самой сердце какъ птичка забилось, сама не знаю, отъ чего.

— Года-то мои такіе....

«Чтожь года? говорю я, какъ во снѣ; года ничего.

— Не поидетъ за меня никто.

«Какъ не пойти? Поидеть.

— Ну, а ты, напримѣръ, поидешь за меня?

Посмотрѣла я на него: такой онъ печальный, какъ сирота. Припомнила я, какъ онъ меня приютилъ у себя, пекся обо мнѣ, лелѣялъ, можно сказать, больше, чѣмъ иной родной отецъ свою дочь, жаль мнѣ его ужасно стало, и я отвѣчала ему: «чтожь? Я пойду.» А сама, не знаю отъ чего, какъ заплачу.

— Чего жъ ты плачешь? говорить онъ, ты,

вѣдь, не раба моя; я тебя неволить не могу; если хочешь — не ходи, Богъ съ тобой.

«Я не отъ того, говорю я.

— Отъ чего же?

«Такъ, Богъ знаетъ.

— Подумай, Маринушка: чтобъ не жалѣть послѣ.

«Нѣтъ, я жалѣть не буду. Только, какъ же мать-то твоя?

— Что-жъ мать? Я ужъ не малолѣтнѣй. Я ей всякѣй почетъ окажу; буду по прежнему ее кормить, одѣвать, къ работѣ неволить не стану; что хочетъ, пусть дѣлаетъ; куда хочетъ, идетъ; если потребуешь, я ей особую избу выстрою—живи по своему нраву и обычаю. Ни Богъ, ни люди меня не осудятъ. Я, то есть, ей вотъ душу готовъ отдать, только-бъ она была довольна. Ну, а когда ее ничѣмъ ублажить нельзя, Богъ съ ней. А отъ меня слова она никакого поперечнаго не услышитъ.

Такъ мы и согласились. Только, когда онъ сказалъ объ этомъ матери, Боже милосердый, какъ она вскипятилась! И рветъ, и мечетъ, и плачетъ, и бранится на него и на меня, и всякими страстями стращаетъ, и къ священнику-то ходила, и къ начальству кидалась, ничего не даетъ дѣлать, сама ничего не ѣстъ, и намъ не даетъ ничего варить; всѣмъ встрѣчнымъ, проѣзжимъ и прохожимъ жалуется, Богъ знаетъ, какими слухами меня об-

носить. Одни ее уговариваютъ, другіе смѣются, иные поджигаютъ. Это было для меня, бабушка ты мой, такое время, что хуже каторги. Все мы это вытерпѣли и обвѣнчались. Ну, ужь, вѣстимо, и свадьба была хуже похоронъ. Но вотъ, когда она увидѣла, что ужь дѣло сдѣлано, злоба ея будто немножко затихла: браниться она перестала; только такая сдѣлалась угрюмая и какъ онѣмѣла совсѣмъ, ничего не только что не спросить, а даже не отвѣчаетъ. Я — «матушка, сударыня», а она — какъ деревянная какая, сидитъ, ходитъ, чтонибудь тамъ въ избѣ копаются, ѣсть съ нами за столъ не садится, и въ избѣ не ѣсть, а гдѣ-нибудь въ чуланѣ, или за угломъ. Побились, побились мы съ ней, хотѣли ласками и почетомъ ее покорить, нѣтъ, не удается; мы отъ ней и отступились. Видитъ она, что насъ этимъ не доймешь, принялась съизнова за журьбу, да за голдобу: съ утра до темной ночи, походя, ѣсть меня и моего мужа, срамить и позорить насъ самими, то есть, несносными словами и названіями. Я — плакать, она — еще хуже; мужъ уговаривать ее, она — еще хуже. Мы — отмалчиваться, нѣтъ, не помогаетъ. Да мало того, что словами, ужь самымъ дѣломъ начала допекать: я, говорить, васъ нищими пуцу по міру. Тамъ, глядишь, овца пропадаетъ, тамъ корова, или лошадь ни съ того, ни съ сего

заболѣеть, тамъ огурцы на огородѣ повырваны и потоптаны, и Богъ вѣсть что по злобѣ дѣлала. У мужа терпѣнье лопнуло, онъ сталъ ей попрекать и грозить, говорить что онъ ее на сходку потребуеть и міру на судъ отдасть. Нѣтъ, не унимается. Что дѣлать? Думаемъ мы такъ, горюемъ, а ничего придумать не можемъ; и живемъ этакъ не день, не недѣлю какую-нибудь, и годъ, другой. Я совсѣмъ измаялась; мужъ посѣдѣлъ. Вотъ однажды подходитъ Свѣтлое Воскресенье; мужъ, чтобъ чѣмъ-нибудь утѣшить меня, не говоря мнѣ ни слова, на ярмаркѣ купилъ мнѣ башмаки, платокъ, ситцу на гѣлогрѣю, монисты—все такое хорошее, привозить и тайкомъ отъ матери отдасть; «ты, говорить, приготовь это украдкой къ празднику и надѣнь къ заутрени и къ обѣдни.» Шила и приготовляла я все это запершись въ клѣти, или у чужихъ людей, какъ краденое. А старуха подсмотри это и провѣдай. Я ничего не знаю. Замѣчаю только, что она будто стала немножко добрѣй: и слово иногда скажетъ, и за столъ вмѣстѣ сядетъ. «Слава Тебѣ, Господи! думаю; знать Богъ ее вразумилъ; авось, съ свѣтлаго праздника, послѣ христованья она смягчится и перемѣнится. Вотъ, счастье-то будетъ! Тогда увидимъ свѣтъ Божій и станемъ жить радостно!» И мужъ тоже замѣтилъ и совсѣмъ повеселѣлъ, сталъ всего готовить для духовенства, когда съ об-

разами придуть, и для гостей, зарѣзали подсвинка, пѣтуха индѣйскаго, яиць накрашили и луковичной шелухой, и березовыми листьями, всего, всего вдоволь, и даже больше противъ прежнихъ годовъ. И старуха тоже хлопочеть, помогаетъ во всемъ. Я гляжу на нее и такъ рада, такъ рада, такъ весела, какъ, бывало, иногда въ дѣвушкахъ. Вотъ наканунѣ свѣтлаго дня, ложась спать, я, чтобы поскорѣй одѣться, все свое новое повѣсила надъ своею кроватью; вздремнула этакъ часокъ какой-нибудь, слышу, ударили въ колоколь. Я вскочила, хочу одѣваться, шарю въ потьмахъ руками по стѣнѣ — ничего не попадается; «знать думаю, свалилось. Какъ же это такъ не хорошо повѣсила. Все новешенькое такое, дорогое; вывалиется въ сору!» Кидаюсь подъ кровать — нѣту. Шарю опять по стѣнѣ — нѣту! Господи! Чтожь это такое! Бѣгу, зажигаю лучинку, глядь — такъ и обмерла, такъ и заметалась: на полу лежать изрѣзаны въ мелкіе лоскутки тѣлогрѣя, поясъ, платокъ, и монисты раздавлены и растоптаны. Всплеснула я руками и въ голосъ заплакала, зарыдала, что мужъ на дворѣ слышалъ. Не нарядовъ мнѣ было жаль; я никогда до нихъ не была и охоча; а отъ обиды и злобы материнской мнѣ было больно, такъ больно, что и сказать пельзя! Прибѣжалъ мужъ, увидѣлъ этотъ срамъ, побагровѣлъ весь, заколотились у него ру-

ки и ноги, бросился онъ къ матери на печку, схватилъ ее, принесъ, какъ ребенка, на рукахъ поставилъ передъ изрѣзанными доскутками и говоритъ: «порадуйся, погляди на свою дѣль. Поздравила ты меня съ праздникомъ! Не мать ты мнѣ, а злодѣйка, выходитъ—вотъ что.» Да и толкни ее въ спину. Какъ закричитъ она: «ой, убилъ, батюшки, убилъ! До смерти убилъ, разбойникъ! Выскочила на улицу — народъ кишмя-кишитъ, православные валятъ въ церковь—а она ко всѣмъ проходящимъ: голубчики! Помогите; сынъ съ невѣсткой бьютъ, въ праздникъ этакій — вотъ до чего дошло!» Нахлынуло къ намъ народу, какъ на пожаръ, бранятъ насъ съ мужемъ, срамятъ, никто ничего слушать не хочетъ и, набравшись, отправляются въ церковь. Мнѣ было не въ чемъ идти къ обѣдни; мужъ съ горя не пошелъ. Послѣ обѣдни всѣ не только въ нашей деревнѣ, но и въ околodкѣ бранили насъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Духовенство съ образами обошли нашъ домъ; никто изъ мужиковъ не зашелъ къ намъ похристосоваться; вездѣ цѣлую недѣлю шумъ, хохотъ; пѣсни, крикъ, горѣлки; а у насъ въ избѣ какъ въ острогѣ, у каторжниковъ клейменныхъ, слова не слышно, никто къ намъ ни ногой. Двѣ-три подруги, украдкой отъ своихъ, по огородамъ приходили ко мнѣ погоревать, онѣ узнали, какъ все было, пожалѣли о насъ; побранили

старуху, хотѣли за насъ заступаться передъ людьми, но ихъ никто не слушалъ, имъ никто не вѣрилъ. Мужъ тосковалъ, тосковалъ, напоследокъ пришелъ къ старухѣ и говоритъ: «матушка! Намъ жить вмѣстѣ нельзя; или мы уйдемъ изъ дому, или ты уходи. Видитъ Богъ, я тебя почитаю, какъ свою кровь, буду тебѣ помогать, сколько силы станеть, а жить вмѣстѣ, нѣтъ, ужь не въ могу....» Она какъ взбѣленилась, какъ войдетъ въ азартъ, какъ затопаетъ, закричитъ: «А? Такъ ты меня со двора сгоняешь? По міру меня пустить хочешь? А? Родную мать? А? то все эта змѣя тебя наущаетъ, красавица-то твоя! Ну, я пойду, я пойду, возьму суму, да и пойду. Спасибо, что я тебя вскормила, вспоила, выростила аспида этакого! Вотъ, чему научила молодая жонушка дурака сѣдаго. Прощай, я пойду....»

— Да, кто тебя прогоняетъ, матушка? Образумься; не срамъ себя, ни меня; я-жъ тебѣ толкомъ говорю: хочешь, живи тутъ, хочешь, я тебѣ особую избу построю; и тебѣ, и намъ лучше будетъ; опомнись; что ты Господь съ тобой!

Но старуха совсѣмъ отъ злобы обезумѣла, одѣлась въ лохмотья, взяла суму и, остановясь на порогѣ, начала проклинать сына, меня и все наше племя. Мы кинулись къ ней, стали ее умолять, просить у ней прощенія, плакали, какъ будто въ чемъ были виноваты передъ ней; но она не сжалилась,

свѣзнова трижды проклѣла насъ и пошла тутъ же къ сосѣдямъ просить милостыни подъ окошко. Въ деревнѣ у насъ начали надъ ней смѣяться. Она ушла къ своимъ родственникамъ и поселилась у нихъ. Мужъ мой ни однимъ волосомъ не былъ виноватъ; но материнское проклятіе страшно: оно все у него съ ума не шло; даже во снѣ, бывало, иногда плачетъ и просить у матери прощенія, чтобы она, то есть, разрѣшила его отъ клятвы. Сталъ онъ тосковать, да тосковать, ни работа, ни моя о немъ жалость, ни разговоры товарищей, ни даже совѣты старыхъ людей, чтобы онъ не убивался—ничто, ничто не помогало. Три года онъ такъ маялся и истаялъ, какъ свѣчка, голубчикъ мой. Передъ смертью онъ умолялъ священника, чтобы онъ уговорилъ старуху снять проклятіе. Нѣтъ, и священника не послушалась. Когда мужъ мой умеръ, всѣмъ его стало жаль; всѣ стали бранить и гнать старуху; даже отъ мальчишекъ ей нигдѣ проходу не было. Жутко, видно, ей стало; ей стали говорить, что ей самой на томъ свѣтѣ прощенья не будетъ, что несправедливое проклятіе на нее самую обратится и она будетъ все кипѣть въ смолѣ, просить прощенья, и не получить никогда, никогда, во вѣки вѣковъ. Стала она шататься вездѣ, какъ полуумная, почевать въ болотахъ, на могильникахъ, разговаривать съ камнями, съ деревьями, молиться пнямъ, овцѣ и

коровъ называть христіанскими именами, безъ толку плакать и смѣяться, часто звать сына къ себѣ и благословлять его. Иногда умъ въ ней возвращался, и тогда она была тиха, печальна и горько сожалѣла о сынѣ. Въ этомъ здоровомъ умѣ она однажды пришла ко мнѣ. Я сперва, было, испугалась; но она подошла ко мнѣ такъ ласково, поцѣловала меня и сказала: «прости меня, не прогоняй меня; дай мнѣ дожить у тебя денечки свои». Сердце у меня такъ и повернулось отъ жалости; «чтожъ, говорю я, живи, матушка; ты знаешь, я всегда тебя почитала. У меня всего вдоволь, слава Богу!» Она мнѣ поклонилась въ ноги и опять сказала: «прости меня». Такъ и осталась она у меня, и прежняя дурь на нее никогда не находила. Она работала кое-что, избу, бывало, приберетъ, воды принесетъ, коровъ загонить; я ее ни къ чему не приневоливала. Жила она у меня съ полгода, и мнѣ какъ-то легче на душѣ стало, что она у меня живетъ. Только слышу я, на деревнѣ начали болтать, что будто старуха нашла кладъ, притворилась полуумной, носитъ золотыя деньги и драгоценныя камни на себѣ въ платѣ и хочетъ идти въ Ерусалимъ, чтобъ тамъ построить церковь и вымолить прощеніе у Бога на Святыхъ Мѣстахъ. И старые, и малые этому повѣрили и начали мнѣ завидовать, что вотъ, молъ, старуха умретъ, и сокровища тебѣ

достанутся! Какъ ни говорила я, что это — пустяки, никто меня не хотѣлъ слушать. Стали ко мнѣ навертываться чаще то тотъ, то другой, и разговаривать со старухой, чтобы выпытать отъ нея что-нибудь. Она не говорила имъ ничего такого; но всякій, уходя, прилагалъ что-нибудь и подтверждалъ слухъ объ ея золотѣ и дорогихъ каменьяхъ». Ну, думала я, поболтаютъ, поболтаютъ и перестанутъ — тѣмъ дѣло и кончится. Но меня ждала страшная бѣда. Однажды старуха пошла въ поле, просто посмотрѣть на наши нивки. Жду я ее къ обѣду, — нѣтъ; жду къ ужину — нѣтъ; на ночь не пришла. Я и не хлопочу; можетъ, пошла къ роднымъ, или знакомымъ, и тамъ заночевала. Ее-жь стали вездѣ принимать охотно, когда пошли слухи о богатствѣ, зашитомъ въ ея платѣ. Прошелъ день, другой, я стала о ней спрашивать, не видалъ-ли кто ее. Никто не видалъ. Разъ, сижу я такъ дома, дѣлаю что-то, шастъ ко мнѣ въ избу сотскій, десятскій и староста. А это у насъ въ деревнѣ всегда не къ добру. Я испугалась.

— Гдѣ старуха? спрашиваютъ они въ одинъ голосъ.

«Не знаю.

— Какъ не знаешь?

«Не знаю: она пошла куда-то и не вернулась, вотъ ужъ третій день.

— И этого ты не знаешь, что она убитая лежит на твоём огородѣ? Я такъ и помертвѣла.

«Боже милосердный! Вотъ еще напасть кака!»

— Да напасть и тебѣ, и намъ изъ-за тебя: теперь наѣдетъ судъ, пойдутъ допросы, слѣдствія, присяги, въ такую рабочую пору! Экое наказаніе. Дѣлать нечего голубушка, надо тебя въ мірскую избу запереть, пока дѣло кончится. Я взмолилась, зарыдала, жаль имъ было меня; но все-таки они меня въ мірскую избу посадили. Ужъ какой муки натерпѣлась я, какого стыда, какого страху! Чего-то я, чего не передумала! Такъ мнѣ было тяжело, что лучше-бъ меня безвинно сослали поскорѣй.

Вотъ и пріѣхалъ судъ. Меня потребовали къ начальству. Староста, чтобъ показать строгость, связалъ мнѣ руку назадъ. Вся деревня высыпала, чтобъ смотрѣть какъ меня вели. Я шла, какъ безумная; земля подъ ногами моими будто горѣла. Всѣ мужчины и женщины, дома и мѣста были будто знакомые и незнакомые, я сама будто была другая какая-то. Во рту, въ груди все у меня высохло, сердце закаменѣло и больно, больно стучало; ноги какъ деревянные двигались; передъ глазами ходили какіе-то круги, круги, красные, зеленоватые.... Подвели меня этакъ къ старостиной избѣ. На крылечкѣ стоитъ какой-то человѣкъ, чиновникъ. Увидя

меня, онъ крикнулъ на старосту: «и зачѣмъ ей руки связали?»

— Такъ, батюшка, слѣдуетъ.

«Какъ слѣдуетъ? Для чего?»

— Для порядку, батюшка.

«Какой это порядокъ? Кто поставилъ его? Развязать!»

Вотъ какъ мнѣ развязали руки, весь страхъ съ меня въ ту же минуту спалъ. Я стала смѣла, перекрестилась и думаю:

«Господи! Да чтожь это, было, со мною сдѣлалось? Чего жъ я, было, такъ оробѣла? Вѣдь я-жь ни въ чемъ не виновата. А обидѣтъ всякого могутъ. Привели меня въ избу. Судьи тамъ двое, или трое какіе-то сидятъ и весело разговариваютъ, другъ надъ другомъ подсмѣиваются. Я отъ этого сдѣлалась еще бодрѣй. Но, когда увидѣли они меня, то тотчасъ замолкли. Одинъ изъ нихъ встаетъ и насупясь такъ грозно, спрашиваетъ:

— Какъ тебя зовутъ?»

«Мариной, батюшка.

— Ты въ Бога вѣруешь?»

«Вѣрую.

— Грамотѣ знаешь?»

«Нѣтъ.

— За что ты убила старуху?»

«Я не била ее.

— Какъ не была?

«Такъ, не была, батюшка.

Долго меня спрашивали. Одни говорили, что написать, другіе, что записывать не надо, а про-извести слѣдствіе и донести найденъ-ли виноватый, или нѣтъ. Чѣмъ у нихъ тамъ кончилось, не знаю, только меня опять отвели въ мірскую избу, а они уѣхали. Держали меня, держали подъ карауломъ, вотъ опять пріѣхали судьи, только ужъ другіе, и докторъ съ ними. Эти ужъ разспрашивали меня порядкомъ, обо всемъ, обо всемъ, и все записы-вали, все записывали, потомъ опять тоже стануть спрашивать и тоже все записываютъ, разъ, кажет-ся, десять все одно спрашивали—такъ это меня из-морило, какъ никакая самая трудная работа не измаривала. Пріѣхалъ докторъ и—Боже милосер-дый — что онъ съ мертвымъ тѣломъ дѣлалъ! Ко-пался онъ тамъ, копался, все хотѣлъ узнать, кто убилъ, и что отъ мертвого человѣка узнаешь? ни-чего не узналъ. Судили они, судили, еще начали писать и долго писали. Призвали меня опять, про-чли, что я говорила, и спросили, такъ-ли я гово-рила; я отвѣчала, что такъ. Подписался за меня отставной солдатъ, что все это такъ, и они меня отпустили. Я на первой порѣ даже не обрадова-лась и не знаю, куда идти. Сошла съ крыльца старостина двора, да и стою на дорогѣ, какъ будто

у меня и дома своего не было, какъ будто у меня его отняли и мнѣ входить туда запретъ положенъ. Побрела я къ нему однакожъ. Иду я этакъ потихонечку, и такъ мнѣ грустно, такъ грустно, что слезы въ два ручья потекли. Отворила я калитку на свой дворъ; собаченка моя на меня, было, кинулась и забрехала, потомъ тотчасъ признала меня, стала ко мнѣ ластиться, визжать, бѣгать кругомъ меня, или остановится и глядитъ мнѣ въ глаза, какъ спрашиваетъ, гдѣ, дескать, ты такъ долго была. Я громко крикнула: «цыпъ-цыпъ-цыпъ!» И со всѣхъ сторонъ—изъ закутъ, изъ-подъ клѣти, съ крышь, съ огорода посыпались ко мнѣ куры и цыплята, обступили меня, иные такъ и летятъ на руки. Я думала, что они голодны; посыпала имъ зернятъ; они, вѣстимо, стали клевать, да нежданно; сыты, значить, были: извѣстно—лѣтняя пора; поклевали немножко, да опять—ко мнѣ. Радостно мнѣ это было, очень. Вхожу я въ избу, пала ницъ передъ образомъ Божіей Матери, долго молилась Ей, Милостивой Заступницѣ, и когда подняла глаза на Ея святой ликъ, то мнѣ показалось, что Она такъ жалостливо, такъ милосердо на меня смотритъ, ну, вотъ, ей Богу, только лишь не вымолвить: «не кручинься моль, ты женщина: ты невиновата; Я тебя не оставлю!» И такъ мнѣ сладко, и тихо, и свѣтло стало на душѣ отъ этого святаго милосердаго взгляда.

Кинулась я къ печкѣ, набросала дровецъ, и въ мигъ запылали они. И не то, чтобы ѣсть мнѣ очень хотѣлось или спѣшила я вариво себѣ приготовить, нѣтъ, — а такъ огонь хотѣлось видѣть въ печкѣ, дымокъ чтобъ вился надъ кровлей, надъ живымъ жильемъ. Потомъ кинулась я на огородъ, обѣгала всѣ уголки, всѣ грядки, пересмотрѣла всѣ кустики: и новы, и свѣжи, и ужасно хороши они мнѣ показались, такъ вотъ бы къ каждому листу прильнула и цѣловала его и пила его свѣтленькія росинки.

Принялась я потомъ пересматривать все свое домашнее, все добро, слава Богу, ничто не тронуто, все цѣлехонько; знать, жаль было тащить съ сиротскаго двора. Говорили, будто какая-то женщина, старушка, приходила и стерегла мой дворъ, и можетъ, Господь Богъ насыпалъ страхъ на всякого недоброго человѣка. Ну и стала, было, я жить по прежнему и работать, страхъ какъ ретиво работать. Только, куда я ни пойду, съ кѣмъ ни заговорю, всѣ меня какъ-то дичатся, чуждаются; если кто зайдетъ, такъ по какой-нибудь надобности — телѣги, косы, или вилъ, или еще такъ чего попросить; а такъ, съ кѣмъ ни заведешь рѣчь, къ кому ни придешь посидѣть — слова два скажетъ: да прочь, да шастъ вонъ изъ избы. «Что-жъ это, думаю я, кому я какую обиду, или какое дурное дѣло сдѣлала? Меня-жъ обидѣли!» Иду я однажды съ ра-

боты, уморилась, чуть ноги двигаются, спину и плечи страх разломило, а все про это думаю. Вижу, сосѣдинъ мальчишка сидитъ у воротъ на землѣ и плачетъ. Чего ты, говорю я, плачешь?

«Ѣсть, говорить, хочется.

— А мать гдѣ?

«На лугу.

— Вернется вѣнче?

«Нѣтъ, не вернется.

— А когда-же вернется?

«Можетъ вернется *вчера*.

— Чтожъ, она тебѣ ничего не оставила поѣсть?

«Ничего.

— Отъ чего?

«У насъ ничего нѣтути.

— Поди, я покормлю тебя.

«Боюсь.

— Чего боишься?

«Мама прибѣтъ.

— За что?

«Она не велѣла къ тебѣ ходить.

— Почему?

«Ты, говорить, такая какая-то — я не выговорю—какая-то.... подсу.... су.... денная, подъ карауломъ была».

Ну, повѣришь-ли, батюшка, такъ этимъ словомъ

глухимъ мальчишка меня, какъ камнемъ, опарашиль. Вздохнула я глубоко, глубоко, тяжело такъ. А жаль мнѣ этого ребенка все-таки было. Онъ, думаю, не виноватъ: чужія рѣчи повторяетъ. Вынесла я ему краюшку хлѣба съ солью, да огурцовъ съ грядъ, дала; онъ боязливо поглядѣлъ кругомъ нѣтъ-ли кого, схватилъ хлѣбъ и огурцы, шмыгнулъ къ себѣ подворотню, залегъ у себя на огородѣ между грядями и сталъ ѣсть. Худо дѣло, думаю я; ужъ если ребятишки такъ говорятъ про меня, чтожъ толкуютъ большіе? Но, Богъ съ ними! Я и безъ нихъ буду жить! Подумала я, погоревала, заплакала одна, помолилась Богу, недѣли съ три не порѣшала ничего, потомъ махнула рукой и порѣшила: продала все до тла, перебралась въ другую деревню, верстъ за двадцать за пять, купила себѣ избенку, а хозяйствомъ обзаводиться не стала: душа ужъ не лежала ни къ чему и ни къ кому; кинулась я въ лѣса и стала жить, какъ дикая птица: собираю грибы, продаю ихъ свѣжіе, сушу, солю и тоже продаю; ну, а зимой, какъ я ужъ вамъ говорила, работишкой какой-нибудь занимаюсь, съ меня оно и довольно, и въ запасъ еще копѣйку какую положишь. Слава Богу! Жаловаться нечего. Только когда вспомнишь, что со мной было, такъ горько какъ-то становится: за что это люди меня такъ обижали? Да я объ этомъ вспоминаю рѣдко; теперь

вотъ такъ ты меня на это навелъ; ну, я тебѣ всю подготовную и рассказала. И знаешь-ли, батюшка, вотъ и тебя въ первый, а можетъ и въ послѣдній разъ вижу, и Христось тебя знаетъ, кто ты такой, а мнѣ вотъ легче стало, когда я тебѣ рассказала. Я никому этого не рассказывала; никто меня не слушалъ.

— А не было тебѣ иногда скучно, что ты такъ отъ людей отбилась?

«На первыхъ порахъ иногда было смерть скучно, такъ вотъ тебя и тянетъ, такъ и тянетъ, такъ вотъ бы и кинулась къ кому-нибудь на шею; да придешь въ деревню, посмотришь—все чужіе, никому-ты не миль, не дорогъ, у всякого своя забота и радость, вздохнешь—и махъ опять въ лѣсъ. А послѣ такъ я привыкла къ этой жизни, что людей хоть бы вѣкъ не видать, даже какъ-то не любо, если кого въ лѣсу встрѣтишь, поскорѣй отъ него прочь, точно звѣрь какой, какъ будто онъ тебѣ мѣшаетъ, или просторъ отнимаетъ у тебя. Смѣшно даже, какъ подумаешь.... А и то сказать, Богъ меня не оставилъ: много радости бываетъ у меня.

— Что? рѣдкіе березнички, частые грибочки!

Она усмѣхнулась.

— Это само собой, батюшка; а то такъ хорошо въ лѣсу: зайдешь въ глушь, чащу непроходимую—днемъ темно, только сверху, можетъ до половины, большія дерева горять въ солнцѣ, какъ въ

золотѣ; тихо все, тихо, какъ въ храмѣ Божіемъ; ничего не шелохнется, не дуснетъ, птичка не пикнетъ, змѣя не зашуршитъ. Отъ чистыхъ, непомятыхъ травъ и кустарниковъ въ полдень тебя душистымъ холодомъ таеъ и охватить. И травы и цвѣты попадаются рѣдкіе, невиданные.

Все спитъ, какъ въ полночь, или думаетъ какую-то крѣпкую думу. И видно, что всему въ тѣ поры радостно. И сердцу радостно станеть, и такъ оно разгорится, разыграется, и самъ станешь какъ росистый зеленый кустъ, съ мѣста сойти, шевельнуться не хочется—все бы стоялъ, смотрѣлъ и думалъ, и самъ не знаешь, что думать: про деревни, про коровъ, про деньги, про мужиковъ, про женщинъ, про все, про все забудешь; кажись, всего этого не было и не будетъ на свѣтѣ, и ты вотъ такъ будешь тутъ стоять вѣки вѣчные и глядѣть какъ солнышко дремучій лѣсъ озалачиваетъ.

— Да, это хорошо въ ясную погоду; а когда начнетъ лить дождь, да недѣлю, двѣ сряду?

«А я тебѣ скажу, батюшка, что дождь для меня ничего: одѣнусь я поплоче, платья жалѣть нечего, и пошла шнырять между деревьями; вѣтеръ ихъ такъ и ломить; гудятъ они, шумятъ, словно грозный разговоръ ведутъ—сосна по своему, ель, дубъ, береза—по своему; дождь хлещетъ то мелкими, то крупными каплями; все помолодѣетъ, позеленѣетъ,

листья напеются, даже моховыя сухія кочки станут зелены, пышны и мягки, какъ какія дорогія подушки; умытыя цвѣты и травки такъ на тебя ребячьими свѣтлыми глазенками и смотрять; въ иныхъ мѣстахъ отъ земли тепломъ пахнетъ; да на ходьбѣ холоду и не чувствуешь, разгорисься и радъ даже, что въ лицо дождь сыплетъ; бодрость такую чувствуешь, что хоть бы цѣлый день мыкаться. А ужъ какой въ эту пору грибовой духъ поидетъ, такъ-бы вотъ все дышалъ имъ, свѣжій такой, здоровый. Только вотъ Катя жаль: она-то еще неслослива; передрогнетъ иногда; ну, дѣлать нечего, идешь домой. Да ничего, выростетъ, обдержится. Нѣтъ, батюшка, въ лѣсу и въ дождь—славно!

— Это, вѣдь, дочь твоя?

«Да, все равно, что дочь. (Катя! Поди-ка, пощи, нѣтъ-ли тутъ ягодокъ).

Когда Катя отошла, такъ что ужъ не могла слышать насъ, Марина оглянулась кругомъ, вздохнула и сказала: «да, я люблю ее, какъ дочь; вѣдь, она одна на свѣтѣ; безъ нея я бы совсѣмъ изныла, или одервенѣла; безъ нея и жить бы мнѣ не слѣдь: но она у меня приемышекъ, и рассказать тебѣ, какъ она ко мнѣ попала, такъ сердце оболется кровью: жила я, мой батюшка, вотъ этакъ все въ лѣсахъ, да въ перелѣскахъ, и ужъ полюбилась мнѣ этакая безлюдная жизнь. Только разъ какъ-то,

ни съ того, ни съ сего, напади на меня тоска; не то, чтобы забота меня какая тревожила, или жальла я объ чемъ, или нужда меня давила; нѣтъ, ничего такого не было; а затосковала я вотъ такъ, будто отъ травъ, отъ цвѣтовъ душистыхъ, отъ солнечнаго тепла, отъ листовъ орѣховыхъ, отъ еловаго и сосноваго смолистаго запаху, отъ всего мнѣ въ душу печалью вѣетъ и всю меня охватываетъ: и ноги, и руки стали слабы; и хочется сѣсть, приложить къ дереву голову и сидѣть, все сидѣть. Сѣла я и думаю, какой же нынче день. И вспомнила я, что тогда былъ праздникъ Спасъ Преображенія. Вотъ, думаю, теперь у людей праздникъ, одѣлись всѣ чисто, нарядно, умылись, причесались, пошли въ церковь, тамъ служба Божія идетъ, ладонь по церкви ходить, книгу святую читають, всѣ молятся; а я-то гдѣ и что дѣлаю? Лба даже своего нынче не перекрестила, какъ бусурманка какая нибудь. И очепь мнѣ захотѣлось молиться. Чтожъ, думаю, выйду изъ лѣсу, обернусь туда, гдѣ крестъ на церкви увижу и помолюсь; авось, Господь Богъ приметъ мою молитву. Вышла я; у самого лѣса течетъ рѣчка; берега крутые такіе; за рѣчкой—широкіе, славные луга, ужъ скошены, и новая трава на нихъ поднялась; пташки на нихъ иныя стадами, иныя въ одиночку бѣгали и перелетывали. Все это солнышкомъ какъ залито—и водица, и пе-

сокъ на днѣ жолтый, и травка, и пташечки. Глядѣла я, глядѣла, особенно на рѣчку свѣтлую, и такъ мнѣ все это хорошо показалось, чисто, ясно, какъ святое мѣсто какое.... Стала я на колѣни, смотрю на крестъ—такъ онъ въ небѣ одинъ стоитъ, весь въ солнцѣ, и ничего, кромѣ него не видно; молюсь я на него; на душѣ у меня легко, легко, а слезы такъ и текутъ, такъ и текутъ, и, кажись, вѣкъ бы я тутъ стояла, молилась и плакала. Вдругъ слышу я, по дорогѣ за косогоромъ что-то «брякъ, брякъ,» я прислушалась; голоса какіе-то послышались; потомъ опять «брякъ, брякъ.» Я поднялась, прошла немножко въ лѣсъ и изъ-за кустовъ выглядываю: вижу, на берегу рѣчки остановились нѣсколько человѣкъ, телѣга, лошаденка косматая отпряжена, огонечекъ разложенъ; а подлѣ—Матерь Божія—солдаты съ ружьями! Я такъ и оторопѣла и не знаю, идти мнѣ къ нимъ, или не идти; а что-то тянетъ туда, и жалость у меня къ этимъ людямъ большая показалась; подошла я, поклонилась; солдаты посмотрѣли и — ничего. А люди-то, батюшка ты мой, въ кандалахъ, въ желѣзныхъ; ссыльные, выходятъ; вѣстимо, не за доброе дѣло ссылаютъ; а, можетъ, иной и такъ какънибудь въ бѣду попалъ, вонъ какъ я, было. У телѣженки женщина лежала, блѣдная, слабая, больная; спала она, моя голубушка, а сама руками дер-

жить ребеночка; онъ, глупенькій, копошится и забавляется лохмотьями, накроетъ ими ей лицо, засмѣется и опять откроетъ.

— Куда это вы ихъ ведете? спросила я солдата.

«Вѣстимо, куда, отвѣчалъ солдатъ, — въ Сибирь.

— А за что это?

«А намъ какъ знать, за что? Велѣно вести и ведешь.

— Да, да! А ребеночка-то за что-жь?

«А куда-жь его дѣвать? Онъ съ матерью, значить.

— А можно мнѣ грибки ей отдать, и хлебушка немножко, и соль тутъ есть?

«Можно.

Я подошла къ женщинѣ. Она открыла глаза.

— Голубушка, говорю я ей, возьми, вотъ, грибки и хлѣбца съ солью.

«Спасибо, прошептала она, а сама на меня глазъ поднять не можетъ. Я стала ей давать хлѣбъ, да украдкой сунула ей въ руку двугривенникъ; она взглянула на меня, спрятала двугривенный и сказала: «награди тебя Господь!» И двѣ слезинки показались у нея на глазахъ.

— Это твой ребеночекъ? спросила я.

«Мой.

— Трудно тебѣ съ нимъ?

«Я скоро умру.

— А онъ же—какъ?

«Авось, и его Богъ приберетъ.

— А отдала-бъ ты его кому-нибудь?

«Кто его возьметъ у каторжной?

— А если-бъ кто попросилъ?

Она подумала, зарыдала и сказала: «отдала-бы.»

— Отдай мнѣ его: я сирота, одинокая, у меня будетъ чемъ прокормить его; я буду его холить, лелѣять, а когда, Богъ дастъ, ты будешь жива и тебя простятъ, что-жь, я отдамъ тебѣ его на радость.

«Нѣтъ, ужъ гдѣ мнѣ? Я не жилица на свѣтѣ. Да и дай Богъ поскорѣй въ сырую могилу! А ты ужъ будь моему горемычному дѣтищу матерью.» И она опять зарыдала такъ, что лѣсъ застоналъ, въ голосъ зарыдала. Сдѣлалось съ нею что-то, стало ее всю бить, глаза закатились, а потомъ она стихла и смолкла и лежала какъ мертвая. Солдаты перепугались: ну, какъ, моль, на дорогѣ умереть, что съ нею будешь дѣлать? Еще бѣды наживешь. Хоть-бы до острога довести». Однакожь, черезъ нѣсколько времени она очнудась, только, кажись, стала еще слабѣй. Солдаты и тѣ съ жалостью на нее смотрѣли и то тотъ, то другой подойдетъ къ ней и скажетъ ласковое слово. Я говорю имъ: «она согласна отдать мнѣ своего ребеночка; позвольте».

— Мы не можемъ этого, говорятъ они; на это есть начальство; оно ужъ пускай *разрѣшитъ*.

«Какъ же быть-то?»

— А надо идти до города; тамъ и скажутъ, можно, или нѣтъ.

«А можно мнѣ за вами идти?»

— Можно, только съ боку, или поодаль.

И пошла я за ними до города, и на дорогѣ думаю: вѣдь, вотъ Господь Богъ все къ лучшему устраиваетъ: мать на дорогѣ увидитъ, какъ я буду обходиться съ ея ребеночкомъ, и ей легче будетъ отдать его, и разставаться-то съ нимъ не вдругъ ей будетъ легче, да и дитя ко мнѣ понемножку попривыкнетъ. Идемъ мы этакъ день, другой, третій, недѣлю цѣлую шли; я помогаю, чѣмъ могу, матери, нянчусь съ дитей, голублю его; мать даже немножко лучше стала; лицо ее сдѣлалось не такъ уныло. И какъ же она молилась, бывало, по утру и ввечеру, и даже ночью иногда встанетъ и молится, молится, до изнеможенья молится! Мнѣ такъ иногда жаль ее становилось, что я-бы, кажись, за нее сама въ Сибирь пошла. Лежу я этакъ поодаль отъ нихъ; ночь темная, глухая; звѣзды по небу пересыпаются; глядишь, глядишь вверхъ, въ высоту-то небесную, и, кажись, небо и земля ходятъ, и что-то этакое тайное кругомъ тебя безпрестанно дѣлается, а что—не знаешь, и думаешь; отъ чего-

же это такъ люди то живутъ, что надо и кандалы на нихъ надѣвать, и солдатъ къ нимъ приставлять, и въ Сибирь ихъ сослать и дитя малолѣтнее съ матерью отправлять въ дорогу, такую трудную, дальнюю? Господи, вразумишь-ли ты когда людей, чтобъ они жили иначе, чтобы ничего этакого не было нужно?

Пришли мы въ городъ. Сказали о моемъ желаніи начальству; начальники спросили мать: «хочешь-ли ты отдать своего ребеночка?»

— Хочу.

А меня спросили: «ты хочешь принять эту дѣвочку, какъ дочь!»

— Хочу.

«Смотри же, послѣ ужъ этого воротить нельзя будетъ.

— И не надобно будетъ ворочать; я ее, пока сама жива, никому ни за что на свѣтѣ не отдамъ.

«Ну, такъ спасибо тебѣ», сказалъ одинъ начальникъ; добрая ты женщина. Богъ тебя награждать. Позвалъ онъ меня въ отдѣльную комнату, перекрестилъ, припомнилъ мнѣ еще, чтобъ я дитя не покидала, сунулъ мнѣ въ руку десять рублей, отвернулся и сказалъ: ступай съ Богомъ.

Повели *ихъ* опять; я говорю матери: «я тебя провожу.»

— Да, говорить она, Бога ради, проводи хоть

съ версту; а тамъ ужъ.... И она не могла ничего сказать, а только прихватила дѣвчоночку къ себѣ и слезно стала ее цѣловать и побрела.

Я думаю: дай, я ей дамъ въ волю послѣдній день нагореваться надъ своимъ дѣтищемъ, а тамъ ужъ, дѣлать нечего, и унесу его.

И провожала я ихъ еще цѣлый день. И какъ рада мать-то была этому, точно на вѣкъ она могла наглядѣться на свою сиротинку. Пришли мы на ночлегъ; она положила дитя подлѣ себя. «Завтра, говоритъ мнѣ, ужъ поутру....»

— Ну, что-жъ, говорю я, хорошо. Спи.

Заснула она; а я не сплю и думаю: завтра, вѣдь, горьче будетъ разставаться; лучше ужъ теперь ночью унесу ребенка. Онъ же ко мнѣ попривыкъ, поприласкался. Прислушалась: она спитъ, ребенокъ спитъ; солдатъ съ ружьемъ дремлетъ. Я къ нему: онъ открылъ глаза; я говорю ему шопотомъ: «я возьму ребенка и уйду.»

— Съ Богомъ, говоритъ онъ.

Я взяла тихонько дитю: оно, было, закопошилось; я пригрѣла его; оно опять заснуло. Я перекрестилась, благословила мать и поскорѣй, поскорѣй прочь, отошла версты четыре и заночевала въ деревушкѣ; потомъ вернулась въ свои мѣста и вотъ выросила Катю и живу теперь съ нею.

— Что-жъ, она тосковала по матери?

«Денька два-три все тревожилась, все кого-то глазенками ищеть, увидеть какую-нибудь женщину, кинется къ ней, но взглянетъ въ лицо, заплачетъ и отвернется и прильнетъ ко мнѣ близко, близко; а потомъ совсѣмъ ко мнѣ привыкла, стала такая веселенькая, игривенькая. Но я о матери ея часто вспоминала; да и теперь, правду сказать, еще забыть не могу.

— А не тяготишься ты иногда тѣмъ, что такую заботу на себя взяла?

«Какая забота? Да это радость мнѣ: она у меня такая веселая, разумная, послушная; вьется вокругъ меня, лепечетъ, въ одинъ мигъ сбѣгаетъ, куда пошлешь, чистоту въ избѣ и вокругъ себя страхъ какъ любить; а ужъ за ягодами, за грибами когда ее поведешь, она такъ и прыгаетъ, бьетъ въ ладоши, поетъ, разгорится, разыграется, точно зорька весенняя.

— Неужели-жъ ты хочешь, чтобъ и она вела такую же жизнь, какъ ты, все въ лѣсу, да въ лѣсу?

«Помилуй меня Господи! За что-жъ я ея голову загублю? Я ее, какъ подростетъ, въ ученье отдамъ, въ хорошее ученье, чтобы она всякую чистую женскую работу знала, мастерицей сдѣлалась, и грамотѣ, и всему такому книжному научилась, что хорошей дѣвушкѣ нужно. Вѣдь, и я не въ лѣсу и для лѣсу выросла; да такъ вышло. — Вотъ какая

моя исторія, батюшка! А день-то какой чудный! Экая жарня! Вотъ благодать Божія! Какъ теперь послѣ дождей грибы-то полѣзуть! Особенно подо-синовики, хоть косой коси; да и боровиковъ нако-паешь вволю; приземистые они теперь будутъ, тол-стенныя, буренныя; прежде, чѣмъ возьмешь, еще на землѣ нарадуешься на нихъ. Ходи, ликуй по тем-нымъ борамъ, по свѣжимъ березникамъ. Дай Богъ имъ вѣкъ-вѣчный расти, толстѣть и красоваться на радость и пріютъ намъ горемычнымъ.

Я попросилъ ее постоянно носить ко мнѣ гри-бы; мнѣ особенно хотѣлось слѣдить за тѣмъ, какъ она будетъ воспитывать Катю; да я же и сочув-ствовалъ ея дикой жизни, исполненной своего рода поэтической воли и своеобразной первобытной пре-лести.

II.

Своевольная бѣдность.

Въ средней полосѣ Россіи, по долинамъ и взгорьямъ шель чудный лѣсъ, и шель онъ вдоль верстѣ на пятьдесятъ, а въ ширину, — гдѣ на пят-надцать, гдѣ на двадцать верстѣ. По разнообразію почвы и мѣстности, и деревья были разнообразны: на сухихъ и песчаныхъ мѣстахъ стояли могучіе

сосновые боры; тамъ, гдѣ земля тучнѣй, зеленѣли дубы и орѣшины; между ними на прибрежныхъ скатахъ къ ручьямъ и рѣчкамъ раскидывались свѣжіе, веселые березники; въ долинахъ — чистые и ровные луга, изрѣдка пересѣкаемые ракитникомъ. Въ каменистыхъ оврагахъ, въ тѣсной и темной чащѣ дикой малины и смородины, или въ голыхъ песчаныхъ подгорьяхъ, то тутъ, то тамъ бьетъ холодный, свѣтленькій ключикъ, скопившеюся водой вымываетъ впадину и звенящею струйкой бѣжитъ по сизымъ кремнямъ. Въ лѣтній зной его отыскиваетъ *«копыто жаждущаго стада, иль поселянь бродящихъ льнъ»*, а въ меженные дни *«жницы погружатъ приходятъ звонкіе кувшины.»* Сторона хорошая: и звѣрю, и птицѣ, и человѣку при-волье и отрада.

Открытыя поля были засѣяны рожью, овсомъ, ячменемъ, гречихой; въ видѣ роскоши, то тамъ, то сямъ на узенькихъ нивкахъ красовалось кистистое просо. На поверхностный взглядъ празднаго горожанина эти хлѣба представляли только заманчивую картину, въ которой творческій солнечный свѣтъ, дробясь на тысячи оттѣнговъ въ окраскѣ стеблей, листьевъ, цвѣтовъ, колосевъ, пушка, усиковъ и зеренъ растеній, сливается опять для глаза въ ласкающую и нѣжащую гармонію неподражаемой, неуловимой и неизяснимой живописи; но для чело-

вѣка, сочувствующаго этимъ вѣчно роющимся въ землѣ, вѣчно копошачимся милліонамъ людей, этой черноземной, питательной почвѣ государствъ, видъ обработанныхъ полей имѣеть болѣе глубокой смыслъ и тайную, душевную прелесть. Это — довольство, счастье крестьянина, согласіе между мужемъ и женой, на столѣ коврига чистаго хлѣба, вкусныя щи съ затолокой, каша съ масломъ, здоровенькіе, съ малолѣтства къ порядку и труду привыкающіе дѣти, добрая нравственность, свѣтъ и радость въ избѣ, благоговѣйная молитва въ церкви, канунъ и панихидники на родительскихъ могилахъ, и радостная, ключемъ изъ груди бьющая, звонкая пѣсня на полѣ, на лугу, въ хороводѣ.

Судя поэтому, какъ-бы, кажется, среди такихъ полей, луговинъ и лѣсовъ завестись бѣдности, нищеты? А заводится она, какъ гниль, какъ плесень на корѣ и корняхъ свѣжихъ и крѣпкихъ дубовъ.

По одной деревнѣ въ этихъ мѣстахъ проходилъ я лѣтомъ. Жаръ солнца, нѣсколько умѣряемый легкимъ вѣтромъ и свѣжестью со всѣхъ сторонъ красовавшейся зелени, радовалъ душу. Среди дворовъ, хотя соломою и дранками, но порядочно покрытыхъ и обнесенныхъ кругомъ хлѣвами, анбарами и клѣтями, стояла довольно крѣпкая, по запущенная, заброшенная избенка, на которой во всемъ видна была небрежность и какая-то, можно сказать, рас-

трепанность: полу-отворенная, посрединѣ проломанная ворота висѣли на одной петлѣ, какъ-бы съ неудовольствіемъ дожидаясь, когда же наконецъ придетъ время совсѣмъ упасть имъ; крыша была соломенная, черная и взъерошенная; въ окнѣ было грязное, запачканное стекло; сквозь гнилыя ступеньки крыльца проросла трава; дворъ заросъ крапивой, дикою ромашкой, кастеремъ и поганками; посрединѣ валялся обломокъ колеса, дно кадучки и лоскутъ хомута; видно, они давно лежатъ: сквозь нихъ и кругомъ нихъ тоже — все былья сорныхъ растеній. Въ углахъ бревенъ гудѣли шмели; въ крышѣ сверху и снизу пищали и чирикали рои воробьевъ; на гребнѣ ея, по сѣрой, растрескавшейся перекладинѣ прыгала и щебетала какая-то дикая, лѣсная птичка. Вездѣ запустѣніе, гниль и унылая бездомовность. На огородѣ все заглохло, заухло; только кое-гдѣ сохранились слѣды бывшихъ грядъ; но нимъ во всемъ безобразіи одичалости лѣсъ лѣсомъ разросся хрѣнь, дѣдовникъ, лебеда и опять крапива, крапива. Въ одномъ углу его стояла старая плакучая береза и, казалось, смотря на все это, грустно покачивала своею вершиной. Даже со стороны тяжело было глядѣть на все это: такъ-бы и взялъ плугъ, заступъ, лопату, искоренилъ эту тунелдную растительную челядь, взрылъ, очистилъ, разрыхлилъ, поднялъ эту въ сырости и

безсолнечьи пропадающую землю и сдѣлалъ ее достойною благовоспитанныхъ овощей — рѣдьки, моркови, рѣпы, картофеля, огурцовъ, гороха, бобовъ и другихъ красоть огорода.

У воротъ этого жилья сидѣла и дремала старуха, еще очень крѣпкая и довольно сытная, но оборванная и грязная; въ лицѣ ея было что-то тупое; оно было чуждо всякаго выраженія какой-бы то ни было мысли, заботы, или привязанности; только въ нѣкоторыхъ чертахъ ея чуть-чуть проглядывало чувство своей угнетенности и отверженности. Неподалеку отъ нея, по дорогѣ, въ горячемъ пескѣ сидѣлъ полунагой мальчикъ, лѣтъ девяти, или десяти; онъ то пересыпалъ песокъ съ руки на руку, то бросалъ камушками или въ стѣну сарая, или въ старуху. Камушекъ иногда попадалъ ей въ голову; она открывала глаза и будто такъ, для формы, лѣниво говорила: «перестань, постреленокъ! Ты-бы лучше пошелъ куда-нибудь.» Но постреленокъ не шелъ никуда; очевидно, лучше этого мѣста и дѣла, по-крайней-мѣрѣ въ ту минуту, онъ не могъ ничего представить.

Я подошелъ къ старухѣ. «Здравствуй, бабушка, сказалъ я».

Она открыла глаза, будто подумала, что отвѣчать, и только черезъ нѣсколько секундъ отвѣчала: «здравствуй!»

— Это твой дворикъ?

«Который?

— А вотъ, у котораго ты сидишь?

«Этотъ-то? (Она вопросительно указала глазами).

— Да, этотъ.

«Этотъ — мой.

— Что-жь это онъ у тебя такой?

«Какой?

— Да такой запущенный, заброшенный.

«Что-жь дѣлать! Некому присмотрѣть.

— Какъ некому? А ты-что-жь не присмотришь?

«Гдѣ-жь мнѣ!

— Какъ гдѣ-жь? У тебя еще есть сила.

«Сила-то еще есть; да гдѣ ужь?

— Вѣдь этотъ мальчикъ твой?

«Да, мой внучекъ.

— Ну, вотъ его-бы заставила: онъ-бы помогаль тебѣ.

«Гдѣ-жь ему?

— Какъ, гдѣ-жь ему? Другіе въ его года помогаютъ отцамъ и матерямъ во всякихъ работахъ..

«Да, другіе помогаютъ; а ему гдѣ? У него нѣтъ ни отца, ни матери.

— Ну, тебѣ-бы помогаль.

«Въ чемъ мнѣ помогать-то?

— Гряды-бы, напримѣръ, съ тобою копаль вмѣстѣ, садиль, полоть, поливаль....

«Это на огородѣ-то?»

— Да, на огородѣ.

«Гдѣ-жѣ тамъ гряды копать? Тамъ все заглохло; тамъ и соха не возьметъ.

— Всего огорода вдругъ не прокопаешь; но одинъ годъ сдѣлали-бы двѣ-три гряды, другой — тоже, оно-бы и пошло хорошо.

«Оно-бы гряды вскопать можно, да, вѣдь, надо на нихъ садить что-нибудь; а посадишь — куры сосѣдскія все выкопаютъ; а то, пожалуй, ничего не взойдетъ; а взойдетъ, такъ, глядишь, либо отъ жару повянетъ, либо отъ мокроты погниетъ; нѣтъ, ужъ гдѣ?»

— Куръ мальчишка-бы стогналъ, вмѣсто того, чтобы тебѣ камни въ лобъ пускать; въ жаркое лѣто поливать надо, въ мокрое — проводить канавки для стоку воды; вотъ оно и будетъ хорошо; Богъ дастъ, все выростетъ и созрѣетъ.

«Да, кому Богъ дастъ, тому хорошо.

— Но Богъ даетъ только тому, кто работаетъ; а сидѣть, сложа руки и дожидаться, авось Богъ дастъ, грѣхъ.

«Оно — точно; да подняться-то ни съ чѣмъ трудно.

— Хочешь, я найму тебѣ мужика: онъ вспашетъ, сдѣлаетъ гряды, я куплю тебѣ огородныхъ

сѣмянъ, подарю двѣ-три курицы на обзаведеніе, и занимайся своимъ хозяйствомъ и живи съ Богомъ.

И думалъ, что ее обрадуетъ это; ничуть не бывало: она даже будто испугалась такой обузы хлопотъ, безпокойно зашевелилась, закопала въ головѣ и безевязно заговорила: «мужикъ? Гдѣ мнѣ съ мужикомъ справиться? Кто мнѣ будетъ сѣять сѣмяна? Гдѣ усмотрѣть за курами, за цыплятами? Ихъ вороны растаскаютъ; все распропадетъ; мальчишки съ огорода все порастащатъ; поди, лови ихъ.... нѣтъ, ужъ лучше такъ.

— Какъ такъ?

«Да, такъ, какъ есть.

— А что у васъ есть?

«А ничего.

— Чѣмъ же вы живете?

«А что Богъ пошлетъ.

— Вѣдь этакъ не хорошо; пусть-бы хоть мальчишка что-нибудь добывалъ.

«Онъ и такъ добываетъ: вонъ намеднись барыня какая-то проѣзжала, дала ему пятакъ; а то купчиха, богатая такая, полная, кровь съ молокомъ, увидѣла, что на немъ ничего нѣтъ, подарила кафтанишко; дьяконица у насъ есть, добрая такая, милосердая, нѣтъ, нѣтъ, да и нальетъ ему въ горлачь молока и хлѣбушка отломить, онъ и принесетъ мнѣ, мы вмѣстѣ ѣдимъ; а то вонъ ярмонки

бываютъ у насъ по деревнямъ — народъ, извѣстно, гуляетъ, веселится, продаютъ, покупаютъ; онъ тамъ трется между ними, ну, не тотъ, такъ другой кинетъ что-нибудь; а иногда приказчики, либо помѣщики бросаютъ ребятишкамъ, для забавы, на драку орѣхи, пряники, калачи, мѣдныя деньги — онъ такой проворный, всѣхъ отобьетъ, и полную пазуху принесетъ *двору*.... Какъ же не добываетъ? Онъ у меня добываетъ!» Это она говорила съ полнымъ самодовольствіемъ, даже съ гордостію и съ попрекомъ мнѣ.

— Да, старуха, сказалъ я съ досадою, вѣдь, это — нищенство, попрошайничество, бродяжничество; ты-бъ его заставляла дѣлать что-нибудь.

«А какое ему дѣло?

— Ну, вотъ у васъ рѣчка подь бокомъ; чай, рыбы тамъ пропасть.

«Рыбы точно видимо-невидимо, такъ кипмя и кипить; ловить некому, всѣ на работѣ; а вотъ, опомнясь, отставной солдатъ....

— То-то-жъ и есть: пусть-бы мальчишка ловилъ хоть раковъ, гольцовъ, пискарей, налимовъ — вотъ-бы вамъ и уха, и сыты оба.

«Какая это уха, батюшка! Чѣмъ тутъ быть сытымъ? Этимъ сытъ не будешь.

— Вонъ, воробьевъ у васъ несмѣтныя тучи: ихъ-бы наколотить десятокъ, другой.

«На что?»

— Ёсть.

«Воробьевъ-то?»

— Да воробьевъ.

«Кто-жь ихъ ёсть? Они поганы.»

— Чѣмъ поганы?

«Да такъ ужь отроду поганы. Станемъ мы изъ-за воробьевъ свою душу губить!»

Въ это время пролетало огромное стадо голубей. Старуха, должно быть чтобъ прекратить разговоръ, стала кликать ихъ: «гуля, гуля, гуля.»

Они дождемъ сыпнули къ ней, обѣли ее, облѣпили и, только пугаясь меня, иногда вспархивали. Она вытащила изъ-за пазухи грязную тряпку, достала крошекъ и начала кормить ихъ.

— А вотъ еще бы тебѣ постоянное вариво цѣлый годъ на всѣ скоромные дни, сказала я, голуби сами въ руки лѣзутъ.

«Такъ чтожь?»

— Да тожь: рѣзать-бы ихъ, да ёсть.

«Что ты это, Христось съ тобой! Голубей ёсть! Какъ можно!»

— Отчего жъ нельзя? Зубы, что-ль, не возьмутъ?»

«Душа не приметъ, батюшка, душа не приметъ: грѣхъ, большой грѣхъ!»

— Отчего же грѣхъ?

«Какъ же не грѣхъ? Голубь — птица чистая,

святая, Божія птица; они и никогда не дерутся, а все цѣлуются. Какъ можно!

— А зайцы у васъ водятся?

«Какъ не водиться! Пропасть ихъ окаянныхъ, зайчищевъ; кочерыжки всѣ по огородамъ погрызають; пойдешь иногда искать, а они, проклятые, изъ-подъ ногъ пырь, да пырь, по два, по три вдругъ. Откуда ихъ берется столько, не знаю.

— Вотъ и еще бы вамъ кушанье: наставилъ ловушекъ, силковъ; шкуру продалъ, а мясо съѣлъ.

Старуха, услышавъ это, отвернулася отъ меня и плюнула съ выраженіемъ полного омерзѣнія. «Чтобъ я зайца стала ѣсть — нѣтъ, я лучше съ голоду умру, а зайца ѣсть не стану. Погань этакая! На него и глядѣть-то скверно, кошка настоящая; имъ и нечистый часто скидывается, дорогу на зло челоуѣку перебѣгаетъ и охотниковъ, Богъ вѣсть, въ какія трущобы заводитъ. Да, еслибъ я ихъ стала ѣсть, меня-бы со свѣту мужики сжили, мнѣ бы глазъ никому нельзя было показать. Бусурманка, я, что-ль, какая? Объ этомъ и говорить-то не пристало.

— У васъ лѣса огромные; ягодъ всякихъ, орѣховъ, грибовъ, должно быть, бездна. Ихъ бы собирали, варили, сушили, сами ѣли и продавали.

«У насъ этимъ никто не занимается; баловство одно. Цѣловальникъ, вонъ, да харчевникъ еще все этокое собираетъ, да въ городъ отвозить; да

то харчевникъ; а намъ гдѣ? Лѣса же у насъ темные, забредешь куда нибудь, того и гляди медвѣдь задеретъ. За ними, вѣдь, ходить надобно, цѣлехонькій день ходить, вотъ что!

— Разумѣется, ходить; а ты бы хотѣла, чтобы ягоды, орѣхи и грибы у тебя на головѣ выросли?

Старуха обидѣлась и, повернувшись къ мальчишкѣ, закричала твердымъ и довольно еще звучнымъ голосомъ: «Петька, а Петька! Сбѣгай въ Ивану Трофимовичу: у нихъ вчерась гостей было много; цѣлый день съ утра до вечера ѣли и пили, такъ, авось, что либо.... Да, гляди, не зѣвай: тамъ еще, небось, мальчишекъ набралась арава».

Мальчикъ бросился опроретью и, чтобъ пофрантить передо мною, раза два принимался катиться колесомъ.

— Кто это Иванъ Трофимовичъ?

«Извѣстно, кто—управляющій: баринъ тутъ не живетъ, онъ всѣмъ и заправляетъ и, говорятъ, богаче самага барина сталь: у него въ праздникъ, а иногда и въ будни, съѣзжается гостей-то гостей, Господи! Помѣщики, помѣщицы, жены, дочери, дѣти съ мамками, холопи, пьютъ, ѣдятъ, игры разныя затѣваютъ, такъ что стонъ стоитъ, а намъ, бѣднымъ, около нихъ и хорошо; пропасть хинью идетъ: иногда цѣлые пироги въ лохань бьдаютъ.

— Ну, какъ же тебѣ не стыдно, подумай ты

сама? Вмѣсто того, чтобы посылать мальчишку собирать объѣдки, ты бы лучше отдала его этому же управляющему въ услуженіе; онъ бы тамъ научился чемунибудь, привыкъ къ какойнибудь работѣ, получалъ бы чтонибудь, да и тебѣ бы приносилъ.

«Я отдавала его; да онъ говорить, что тамъ жить не хорошо.

— Чѣмъ не хорошо?

«Онъ говорить, что его то тотъ, то другой все за вихоръ, да за вихоръ.

— Ну, это, значить, за какіянибудь шалости, или за то, что не слушается, когда ему приказываютъ что-нибудь дѣлать.

«Вѣстимо, должно быть, за это.

— Выходить, по-дѣломъ.

«По-дѣломъ-то, по-дѣломъ; да все-жъ больно, когда за вихоръ деруть.

— А ты-бъ все-таки велѣла ему тамъ жить.

«Я велѣла; а онъ пожилъ тамъ съ недѣлю, да и убѣжалъ.

— А ты-бъ опять его отвела.

«Нѣтъ, ужъ гдѣ опять отводить? Уйдетъ, вѣдь, извѣстное дѣло.

— Этакъ изъ него путного ничего не выйдетъ.

Въ это время нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ шли съ книжками и тетрадками.—Что это такое? спросилъ я.

«Изъ школы; грамотѣ учатся.

— Смотри, какіе маленькіе, меньше твоего внука; отъ чего-жъ бы ему тоже не учиться.

«А на что ему грамота? Грамотѣ у насъ учатся только богатые; а бѣдному что дѣлать съ грамотой? Грамота не накормитъ; книги не станешь ѣсть, когда голодъ прохватитъ.

— Ахъ, старуха, старуха, какая ты неразумительная! Кому-жъ и учиться, какъ не бѣдному? Грамота учить уму и добру; грамотный человѣкъ теперь—золото: то прочесть, то написать, то понять и растолковать; грамотнаго человѣка теперь вездѣ съ руками оторвутъ; онъ безпрестанно всякому нуженъ; онъ не умретъ съ голоду; онъ сдѣластъ все лучше безграмотнаго: лучше посѣть, лучше сожечь, лучше сбережетъ хлѣбъ, лучше присмотритъ за скотиной, да и будетъ вести себя лучше.

«А у насъ, вошь, грамотные все пьяницы; говорятъ, что это отъ грамоты все и происходитъ.

— Это дураки говорятъ; развѣ въ школѣ, или въ книгѣ толкуютъ: «воруй, пьянствуй, лѣнтыжничай?» Въ школѣ и въ книгахъ этому не учатъ. Если знающій грамотѣ будетъ помнить и исполнять, чему его учили, выйдетъ человѣкъ честный, работающій, скромный, разсудительный — такъ что любо на него посмотрѣть и поговорить съ нимъ.

Вотъ такимъ бы вышелъ, можетъ быть, и внукъ твой.

Она вздохнула, покачала головой и, махнувъ рукою, уныло сказала сквозь зубы: «эхъ, Господи, Господи! Хоть бы я одна-то на свѣтѣ была? Закопали-бъ въ сырую землю, и дѣло кончено, и спи тамъ, не шевелися; а то вотъ навязался на мою голову мальчище; пропадетъ онъ, совсѣмъ пропадетъ; не быть ему ни топоромъ, ни топорщикомъ; гдѣ ужъ!... Она заплакала; лицо ея на минуту одушевилось печалью; въ немъ проблеснули прекрасныя, привлекательныя чувства. Но вотъ опрометью, запыхавшись, съ лицомъ дико радостнымъ прибѣжалъ ея внукъ и изъ-за пазухи и изъ подола началъ вываливать объѣдки чернаго и бѣлаго хлѣба, кости, на которыхъ оставались кусочки мяса, головы и хвосты рыбы, куски пироговъ и пирожнаго, комки каши и начинки и т. д. Въ старухѣ проснулась со всею силою животная, оголодалая жадность; она хватала все это торопливо, съ какою-то странною озабоченностью и, сгребши все въ кучу, поволокла на дворъ въ самый глухой уголь и стала тамъ ѣсть и прятать. Мальчишка, должно быть, ужъ былъ сытъ, не пошелъ за ней, а бросился въ горячій песокъ, зарылъ въ него ноги и руки и тотчасъ же заснулъ на ягучемъ полднемъ солнцѣ.

Я пошелъ прочь съ самымъ тяжелымъ чувствомъ, даже съ нервнымъ раздраженіемъ. Кругомъ на всѣхъ поляхъ жали; работа была въ полномъ разгарѣ; отъ нивъ вѣяло хлѣбнымъ, успокоительнымъ запахомъ; золотистая жатва стояла неподвижно, какъ зачарованная, и, казалось, звала къ себѣ серпы. Въ полевой тишинѣ звонко раздавались голоса жницъ; въ нихъ звучало веселье вольнаго и благодарнаго труда; вмѣстѣ съ ними будто тоже радовались и хотѣли перекричать ихъ коростели, перепела и жаворонки. Воздухъ трепеталъ отъ сильныхъ испареній; рѣчка, подтекая къ самымъ полямъ, приносила свѣжесть; пастухъ вогналъ въ нее свое стадо; оно нѣжилось въ прохладѣ свѣтлой и прозрачной воды. Мужики ужъ свозили снопы на гумно; дѣти лѣтъ шести, семи другъ передъ другомъ спѣшили сносить ихъ въ телегѣ, а потомъ садились на возы, ѣхали домой и съ наслажденіемъ ѣли, какъ лакомство, набранный во ржи мышинный горохъ. Мужики радушно посвистывали на лошадей и, при взѣздѣ на горки, сзади подпирали дюжими плечами снопы, дружески приговаривая: «ну, ну, голубчикъ, матушка, кормилица! Еще, еще немножко! Ну, ну, вотъ такъ—овсеца поѣдимъ!» Во всемъ этомъ было столько прекраснаго, столько добраго, какъ-будто небо, земля и человѣческія души были озарены однимъ и тѣмъ

же лѣтнимъ, все радующимъ и умиротворяющимъ солнцемъ. Но даже эта картина не совсѣмъ истребила во мнѣ впечатлѣніе, произведенное видомъ постыдной лѣности и низкаго бродяжничества.

Лѣтъ черезъ десять ѣхалъ я по той-же деревнѣ: лѣса сдѣлались немножко рѣже и ужъ довольно далеко отступали отъ домовъ; ихъ было чуть-ли не вдвое больше противъ прежняго; селеніе далеко раскинулось; строеніе вездѣ было опрятнѣй и красивѣй; только рѣчка стала мельче, какъ будто люди и стада ее выпили: но образовавшіяся во многихъ мѣстахъ желтѣющія отмели давали ей еще болѣе игривый и молодой видъ. Я вспомнилъ про запущенный дворъ знакомой старухи и, признаюсь, даже съ какимъ-то безпокойствомъ невольно искалъ его глазами; но его ужъ и слѣда не было: на мѣстѣ его былъ совершенный пустырь; гдѣ была изба и печь, гуще выросла крапива. Осталась только плакучая береза, и мнѣ казалось, что еще грустнѣй повисли ея сухощавыя, длинныя вѣтви, какъ опущенныя руки больной и горющей женщины. Сердце у меня сжалось; нѣсколько минутъ я не могъ оторвать глазъ отъ этого могильнаго запустѣнія. Мнѣ смерть захотѣлось узнать, что сдѣлалось съ старухой и ея внукомъ. Навстрѣчу мнѣ попал-

ся сѣдой, очень старѣй, но крѣпкій и даже краснощекій крестьянинъ.

— Здравствуй, дѣдушка!

«Здравствуй, голубчикъ.

— Зналъ ты, кто прежде жилъ вонъ на томъ пустырѣ?

«Зналъ, да лучше-бъ не знать, батюшка, этого вороньяго гнѣзда.

— Гдѣ-жъ теперь старуха и ея ввукъ?

«А, батюшка, и говорить не хочется.

— Куда они дѣлись?

«Извѣстно, куда: не добромъ начнешь, не добромъ и кончишь.

— Что-жъ, они пошли таскаться по міру?

«Это бы еще ничего: на Руси добрыхъ людей много; прокормятъ эту дрянъ, что по межедворью шатается; а то малаго-то на поселенье сослали; такой покоръ положилъ на цѣлую деревню: у насъ и слыхомъ не слыхать было, чтобъ кого въ Сибирь ссылали. Долгое время стыдно было взглянуть на мужиковъ изъ другихъ деревень... Срамъ такой, не приведи Господи!

— За что-жъ его сослали?

«А, вѣстимо, не за хорошія дѣла: выросъ лѣн-темъ, попрошайкой, ни къ чему не гождь, ни къ чему непривыченъ, замотался, заворовался, запьянствовался, нынче въ кабаки драка, завтра драка,

и все онъ, да онъ; ну, и тамъ окажись на нашей землѣ мертвое тѣло; ну, доказать никто не доказалъ, чтобъ это была его дѣль, а только все же онъ одинъ былъ въ подозрѣніи; его и сослали.

— Вѣдь, это-жь по суду было сдѣлано?

«Вѣстимо, батюшка, по суду, все, какъ слѣдуетъ, всѣхъ допрашивали, и его допрашивали— ну, и присудили: въ Сибирь, молъ, на поселеніе; больше никуда негодится; да и то, говорятъ, Царь смиловался; а то хотѣли было въ каторгу— вотъ что! Господи, Боже милосердый! До чего человекъ себя довести можетъ! А хоть осрамилъ онъ всѣхъ насъ и, Господи, что хлопоть, что страху изъ-за него приняли, а жаль было его, окаянпаго, всѣмъ жаль, когда его уводили. Это былъ такой, батюшка, день, что не приведи Господи лиходѣю вдругорядъ такой видѣть: чѣмъ свѣтъ скликали насъ всѣхъ на сходку, и сбѣжались всѣ, какъ на пожаръ, кому и неслѣдъ, старые и малые, больные даже, то есть недужные притащились; стоимъ мы такъ, перемолвливаемся, разговариваемъ, ну, извѣстно, мужицкое дѣло, и шумъ, и крикъ поднялся; а молодые парни надъ женщинами, что впопыхахъ прибѣжали расстрепанными, подсмѣиваться начали.

Вотъ кто-то крикнулъ: «ведутъ, ведутъ!» Въ одинъ мигъ всѣ какъ омертвѣли; кто какъ стоялъ, такъ и онѣмѣлъ, шелохнуться не смѣеть,дохнуть

не смѣть. Глядимъ: ведутъ изъ сторожки, связаннаго, скованнаго, голова повисла, ноги ели передвигаетъ. Страшно намъ всѣмъ стало, жутко. У меня сердце такъ изъ одного бока въ другой и мечется; кажись, совсѣмъ оторваться хочеть; а стою я и все гляжу на него, и всѣ на него глядятъ. Привели. Стали читать; шапку ему снять велѣли, и мы всѣ шапки сняли. Стоитъ онъ, и все, какъ читали, голова его опускалась все пуже, ниже, и когда тамъ, въ бумагѣ-то, было сказано, что, молъ, въ Сибирь его, на поселеніе, шапка у него выпала, онъ, какъ подрѣзанный колосъ, повалился на землю, зарыдалъ и застоналъ: «прости, міръ православный! Прости, міръ православный!» Старуха, бабка-то его, прорвалась между мужиками, кинулась, къ нему на шею, стала рвать съ него кандалы и завопила: меня закуйте, меня въ Сибирь ведите; я во всемъ виновата; я его добру не учила.... О! погубила я твою бѣдную головушку!» Ее оттащили; его подняли, поставили на ноги и повели. Вся деревня шла и рыдала; священникъ шелъ также съ нами. Провожали версты двѣ. Вотъ, когда пришли на гору, съ которой ему надобно было спускаться за лѣсъ, священникъ остановился и сказалъ: «ну, взгляни въ послѣдній разъ на свою родную деревню, на родную Божию церковь, помолись ей въ послѣдній разъ, поцѣлуй родную землю и поклонись,

что ты начнешь жить хорошо и честно въ чужомъ, далекомъ краю. Да, не унывай, не печалься, не плачь, веди себя хорошенько, и Господь Богъ проститъ тебя за прежнія дѣла и благословитъ твою жизнь!» Онъ помолился, приложился бо кресту, долго и крѣпко цѣловаль землю, поклонился на всѣ четыре стороны, хотѣль было сказать что-то, да ничего не выговориль, махнулъ рукой и пошелъ. Тутъ у насъ поднялся такой плачь и стонъ, какъ будто мы родного сына заживо хоронили. «Не плачьте, говорилъ священникъ, не плачьте, міряне: можетъ, это еще для его блага; не плачьте.» А у самого слезы въ два ручья. А старуха совсѣмъ обезумѣла отъ горя: какъ ее ни уговаривали, какъ ни оттаскивали, пошла за нимъ; я, говорить, ему рубашки буду шить, ноги обувать и разувать, милостыню для него собирать; я, говорить, глядѣть на него буду какъ онъ будетъ мучиться; надъ соннымъ надъ нимъ буду сидѣть, лохмотья буду собирать, чтобы его прикрыть и согрѣть; я работать за него буду; буду умолять, чтобъ кандалы его на меня надѣли.... Такъ и пошла. Ну, батюшка, разговорился я съ тобой и такъ сердце развередиль, что, кажись, ужъ нынче къ работѣ и рукъ не приложишь; а въ *тотъ* день почитай никто за работу не принимался: всѣ сидятъ и ходятъ, какъ потеряли что, какъ съ поминокъ вернулись. Извѣстно, не онъ ви-

новать; присмотрѣть некому было, добру научить; а малый-то какой, здоровый, крѣпкій, проворный, и неглупый малый, на все бы гораздъ; да вотъ поди-жь! А впрочемъ, Богъ милостивъ, авось образумится; можетъ, обживется, разбогатѣетъ, и ссылка ему въ науку пойдетъ!

КАКАЯ БѢДНОСТЬ БЫВАЕТЪ НА СВѢТѢ!

Когда говорятъ, что *«бѣдность—не порокъ»*, то разумѣютъ обыкновенно ту идиллическую, воображеніемъ поэтовъ созданную бѣдность, въ которой человѣкъ ограничивается только необходимымъ, не имѣя возможности позволять себѣ никакой прихоти, никакого излишества, но живетъ чисто, опрятно, умытъ, причесанъ, ходитъ, можетъ быть, въ заплатахъ но не въ лохмотьяхъ, не унижается, чтобъ просить куска хлѣба, или полѣна дровъ, бьется въ работѣ съ утра до поздней ночи, но, воротившись домой, находитъ теплый уголь, жену не въ слезахъ, не въ угрюмомъ ожесточеніи, дѣтей сытыми, и самъ ложится неголоднымъ. Въ такой бѣдности живетъ большая часть людей и имѣетъ много минутъ счастья. Вотъ крестьянинъ: избенка у него маленькая, курная, врытая соломой, окна волоковые, одно лишь

съ крошечнымъ стеклышкомъ, но въ ней все подметено, все прибрано, чѣмъ свѣтъ—топится печь и горшки стоятъ въ печи — одинъ съ картофелемъ, или со щами, съ небогатою затолокой, другой съ гречневой, или съ ячной кашей, хлѣбъ черствый, но безъ мякины и песку, соль — буза, некрасивая на взглядъ, но очень годная для приправы; на дворѣ есть и навѣсъ, и хлѣва, соломы тамъ навалено достаточно, грязь не чмокаетъ подъ ногами, у лошади есть сѣно, у коровы трава, или солома, нѣсколько куръ копаются и отыскиваютъ оставшіяся зерна; на огородѣ ряды грядъ, усаженныхъ кочками капусты, картофелемъ и рѣдкой. Зипуны и тулупы у мужика и у жены его потертые, поношенные, будто вывѣтрившіеся отъ долговременности, отъ солнца, дождя и слякоти; на ногахъ лапти, онучи, оборы—все старо, десять разъ починено, наставлено; все носить на себѣ видъ заботы, непрерывной попечительности, боязливой борьбы съ разрушительной нуждой, чтобы не обноситься, не обнищать, безъ стыда показаться людямъ. Квасъ въ этомъ домѣ—рѣдкость, о пивѣ и помину нѣтъ, водка — къ чему это проклятое зелье? Поросенка—цѣлые полгода готовить къ Свѣтлому Воскресенью; для Пасхи, или храмоваго праздника на пирогъ вымѣниваютъ за ржаную пшеничной муки. Гостей позвать нельзя, значить, и самимъ нельзя ходить въ гости;

грустно, а дѣлать нечего; по крайней мѣрѣ никто не попрекнетъ ни за лѣность, ни за другое безчестье; а умный и добрый еще скажетъ съ уваженіемъ: «вотъ и недостаточны и бьются, какъ рыба объ ледь, цѣлый вѣкъ, а ничего такого дурнаго за ними не водится, и за чужимъ сладкимъ кускомъ не потянется, не дозовешься даже». Въ церковь придуть помолиться, никому не стыдно стоять подлѣ нихъ; придуть на мѣрь, всякій на поклопъ шапку скинетъ: «здравствуйте, здорово живете, какъ Богъ милуетъ!»

Ну, въ хоровахъ, на посидѣлкахъ, на пирушкахъ, гдѣ и смѣхъ, и пѣсня разливная, и сказки, присказки, и загадки, напимъ труженикамъ—не мѣсто; да и охоты нѣтъ: жизнь имъ—не смѣхъ, не забава; отъ сказки съ золотыми теремами, съ садами виноградными, не сдѣлается теплѣй и просторнѣй въ черной избѣ; отъ вѣчной заботы сохнетъ и стѣсняется грудь, хрипнетъ голосъ и въ сжатомъ сердцѣ нѣтъ силы для пѣсни. Зимой выйдутъ бѣдняки за ворота, посмотрятъ, какъ другіе гужомъ валяютъ на шумную бесѣду, помолчатъ, вздохнуть и воротятся въ избу воняться по хозяйству, при тускломъ свѣтѣ и дымѣ лучинки, при назойливомъ чириканьѣ сверчковъ. Лѣтомъ, послушаютъ они издали, какъ дѣвушки играютъ въ дудки, какъ съ звонкимъ хохотомъ и визгомъ гоняются другъ

за другомъ молодые люди въ горѣлкахъ, и опять— въ свою избенку, въ свои молчаливые углы; но лѣтомъ имъ лучше: въ радующейся природѣ нѣтъ ничего раздражающаго сердце, насылающаго, хотя неясное, но все же тяжелое чувство зависти, нѣтъ ничего обиднаго въ ея богатствѣ и красотѣ. Передъ небомъ, какъ передъ правдой, всѣ равны; солнечный свѣтъ, зелень, шумящій лѣсъ, лепечущая птичка, рѣка катящая сверкающія и прохладныя волны—лбуютъ неистощимое, нелокупное, незапретное наслажденіе; въ нихъ дышетъ для всякой доброй человѣческой души Божія ласка, успокоительная, ободряющая. Да и работы сельскія имѣютъ въ себѣ больше жизни, простора и общительности. Бѣднякъ на своей нивѣ, или долянкѣ папаетъ, сѣетъ, коситъ, или жнетъ рядомъ съ богатымъ, иногда обгоняетъ его въ работѣ и, конечно, не можетъ не чувствовать своего рода гордости и удовольствія отъ преимущества передъ нимъ. Это возвышаетъ бѣдняка въ собственныхъ своихъ глазахъ, и, можетъ быть, въ его душу тайнымъ лучомъ иногда проскользнетъ надежда также разбогатѣть.

Вотъ петербургскій учитель: мать его, вдова бѣднаго мѣщанина, сама на своемъ огородѣ копала гряды, садила, полола и собирала овощи, вязала на продажу чулки, занималась стирать бѣлье,

мытъ полы, и все, что зарабатывала, употребляла на воспитаніе сына, наконецъ, истративъ силы, и здоровье, не имѣя возможности пріобрѣтать столько, сколько нужно для самаго бѣднаго содержанія, стала продавать — сперва огородъ, потомъ родной домикъ, и сынъ ея прошелъ черезъ гимназію, и окончилъ курсъ въ университетѣ. Онъ недавно получилъ мѣсто въ казенномъ заведеніи, нѣсколько частныхъ уроковъ, вызвалъ мать къ себѣ, и теперь они живутъ вдвоемъ, въ отдаленной отъ середины города, чѣсной и грязной улицѣ. У нихъ — маленькая кухня, да одна комнатка съ двумя ширмами, отдѣляющими постели. Прислуги нанять не на что; мать объ этомъ не горюетъ, но сыну тяжело; ему хотѣлось бы ее успокоить на старости лѣтъ. Она ранымъ-рано отправляется съ кулечкомъ на рынокъ покупать, что подешевле, торгуется упрямо, изъ полкопѣйки, убѣждаетъ, усовѣщаетъ продавцовъ и наконецъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ ходьбы и тяжбы, приноситъ провизію и начинаетъ готовить кушанье, приноситъ дровъ и воды, между дѣломъ ставить самоваръ, приготовляетъ для сына умываться и идетъ будить его; но онъ уже не спитъ; его тревожитъ забота: онъ любитъ науку, знаетъ, что отъ ней все добро на свѣтѣ; уважаетъ свое званіе и хочетъ съ честью проходить его; но знаній изъ заведенія онъ вынесъ очень мало; многому

надобно учиться заново; преподавать еще нѣтъ привычки, мысли не установились, языкъ путается, робость одолеваетъ, страшно и начальниковъ, страшно и учениковъ, надо много читать—книгъ нѣтъ, надо много думать—нѣтъ времени; надо писать и и все по ночамъ, при свѣчкѣ, послѣ утомительнаго дня; въ груди рѣжетъ, въ горлѣ жжетъ, глаза слипаются, мысли мутятся, рука чередить безсвязныя слова.... Сонъ освѣжаетъ нѣсколько усталую грудь и душу; но съ самаго утра ужъ начинается тревога: торопливо пьетъ онъ чашку чаю, торопливо чиститъ себѣ сапоги и платье и почти бѣгомъ бѣжитъ на службу; извозчики дороги, а двугривенный для нашего учителя — не бездѣлица — фунтъ говядины слишкомъ; жалованье же, особенно на первыхъ порахъ, ничтожное. Погода дурная—дождь, слякоть; измокшій, обрызганный грязью, захихавшись, съ разгорѣвшимся лицомъ, онъ вбѣгаетъ въ заведеніе, опоздалъ нѣсколько минутъ; инспекторъ злобщимъ взглядомъ окидываетъ его и, изъ деликатности, не говоря ни слова, показываетъ ему на часы. Бѣдному учителю ядовитымъ жаломъ кольнулъ въ сердце этотъ попрекъ; другіе приходятъ гораздо позже; но имъ—ни слова, ни указанія на часы: они ужъ приобрѣли на то авторитетъ; обидно молодому учителю: «ты, дескать, еще ничего не стоишь, кто знаетъ, что еще изъ тебя выйдетъ,

такъ, по крайней мѣрѣ, вознаграждай аккуратностью, машинальнымъ отправленіемъ службы». Въ классѣ, по крайней мѣрѣ, есть маленькая отрада—ученики съ сочувствіемъ слушаютъ, на платье, забрызганное грязью, не обращаютъ вниманія. А вотъ въ женскихъ заведеніяхъ, такъ бѣда: чопорность, жеманство и страстная заботливость о внѣшности составляютъ существенный характеръ большей части нашихъ женскихъ учебныхъ заведеній открытыхъ, полуоткрытыхъ и совсѣмъ закупоренныхъ. Пятно на платьѣ учителя для благородныхъ дѣвицъ—ужасъ. Онѣ дѣлаютъ гримасы, отворачиваются, самыя сострадательныя изъ нихъ говорятъ вполголоса: «ахъ, несчастный!» Надзирательница мурчитъ и бросаетъ то на нихъ, то на учителя грозящія, *наказующіе* взгляды. Учитель чувствуетъ весь ужасъ своего положенія, краснѣетъ, мѣшается, путается въ объясненіяхъ, закапываетъ чернилами классный журналъ; «совершенный дуракъ!» рѣшаетъ надзирательница и идетъ доносить начальству о глупости и безнравственности учителя.

Въ частныхъ домахъ для учителя чуть ли еще не хуже: во-первыхъ, онъ—русскій; а по бессмыслию, вкоренившемся у насъ лѣтъ съ полтора, только умѣнье хорошо говорить по французски, хоть бы ни строки не читая, считается до сихъ поръ высшимъ образованіемъ; во-вторыхъ, щеголь-

скою костюмъ—необходимое условіе, чтобы не навлечь на себя презрѣнія въ такъ называемомъ порядочномъ семействѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не вдругъ еще узнаешь, уменъ ли учитель, или нѣтъ, а какъ онъ одѣтъ — всякому видно. Да, и такъ — дурное вліяніе на нравственность дѣтей, когда учитель одѣтъ хуже лакея! Лакеи же въ нашихъ знатныхъ домахъ чувствуютъ свое достоинство. Скрѣпивши сердце, принявъ холодный видъ, учитель входитъ въ великолѣпную переднюю; лакеи знаютъ, кто онъ, не встаютъ, не снимаютъ съ него шинели; онъ проситъ щетки, чтобы обчиститься. «Экъ, вы какъ запачкались, говоритъ холопъ: щетки-то у насъ тутъ нѣтъ, а послать некого. Ужь вы-бъ вернулись лучше домой, да вдругорядь пришли уроки задавать; а то—генеральша осерчаютъ: у насъ въ домѣ эндакъ нельзя». Учитель допрашивается однакожь щетки, кое-какъ отчищаетъ грязь и идетъ въ классную комнату: никого нѣтъ, ничто не приготовлено, видно, что объ урокъ не было помышленія. Проходитъ томительныхъ минутъ двадцать; учитель начинаетъ терять терпѣніе; является дѣвушка: «вамъ кого надобно?»

— Я пришелъ урокъ давать.

«Барышня нынче учиться не будутъ-сь, должно быть: они еще почиваютъ...

— Что-жъ мнѣ не прислали сказать?»

«Не знаю-сь, это не мое дѣло-сь. Должно быть, забыли, или камердинеръ полѣнился: онъ у насъ такой....»

— Скажите, пожалуйста, по крайней мѣрѣ, гувернанткѣ, будетъ ли урокъ слѣдующій разъ.

Проходить еще съ полчаса; выплываетъ англичанка, перетянутая, наутюженная, налощенная, и говоритъ ломаннымъ русскимъ языкомъ, что благородная миссъ NN нынче не *приметъ* урока, но что г. учитель не долженъ этимъ огорчаться, потому что она похлопочетъ, чтобы вознагражденіе ему было выдано.

— Не безпокойтесь хлопотать, отвѣчаетъ, вспыхнувъ, учитель; мнѣ можно платять за уроки, но не за грубость.

Гувернантка вдумалась въ этотъ отвѣтъ, пристально взглянула ему въ лицо и, подавая руку, сказала: «вы говорите какъ англичанинъ; я не думала, чтобъ въ Россіи такъ смѣли говорить! Прощайте: я пристыжу барышню».

Учитель проворно уходитъ; еще онъ не успѣлъ затворить двери въ передней, какъ между холопами раздается хохотъ и они чуть не кричатъ ему вслѣдъ: «что, братъ, — знать затылокъ; намъ этакихъ мухортиковъ не надо!»

Въ первомъ пылу обиды, бѣдный молодой человекъ рѣшается бросить этотъ ненавистный домъ;

но ему приходит на мысль мать, ея пожертвованія, ея кровавые труды для его воспитанія, и теперь — вѣчная забота, вѣчная борьба съ мелкими нуждами, пачкотня съ утра до вечера, трудъ, несмотря на усталость, на слабость силъ, на болѣзни иногда, и онъ готовъ опять выносить муку униженія.

Такъ мычется онъ изъ заведенія въ заведеніе, изъ дома въ домъ, едва имѣетъ часъ, чтобъ захватить домой пообѣдать, и рано-рано если часовъ около 10 воротится въ свой уголь. И вотъ измученный душой и тѣломъ, онъ поднимается по грязной и темной лѣстницѣ въ третій этажъ; но ему ужъ становится весело: онъ вступаетъ въ свое независимое царство. Мать знаетъ минуту, когда онъ воротится, знаетъ его шаги, и только послышится шумъ ихъ, она ужъ спускается со свѣчкой ему навстрѣчу, ласковымъ голосомъ и взглядомъ голубить его, нѣжно торопитъ поскорѣй войти въ комнатку, помогаетъ снимать грязную шинель, даетъ все, что нужно, чтобы согрѣться; а самоварчикъ ужъ кипитъ, чай готовъ, въ комнаткѣ все въ порядкѣ — нигдѣ ни пылинки, ни пятнышка. Откуда взялась у бѣднаго учителя бодрость? Онъ веселъ, разговорчивъ, счастливъ: грязной дороги, грязныхъ людей, тяжелаго трудового дня — какъ не бывало. Около часа проходитъ въ отдыхѣ. Потомъ... по-

томъ опять за книгу, за письмо; но это ужъ свое, домашнее, милое дѣло; въ немъ нѣтъ горечи; тутъ въ самомъ утомленіи чувствуется большое наслажденіе.

Бываютъ для учителя и въ дома отрадныя минуты: онъ съ поэтическимъ увлеченіемъ предается своему занятію; для него нѣтъ различія между высшими и низшими частями науки; онъ не считаетъ для себя унижительнымъ, какъ это обыкновенно бываетъ у пошлыхъ учителей, преподавать въ *маленькихъ* классахъ, учить дѣтей; напротивъ, они-то и возбуждаютъ въ немъ особенное сочувствіе. Если же онъ преподаетъ молодымъ людямъ такого возраста, въ которомъ въ головѣ уже начинаютъ бродить и работать мысли, какъ онъ счастливъ, когда строгая послѣдовательность въ разсказѣ и въ объясненіи, или въ пылу лекціи внезапно сверкнувшее вдохновенное слово, увлечетъ общее вниманіе, и въ классѣ глубокая тишина, и глаза всѣхъ обращены на него и жадно вливаются въ его черты, какъ бы надѣясь по нимъ прозрѣть въ самую глубь души и понять другія невысказанныя, тамъ кипящія мысли! Если это не великое торжество, то наслажденіе величайшее.

Но есть неоцѣненное благо въ учительской жизни: съ давнихъ временъ, вездѣ поняли, что умственные занятія изнуряютъ человѣка гораздо больше

всякихъ, самыхъ тяжелыхъ физическихъ трудовъ, что, если безпрестанно напрягать умъ — думать, читать, писать, то не только навивешь множество болѣзней, преждевременно состарѣешься и умрешь, но еще хуже — оступѣешь, или помѣшаешься.

Поэтому вездѣ установлены вакаціи, или каникулы, золотые дни отдыха, столько же необходимые и благотворные для воспитанниковъ, сколько и для учителей. Въ нашихъ духовныхъ училищахъ имѣютъ въ виду, чтобы воспитанники, отправляясь домой, помогали своимъ родителямъ въ сельскихъ работахъ — сѣнокосѣ, молотьбѣ и т. д., поэтому отпускаютъ ихъ съ половины іюля по сентябрь. Въ Германіи и Франціи почти вездѣ каникулы приходятся на осень — время собиранія винограда, другихъ плодовъ и охоты. И то и другое весьма дурно, потому что воспитанникамъ приходится учиться въ самое жаркое время и они не дышатъ болѣе всего полезнымъ воздухомъ молодой зелени и цвѣтовъ; а въ городѣ въ это время — духота, пыль, смрадъ. Въ женскихъ институтахъ время каникулъ, большею частію, — отъ половины іюня, до половины августа. Это, по крайней мѣрѣ, для сѣверныхъ и среднихъ губерній, весьма умно: и пора хорошая, и порядочный срокъ для отдыха. Жаль только, что еще не ввелось отпускать всѣхъ дѣвицъ къ родителямъ и родственникамъ, да и не вездѣ хорошіе сады.

Часто съ надрывающимся сердцемъ видишь, какъ бѣдныя затворницы бродятъ кучками въ тѣсномъ птичникѣ — деревья облѣплены пылью, трава выбита, цвѣтка ни одного, глазъ вездѣ упирается въ стѣну, за нею крыши, да трубы; ошибкой залетитъ лѣсная птица, перепорхнетъ съ дерева на дерево, крикнетъ про вольное раздолье и давай Богъ крылья отъ унылой тюрьмы, гдѣ «Аравійскіе цвѣты цвѣтутъ за стеклами теплицы.» Не отъ этого-ли происходитъ, что институтки вообще не умѣютъ бѣгать? А это — величайшій недостатокъ. И у кого имъ выучиться бѣготнѣ, этому молодому выраженію силы, веселости, удали, игры жизни? Онѣ не видятъ, какъ прыгаетъ каскадъ, какъ лань пронесется по полянѣ, какъ лодка, поднявъ свои лебединныя крылья, уносится отъ волнъ, съ ропотомъ бѣгущихъ за ней рядами, какъ на жарко-дышущемъ конѣ скачетъ всадникъ....

Въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, говорятъ учителя, — прекрасныя каникулы, мѣсяца три-четыре; мы не скажемъ объ этомъ ничего, но каникулы точно хорошія, лучше, кажется, имъ и быть не приходится, хоть въ нѣкоторыхъ заграничныхъ университетахъ они продолжаются по пяти мѣсяцевъ; это, кажется, ужъ слишкомъ хорошія каникулы. Впрочемъ, какъ станешь пользоваться ими? Если все будешь отдыхать, какъ отдыхаютъ наши крестья-

не, возвращаясь домой на зиму съ заработковъ, то совсѣмъ отвыкнешь отъ работы; а если будешь учиться на досугѣ, читать, тысячу разъ передумывать о томъ, что читалъ, что слышалъ, что видѣлъ, будешь путешествовать и наблюдать: то это будетъ, какъ говорили древніе ученые римляне — *дѣятельный отдыхъ, трудолюбивая праздность*.

Нашъ учитель бывалъ въ затруднительномъ положеніи съ наступленіемъ каникулъ: онъ съ какою-то религіозною любовью былъ привязанъ къ природѣ; для него все въ ней было прекрасно — и чернобыльникъ, и мохъ, и бурьянъ, и ольха, и болото, и пахоть, и совершенно безплодныя, песчаныя мѣста, засѣянныя кремнями и всякаго рода каменьями; а когда случалось ему бывать тамъ, гдѣ зеленѣла трава, кустарникъ и лѣсъ, да еще попадись рѣчка, или озеро, то онъ былъ счастливъ, какъ ребенокъ, приходилъ въ восторгъ — и прыгалъ, и пѣлъ, и читалъ стихи, или по цѣлымъ часамъ сидѣлъ неподвижно, молча, въ какомъ-то благоговѣйномъ созерцаніи, полномъ томительно-сладкаго упоенія, въ какомъ-то свѣтломъ, очаровательномъ полуснѣ, когда всѣ нервы, всѣ силы души, все, что есть таинственнаго въ нашей природѣ, бьется и звучитъ гармонически, и всякое чувство, и всякій помыслъ, всякое желаніе — свѣжи, бодры и дѣвственно-непорочны.

Поэтому, можно себѣ представить, какъ его

влекло въ деревню, когда онъ освобождался отъ службы: но нужда — Боже мой — нужда приковывала его невольничьими цѣпями къ душному, пыльному, ненавистному городу. Жалованья было недостаточно, надобно было пробиваться еще уроками; а чтобъ воспользоваться каникулами, необходимо отказать отъ уроковъ; начинаетъ онъ считать одинъ, считать вмѣстѣ съ матерью — все не выходитъ, чѣмъ жить, все недостаточно, да и вотъ еще какая тяжелая забота — откажешь отъ уроковъ на каникулы, послѣ каникулъ, пожалуй, опять не пригласятъ; чего добраго, пожалуй найдется такой учитель, который, загупивъ ваше мѣсто на лѣто, воспользуется этимъ, чтобы уронить васъ во мнѣніи родителей и даже во мнѣніи самихъ вашихъ воспитанниковъ, скажетъ, что вы человекъ отсталый, устарѣлый, педантъ, схоластикъ, рутинистъ и наговоритъ множество другихъ дикихъ словъ; страшно становится бѣдному учителю; онъ боится, что даже его честное имя будетъ запятнано шарлатаномъ. Проходить нѣсколько дней въ этакой душевной и карманной тревогѣ въ нашемъ горемычномъ семействѣ; сынъ по цѣлымъ часамъ сидитъ, или ходитъ, молча, задумавшись; не спитъ по ночамъ; мать, тоже молча, работаетъ съ утра до вечера и съ заботливою и грустною робостью, украдкой по временамъ взглядываетъ на него. Но наступаютъ чудесные іюльскіе

дни съ своимъ чистымъ, небеснымъ блескомъ и тепломъ; уже по утру сквозь прохладу чувствуется быстро приливающий зной. Въ воображеніи такъ и раскидывается зеленое, цвѣтущее, душистое поле; душа такъ и рвется на просторъ. Въ шесть часовъ утра старушка съ сыномъ сидятъ за самоварчикомъ и думаютъ, и видно, что не веселая дума занимаетъ ихъ. Вотъ материнская жалость вскипаетъ со всею силою, и старушка говоритъ: «а знаешь, Ваня, вѣдь намъ въ деревню-то непременно надо выѣхать: лѣто, должно быть, будетъ хорошее; мнѣ же нужно: все кости какъ-то ломить, а тамъ на свѣжемъ воздухѣ, да на солнышкѣ пройдетъ все.»

— Да, надо бы, непременно надо; только... какъ же?...

«Проживемъ, небось, пробьемся; я ужъ рассчитала; въ деревнѣ все дешевле; говядины почти покупать не надо; молоко тамъ, рыба, еще что-нибудь, ну, и чай.... не каждый день. Тебя-то только жаль, а я бы хоть однимъ хлѣбомъ, да кашицей была довольна. Мнѣ — въ привычку; мнѣ-бы только на вольный воздухъ; а тамъ все хорошо и весело. Да я знаю, что еще до этого не дойдемъ; посмотри, какъ хорошо устроимся; право, лучше здѣшняго; главное—чтобъ на душѣ было весело; а тамъ нельзя тосковать, когда кругомъ радость Божія.

— Твоя правда, маменька; что за вздоръ, въ

самомъ дѣлѣ, унывать? Силь у меня довольно, охоты работать и подавно; запасусь здоровьемъ, безъ дѣла не останусь, найду не то, такъ другое; а каникулъ какъ не прожить? Ухитримся какъ-нибудь; много-ль намъ надо? Значить, ѣдемъ! Боже! Какъ у меня сердце радостно забилося! Я, вѣдь, о тебѣ все думаю; а мнѣ-то что? То ли было? Въ университетѣ по цѣлымъ днямъ не ѣлъ, украдкой почевывалъ въ аудиторіи, и бывалъ такъ веселъ, что товарищи завидовали. А теперь унывать просто стыдно. Когда ѣдемъ, маменька?

«Чего долго откладывать? Нынче же въ ночь, по холодку и потянемся; у меня все ужъ собрано; да и сборы-то наши не велики!

— Я отберу книги, вычищу и вымою ружье, да сбѣгаю вывѣрить его, да на толкучемъ рынкѣ куплю какую-нибудь фуражку, попроще.... Эко блаженство подумать-то только, что нынче же вонъ изъ города, въ лѣсъ, въ глушь, въ чащу кустарникомъ, въ трущобы.... слѣда человѣческаго нѣтъ, голоса ничьего не слышно, только листья шепчутъ, звенятъ колокольчики на овцахъ и коровахъ, птицы дикія свищутъ, ручьи говорятъ съ ивами и папоротниками....

Мать съ улыбкой смотритъ на него и, чтобъ скрыть свои слезы, идетъ въ кухню хлопотать по хозяйству.

Наступаетъ вечеръ; наши счастливые бѣдняки

на пустомъ рынкѣ отыскиваютъ запоздавшаго въ харчевнѣ чухонца, укладываютъ вещи на таратайку и подлѣ нея отправляются пѣшкомъ. На бѣду, погода ихъ обманула; пошелъ дождь, промочилъ ихъ до костей; на дорогѣ сдѣлалось мѣсиво; они перепачкались въ грязи, да и тяжело идти, ноги расплзаются; лужа на лужѣ; сынъ уговариваетъ мать сѣсть на таратайку. Чухонецъ покрываетъ ее мокрой и грязной рогожей; тащатся они еле-еле. Грустно было смотрѣть на нихъ; но они не унываютъ. «Богъ намочить, Богъ и высушить», говоритъ старушка, стараясь ободрить сама себя; но къ утру она начинаетъ дрожать отъ холоду. Сынъ смотритъ на нее съ горькимъ чувствомъ. «Нельзя ли гдѣ-нибудь погрѣться?» спрашиваетъ онъ чухонца.

— А вотъ, тутъ есть кабакъ.

Мать и сынъ взглянули другъ на друга; въ нихъ обоихъ выразилось чувство омерзения при этомъ словѣ. Но дѣлать было нечего; не мокнуть же и не дрогнуть на дождѣ. Вошли они въ этотъ вертепъ. Онъ былъ полнехонекъ. Грязь, удушливый, рѣзкій запахъ, багровыя, или мертвенно-блѣдныя лица, безмысленные, оцѣпенѣлые глаза, грубый разговоръ, отвратительныя шутки, все это такъ поразило нашихъ странниковъ, что они не знали, что дѣлать, гдѣ стать, куда сѣсть. Чухонецъ, по-

смотря на учителя, спросилъ съ недоумѣніемъ:
«чтожь ты не пьешь?»

— Я не пью никогда.

«Отъ чего?»

— Зачѣмъ понапрасно пропивать деньги? У
меня и такъ ихъ немного.

«Да ты кто такой?»

— Учитель.

«А вотъ у насъ есть учитель, такъ тотъ пьетъ,
ухъ, какъ шибко пьетъ!»

— Это не хорошо.

«Нѣтъ, ничего — вино хорошее. Да чтожь ты
не дашь выпить хоть своей старухѣ? Она, должно
быть, озябла.»

— Хорошая-ли здѣсь вода? Мы бы самоваръ
поставили.

«Мы воды тутъ не пьемъ, а лошади пьютъ;
вода, стало быть, хорошая.»

Но вода оказалась гнилою, вонючей. Между
тѣмъ старушка мало-мальски согрѣлась и они
упросили чухонца ѣхать; къ счастью же дождь
пересталъ; черезъ нѣсколько минутъ взошло солн-
це, свѣтлое, жаркое. Дорога пошла песчаными го-
рами; ручьи мгновенно сбѣжали и черезъ какой-
нибудь часъ все было сухо; только изъ кустовъ
вѣяло дождевой свѣжестью. Лѣтняя теплота ожи-
вила нашихъ путешественниковъ, они сдѣлались

разговорчивы и стали подшучивать надъ своимъ положеніемъ. Наконецъ они увидѣли деревушку на страшномъ косогорѣ, а внизу озеро съ песчанымъ побережьемъ, а на противоположной сторонѣ лѣсъ-темнякъ.

«Вотъ бы гдѣ жить-то, маменька! Какое славное мѣсто!

— Да, славное; спросимъ чухонца. Послушай, любезный, можно намъ здѣсь жить лѣтомъ?

«Отъ чего жъ? Можно.

— Есть у тебя, гдѣ намъ помѣститься?

«Есть—изба большая, теплая.

— А вы-то гдѣ-жъ сами будете?

«А гдѣ попало: въ клѣти, на дворѣ, въ хлѣву — лѣтомъ вездѣ мѣсто.

— Ты не дорого съ насъ возьмешь?

«Не дорого; а если твой учитель будетъ по воскресеньямъ, да такъ когда еще, учить моихъ мальчишекъ, такъ, пожалуй, и ничего не возьму.

Сынъ и мать чуть не вскрикнули отъ радости. Приѣхавъ, они принялись все выметать, вычищать, провѣтривать избу и къ полудню у нихъ ужъ все было въ порядкѣ и изба сдѣлалась привѣтливой комнатою. Не имѣя однакожъ возможности забыть свою нужду, которая ежеминутно давала себя чувствовать, они стали принимать всевозможныя мѣры,

чтобы издерживать меньше, не отравляя впрочем своей жизни: ходили по деревнямъ и прямо у крестьянъ и крестьянокъ, изъ первыхъ рукъ покупали масло, яйца, творогъ, поросятъ и проч. Это обходилось несравненно дешевле, нежели покупать у нихъ же, только ужъ на дорогѣ, когда они отправляются на рынокъ въ городъ. Оба они собирали для топлива валежникъ и ни гроша не платили за дрова. Мать украдкой ходила на мызу полоть гряды и обирать клубнику; а за это ей, кромѣ клубники, давали маленькую плату. Сынъ, украдкой отъ матери, помогаль рыбакамъ закидывать и вытаскивать невода; за это ему давали столько рыбы, что онъ часть отдѣляль своему хозяину. Угрюмый и суровый чухонецъ, въ замѣну такихъ подарковъ, далъ имъ на лѣто трехъ куриць, которыя несли яйца. Учитель охотился больше для удовольствія; въ ягдташѣ всегда носилъ съ собой книгу и гдѣ-нибудь на косогорѣ, въ чащѣ лѣса, или на побережѣ озера, во время отдыха, читаль, не торопясь, съ разстановками, впивая по каплѣ мысли автора, освѣжаясь прелестью уединенія и тайной поэзіей безчисленныхъ впечатлѣній, звуковъ, образовъ, вѣчнаго движенія и бесѣды созданія. Но и охота была у него очень удачна. Онъ почти съ дѣтскою радостью поглядываль на свой ягдташъ и пощупываль его, когда случалось наби-

вать пары двѣ-три утокъ, тетеревей, куропатокъ, или другой дичи.

Но ему еще больше доставляло удовольствія то, что онъ этимъ обрадуетъ свою мать. Она встрѣчала его еще на дорогѣ и, увидя дичь, въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно радовалась, снимала съ него ягдташъ и тутъ же начинала рассчитывать: «вотъ это нынче на ужинъ; а это завтра на цѣлый день. Какъ это тебѣ Богъ помогъ, голубчикъ мой. Да ты не заморился ли?» Иногда впрочемъ всѣ расчеты ихъ на особенную помощь своему хозяйству не удавались: не случалось ничего купить у крестьянъ; рыбы не попадалось отъ дурной погоды, или еще отъ чего; на охотѣ не удавалось ничего застрѣлить; чаю и сахару недоставало; неожиданно въ деревню наѣзжало много гуляющихъ; все дня на два, или на три вдругъ поднималось въ цѣнѣ. Тогда наши бѣдняки молоко мѣшали съ водой, покупали сыворотку, ѣли хлѣбъ и кашицу. Мать горевала, поглядывая на сына. «Ничего, говорилъ сынъ; перетеримъ: это такъ, татарское нашествіе; оно скоро кончится; потомъ пойдетъ все своимъ порядкомъ; опять запируемъ.» И въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ опять для нихъ начиналось пированье — было чистое молоко, была рыба, отыскивалось масло, налетала дичь. А между тѣмъ — воздухъ свѣжій, полная свобода распоряжаться временемъ, вѣтъ необхо-

димости торопиться въ известную минуту къ столу; или изъ-за стола, никакого обиднаго чувства, порождаемаго пошлою надменностью глупаго богача, ничѣмъ невозмутимый досугъ и поговорить, и подумать, и поспать, и посидѣть на солнышкѣ, въ благодатной тиши, подъ яснымъ небомъ, въ виду мирныхъ картинъ — сквозь зелень чернѣющихъ избенокъ, бродящихъ коровъ и овецъ, дѣтей, весело ползающихъ по зеленымъ скатамъ пригорковъ за земляничкой, полей, золотящихся и зрѣлымъ колосомъ и огнемъ солнца, — скажите, будто мало тутъ счастья при всей мелкой заботѣ, при всей бѣдности? Долго ли только продлится это счастье? — Э! Что объ этомъ толковать? Оно пока есть и — довольно!

Вотъ бѣдный канцелярскій чиновникъ: онъ даже не дотянулъ до окончанія курса въ гимназiи — нечѣмъ стало платить; а учиться хотѣлось смерть; университетъ манилъ къ себѣ всѣмъ очарованiемъ высшаго образованiя и студенческихъ бесѣдъ, кипящихъ умомъ, а еще больше благородными, идеальными порывами. Такъ сладко билось сердце гимназиста при мысли — помогать отцу, матери, маленькимъ братьямъ и сестрамъ! Но все кончено, все убито: нѣтъ роковыхъ тридцати рублей и, вмѣсто университета, полѣзай въ канцелярiю, подпи-

вай бумаги, переписывай *сiе* и *оное*, да и то еще существуй какъ-то сверхштатно, чѣмъ-то безъ мѣста, безъ опредѣленнаго занятія и хозяина, безъ имени и значенія, какой-то странной надбавкой къ другимъ писарямъ, чуркой, плывущей по ручью, толкающей, но не пристающей къ берегу.

Оставивъ семью въ слезахъ, самъ убитый горемъ, робкій, униженный въ собственныхъ глазахъ, въ чужомъ, страшно-большомъ, непривѣтливомъ городѣ, добился онъ наконецъ того, что ему позволили явиться къ начальнику въ присутствіе. На лѣстницѣ стоятъ и сидятъ множество мужчинъ и женщинъ всѣхъ возрастовъ, въ костюмахъ и съ лицами, на которыхъ бѣдность положила свое унижительное клеймо. При входѣ какого-нибудь крупнаго чиновника, у котораго швейцаръ въ эполетахъ торопится взять портъ-фейль и палку и снять шинель, нѣкоторые изъ просителей умильно на него поглядываютъ, тѣ угрюмо встаютъ, эти печально потупляютъ глаза. Жутко молодому человѣку проходить между ними: онъ самъ проситель. Входитъ онъ въ ванделарію: иные читаютъ газеты, другіе громко разговариваютъ и хохочутъ, третьи строчатъ что-то и изъ-подъ-лобья, съ озлобленіемъ, поглядываютъ. Перья скрипятъ. Молодой человѣкъ спрашиваетъ одного, другаго, какъ-бы ему явиться къ начальнику; наконецъ его зовутъ.

Молодой человекъ кланяется; но начальникъ его не видитъ: онъ занятъ, онъ углубленъ, онъ читаетъ переписанныя бумаги, онъ гордо и повелительно черкаетъ карандашемъ. Молодой человекъ стоитъ. Наконецъ начальникъ поднимаетъ голову. Молодой человекъ опять кланяется. — «Что вамъ?

— Я такой-то.

«Ну, такъ чтожь?

— Вы мнѣ приказали явиться.

«Ну, да; такъ что-жь?

— Я бы желалъ имѣть честь....

«Рано еще вамъ желать: вы сперва потрите-валямку, да своимъ усердіемъ и послушаніемъ заслужите одобреніе начальства.

— Я осмѣливаюсь утруждать ваше превосходительство покорнѣйшею просьбою....

«Ну, просителей у меня и безъ васъ тьма, отбою нѣтъ, какъ саранча, каждый день налетаютъ, а у меня и безъ нихъ дѣла по горло, до зарѣзу, въ горлѣ сохнетъ, въ глазахъ темнѣетъ, голова кружится, одинъ все дѣлай за всѣхъ, ни у кого на волосъ нѣтъ смыслу, дуракъ на дуракѣ, бумаги перебѣлить не умѣютъ, выставляй самъ запятія, съ ума сходишь, ночей не спишь, живешь въ канцеляріи; а вы, молокососы, думаете, что звѣзды такъ достаются.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, я этого не думаю.

«То-то и есть—всѣ вы такъ говорите «нѣтъ, нѣтъ, не думаю;» а возьми васъ, вы и зазнаетесь, вы и начнете, Богъ знаетъ, что воображать о себѣ; вы полагаете, что начальникомъ быть легко, что начальникъ ничего не дѣлаетъ, а начальникъ дѣлаетъ все, за все отвѣчаетъ, безъ начальника всѣ, какъ безъ головы: онъ за всѣхъ работаетъ, за всѣхъ страдаетъ, за всѣхъ думаетъ, а въ сутки у него не сорокъ-восемь часовъ, онъ не ломовая лошадь.... Вотъ и теперъ—сколько времени я съ вами трачу; а? Какъ вы полагаете? Полчаса, сударь мой, полчаса! А для меня полчаса-то, что для другаго день; вотъ, значить, вы у меня отняли день: а чѣмъ вы это вознаградите, позвольте васъ спросить?

— Я постараюсь....

«А что мнѣ отъ вашего старанья? Отъ вашего старанья у меня не убудетъ дѣла; вы съ своимъ стараньемъ мнѣ еще, пожалуй, хлопотъ надѣлаете; кто знаетъ, будетъ ли изъ васъ какой-нибудь прокъ; вы тамъ напроказите чего-нибудь, а я за васъ отвѣчай, васъ отстаивай, за васъ хлопочи, а тамъ труды бумагъ ждуть, надо всему дать ходъ, направление, безъ меня все пойдетъ вкривь и вкось—вотъ что!»

Молодой человекъ, озадаченный этой путани-

цей самохвальства, важничанья, жалобъ, какихъ-то будто наставленій, попрековъ, неизвѣстно за что, не зная, что дѣлать; и въ замѣшательствѣ, самъ не понимая почему, сказалъ: «такъ, ваше превосходительство, прикажете мнѣ приняться за дѣло?»

— Разумѣется, ступайте, вамъ тамъ дадутъ что-нибудь. — Ахъ, Боже мой, голова кругомъ идетъ!

Молодой человѣкъ вышелъ отъ начальника и не зная, къ кому обратиться; но начальникъ говорилъ съ нимъ долго, милостиво, не разругалъ его, не прогналъ отъ себя; этого было достаточно, чтобы и другіе чиновники смотрѣли на него благосклонно, потому что нигдѣ нѣтъ такого смѣшнаго, мелкаго и рабскаго подобострастія, какъ въ канцеляріяхъ. Молодаго человѣка окружили многіе, уже съ нѣкоторымъ вниманіемъ и съ притворными улыбками: «его превосходительство изволилъ съ вами долго бесѣдовать; вѣрно, его превосходительство знакомилъ васъ съ нашими дѣлами; знать, его превосходительству угодно было объяснить вамъ ваше назначеніе — опъ всѣхъ такъ отечески руководить; не имѣетъ ли въ виду его превосходительство поручать вамъ какія-нибудь свои особенныя дѣла?» Подобными тонкими вопросами, догадками и предположеніями осыпали нашего бѣдняка опытные чиновники. Но, когда онъ, въ простотѣ души, рассказалъ

имъ, что было ему говорено, тогда всё увидѣли, что тутъ бояться нечего, что ничего для нихъ опаснаго отъ появленія молодаго человѣка нѣтъ, и одинъ за другимъ повернулись отъ него прочь, и онъ остался посреди канцеляріи, въ самомъ убійственномъ одиночествѣ и недоумѣніи. Надъ нимъ сжалился одинъ старикъ, позвалъ его къ себѣ, посадилъ къ своему столу и далъ ему переписывать довольно толстую тетрадь. У молодаго человѣка былъ порядочный почеркъ и порядочный смыслъ: вмѣсто «совѣтъ,» онъ не писалъ «смѣтъ,» вмѣсто «случай» — «слушай.» Эти достоинства въ немъ скоро поняли и оцѣнили; оказалось много жалостливыхъ стариковъ и нестариковъ, которые подсовывали ему толстыя тетради съ кроткимъ приказаніемъ: «пожалуйста, вотъ — это поскорѣй, да поаккуратнѣй.» Молодой человѣкъ бился изо всѣхъ силъ, писалъ все и скоро, и аккуратно, и въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ заслужилъ лестные отзывы нѣкоторыхъ дѣльцовъ: «онъ — ничто, отъ дѣла не отвѣливаетъ, и смыслъ есть; года черезъ два, черезъ три изъ него выйдеть, можетъ быть, что-нибудь путное — можно будетъ поручать дѣлать выписки изъ дѣлъ.» Между тѣмъ онъ работалъ безъ жалованья; а нѣсколько десятковъ рублей, полученные отъ отца, при всей, самой заботливой экономіи, уже приходили къ концу; знакомыхъ — ни души,

занятій постороннихъ найти негдѣ, да и некогда: онъ приходилъ домой съ разболѣвшею головою, съ утомленными глазами, въ которыхъ такъ и перстрѣютъ, такъ и снуютъ, перебиваются и перескакиваютъ однѣ черезъ другія все строки, строки... Да и жильё-то какое! Нанялъ онъ кавурку у одной старухи, вдовы какого-то унтеръ-офицера; къ ней безпрестанно приходятъ какіе-то люди, съ нахальными, подозрительными лицами, приносятъ ей то истасканныя шинели, то дорогія шубы, то распоротые нагольные мѣха, то снятыя съ салоповъ покрышки, то ложки и ножи разнаго калибра и достоинства, шепчутся между собою, безпрестанно оглядываясь кругомъ, какъ на воровствѣ, и торопливо уходятъ. Хозяйка, оставшись одна, все это осматриваетъ, упрячиваетъ въ грязныя сундуки, иногда кладетъ себѣ подъ постель, иногда зашиваетъ въ подушку, или въ тюфякъ, иногда опускаетъ подъ половицу. Жутко и страшно становится бѣдному чиновнику въ этомъ вертепѣ: онъ готовъ бы былъ бѣжать изъ него; но онъ задолжалъ за квартиру, заплатитъ нечѣмъ, и хозяйка держитъ его изъ милости, имѣя въ виду впрочемъ прикрываться тѣмъ, что у нея живетъ чиновникъ. Чувство омерзѣнія къ окружающему его быту наконецъ гонитъ его вонъ; ему хочется хоть на минуту освободиться отъ впечатлѣній, возмущающихъ душу. Выходитъ

онъ на улицу: все, кажется, хорошо и тротуары чистые, и фонари яркіе, магазины блестятъ, дома прекрасной архитектуры, народъ кипитъ, веселый, говорливый, одѣтый щегольски; а на душѣ у нашего горемычнаго молодаго человѣка тяжело, невыносимо тяжело: онъ не встрѣчаетъ ни одного знакомаго лица, ни одного существа, которому братски можно-бъ было протянуть руку. И чудятся ему въ воображеніи узкія, пустыя, поросшія зеленюю улицы бѣднаго городка: вонъ куры ходятъ, вонъ поросеночекъ копается въ песокъ, вонъ желтенькая собаченка лежитъ на солнышкѣ у покрявившагося забора, а сквозь его щели проглядываютъ кусты крыжовника и черной смородины; а тамъ на самомъ концѣ города — сѣрый деревянный домикъ. Это — *ихъ* домъ; тамъ его старшій отецъ сидитъ задумавшись; тамъ мать о немъ плачетъ, тамъ маленькія сестры и братья, играя съ саду, вдругъ увидятъ его любимую яблонь, вспомнятъ объ немъ и притихнутъ, и пойдутъ печально ласкаться къ матери. Какъ тамъ все мило, какую святыней тамъ дышетъ для него каждая вещь, и въ какую томительную тоску все это для него теперь сливается! Онъ усталъ, измучился отъ ходьбы; ноги его едва передвигаются; ужъ за полночь; а ему не хочется возвращаться въ квартиру; наконецъ онъ входитъ въ псе и, чтобъ ничего не видать, не зажигая свѣчки, бросается

на постель; сонъ придавливаетъ его; но и во снѣ въ немъ ноетъ сердце. По утру чувствуется какая-то одервенѣлость въ тѣлѣ и въ душѣ; онъ машинально бредетъ въ канцелярію; работы для него ужъ навалено; всякій пользуется его застѣнчивостью и деликатностью и нагло даетъ ему свое дѣло. Бѣдный чиновникъ очень понимаетъ это, но чтобы избѣжать злости и мелкаго, по ожесточеннаго гоненья, все беретъ, все дѣлаетъ, какъ будто былъ обязанъ, и пишетъ, пишетъ до упаду. Такъ проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, жалованья ему все не даютъ; никому и въ голову не входитъ подумать о немъ; наконецъ молодая, еще не окрѣпшая природа не выносить и утомленія, и душевной муки; онъ заболѣваетъ; хозяйка чуть не гонитъ его въ общественную больницу.

Бѣднякъ умоляетъ ее повременить дня два-три, увѣряетъ, вопреки собственному убѣжденію, что чувствуетъ себя лучше, что скоро оправится и станетъ ходить на службу. И, въ самомъ дѣлѣ, собравши послѣднія силы, съ отчаяніемъ отправляется въ канцелярію, блѣдный, желтый, истомленный, въ крайней степени унынія. Встрѣчаетъ его одинъ молодой, щеголеватый чиновникъ, заботливо приглаженный, вылощенный отъ головы до пятокъ, съ большими претензіями на веселость, остроуміе и свѣтскость. — «Здравствуйте, господинъ Ивановъ,»

говорить ему лощенный щеголь. «Что это вы такъ приуныли? Вѣрно, не поспали ночи, протанцовали, бакъ я, часовъ до пяти; и жутко идти на службу? Вѣдь гадко здѣсь въ канцеляріи, когда привыкнешь къ лучшему обществу! Впрочемъ, я здѣсь не надолго, и то только чтобъ служба не пропадала!» Ивановъ, молча поклонился ему и поплелся къ своему столу.— «Что-жъ вы такъ не любезны, господинъ Ивановъ,» продолжалъ назойливый щеголь: «словомъ не удостоите вашего товарища; не будьте угрюмы, не хандрите, *«живите-ка смѣясь,» «пой, пляши, рѣзвись, Дуняша,»* вралъ онъ безъ умолку, и не дожидаясь никакого отвѣта, гоголемъ пошелъ по канцеляріи, фанфаронски покачиваясь и насвистывая вальсъ. Ивановъ началъ было что-то переписывать. Вдругъ прибѣгаетъ къ нему одинъ изъ крупныхъ чиновниковъ, съ крайне озабоченнымъ видомъ и съ торопливою повелительностію кричитъ ему: «бросьте всю эту дрянъ, возьмите вотъ эту бумагу, да сію же минуту перебѣлите ее, какъ можно поаккуратнѣй и почетче, да чтобы ошибокъ не было; я этого не люблю; да разберете ли вы мою руку? Впрочемъ, я пишу недурно, хоть необыкновенно быстро; другой въ три часа не напишетъ того, что я напишу въ часъ, и все у меня выходитъ какъ-то ловко, каждое дѣло—какъ игрушечка, литературная штучка. Такъ торопитесь же, торопитесь; если чего

не поймете, не коверкайте на свой ладъ, а лучше спросите; впрочемъ, я привыкъ излагать свои идеи такъ ясно, что всякій дуракъ, если у него есть умъ въ головѣ, съ перваго разу пойметъ меня. — Ну же, за дѣло, за дѣло, не тратьте времени; да смотрите, не давайте никому читать: дѣло очень, очень деликатное. А то тамъ пойдутъ толковать, начнутся вляузы, интриги: я этого не люблю; я шель всегда прямымъ путемъ; мнѣ не для чего было искать окольныхъ дорогъ; я ни въ комъ не нуждаюсь; у меня все въ самомъ себѣ. Ну, начинайте же, начинайте; а то, пожалуй, не поспѣете, зарѣжите до смерти; его высокопревосходительство съ грязью смѣшаетъ, чего добраго, службу всю испортить; а безъ службы человѣкъ—что? — Ничто. Безъ службы человѣкъ — не человѣкъ.... Пишите же, пишите поскорѣй, да поаккуратнѣй, почетче». Эта безтолковая хлопотня, эта притворная торопливость, это ребяческое самохвальство въ человѣкѣ, уже посѣдѣломъ, въ другое время возмутили бы до основанія неиспорченное, свѣжее чувство молодаго человѣка; а теперь онъ былъ такъ слабъ, такъ печаленъ, такъ горько озабоченъ своимъ несчастнымъ положеніемъ, что радъ былъ только какъ-нибудь освободиться отъ подобныхъ разговоровъ и тотчасъ же сѣлъ писать. Но руки у него дрожали, мысли путаются; какъ ни напрягаетъ

онъ вниманіе, какъ ни всматривается въ слова, — глаза видятъ буквы, умъ понимаетъ ихъ смыслъ, а начесть писать — пишетъ совсѣмъ не то, что нужно; потомъ вдругъ будто очнется, увидитъ ошибку; возьметъ другой листъ, примется снова и снова ошибется. Имъ овладѣваетъ страшное безпокойство, у него мелкаетъ мысль, не дѣлается ли съ нимъ помѣшательство; его бросаетъ въ ознобъ и въ жаръ; на всемъ тѣлѣ его выступаетъ болѣзненный потъ и онъ чувствуетъ его раздражающій, мертвящій холодъ; слезы прикипаютъ у него къ глазамъ; онъ готовъ заплакать навзрыдь; образъ матери, отца, всей семьи, всего роднаго, утѣшающаго, проносится въ его воображеніи и тоскливыми, будто предсмертно-прощальными голосами отзываются въ изнемогающемъ сердцѣ. Наконецъ въ немъ пробуждается внутренняя сила и смѣлость, онъ встаетъ и хочетъ сказать крупному чиновнику, что болѣнъ, что не можетъ работать и долженъ идти домой. На бѣду, чиновникъ предупреждаетъ его; увидя, что Ивановъ всталъ, чиновникъ съ тою же, какъ прежде, торопливостью подбѣгаетъ къ нему и также кричитъ: «ну, что? Перебѣлили?»

— Нѣтъ... я...

«Помилуйте; да что-жъ вы со мной дѣлаете? Съ ума вы сошли, что ли? Пять часовъ продержали

бумагу.... Ахъ, Боже мой, что за народъ! Что за шаверь!

— Я не могу....

«Да что, вы пьяны, что ли?»

— Нѣтъ, не пьянъ, да и вамъ не желаю быть такъ пьянымъ, какъ я.

«Да, какъ вы смѣете? Да, знаете ли, съ кѣмъ вы говорите? Знаете ли, что я васъ пошлю подъ арестъ, на гаубтвахту?»

Молодой человѣкъ улыбнулся, молча поворотился къ нему спиной, хотѣлъ уйти вонъ, но зашатался и упалъ безъ чувствъ. Въ канцеляріи произошло общее смятеніе: всѣ чиновники повскакали съ мѣстъ и окружили несчастнаго; многіе съ истиннымъ состраданіемъ кинулись ему помогать; другіе шопотомъ говорили: поскорѣй вонъ его, вонъ; его превосходительство неравно выйдетъ, его превосходительство обезпокоится, осердится. Экзекутора! Отвезти его поскорѣй на квартиру!

Сторожа схватили бѣднаго Иванова, положили на курьерскую тележку, и экзекуторъ повезъ его на квартиру. Хозяйка въ это время была очень занята: къ пей нанесли обузу краденыхъ, или закладныхъ вещей; она, заперши и переднюю, и кухню, и комнату на замокъ, разбирала и упрятывала ихъ.

Вдругъ раздается отчаянный звонокъ. «Полиція!» подумала она, начала хватать вещи, стаскивать ихъ

вмѣстѣ и запикивать, куда попало. Звонокъ повторяется въ другой, въ третій разъ еще рѣзче, еще сердитѣй. Она совсѣмъ растерялась; мечется изъ угла въ уголь, роняетъ, путаешь ключи, хочетъ опираться не тѣмъ, которымъ слѣдуетъ, бранится, крестится, творить молитву, охаетъ; наконецъ открываетъ дверь. Увидѣвъ не полицейскаго, она обрадовалась, но въ то же время съ ожесточеніемъ накинулась на экзекутора: «что вы, батюшка, какъ угорѣлый, какъ на пожаръ, какъ въ бабать бьете? Этакъ до смерти испугать можете; долго-ль до грѣха? Такъ переполошили, что душа не на мѣстѣ!»

— Ну, какая тамъ у тебя душа? У тебя, чай, она ужъ совсѣмъ выдохлась давно?

«Что ты ругаешься-то, безбожникъ этакой? Что тебѣ надо?»

— А вотъ что мнѣ надо: пойдѣмъ-ка скорѣй внизъ; твой жилецъ заболѣлъ на службѣ, еле дышетъ; помоги внести его.

«Эко сокровище привезъ! Какъ же, пуцу я его теперь къ себѣ! Онъ, чай, ужъ окочурился, или въ нынѣшнюю ночь окочурится — что мнѣ съ нимъ дѣлать? Ни за что не пуцу; вези, куда хочешь.»

— Какъ! Больнаго жильца не пустишь? Да я тебя — въ полицію, въ острогъ! Я, вѣдь, не самъ по себѣ, а отъ начальства, отъ генерала, отъ министра пріѣхалъ; оставлю больнаго у дверей, пусть

умираетъ на морозѣ: мнѣ—что? А ты пойдешь въ каторгу.—Эй! Ямщикъ! Ермолай! Сбрось больного на землю, а самъ поѣзжай къ частному, да сію минуту привезти его сюда: эту голубку-то надо прибрать къ рукамъ.

«Ну, что вы, батюшка, ваше благородіе, что-жъ вы обижаете бѣдную женщину? Ну, зачѣмъ къ частному? Мы ужъ лучше, какъ-нибудь безъ него сдѣлаемся. Пойдемъ-те; гдѣ жилецъ-то? Дѣлать нечего: пусть себѣ околѣваетъ; возьму къ себѣ.... Ахъ ты, Боже милосердый! Вотъ наказаніе-то!»

Больного внесли; онъ очнулся. Его истомленный, его кроткій, молящій взглядъ пробудили искру жалости въ сердцѣ грубой женщины; она перестала браниться, уложила его въ постель, и даже сама вызвалась напоить ромашкой, которая, Богъ знаетъ сколько времени, лежала у нея въ грязной бумажкѣ на мокромъ окнѣ, заплеснѣвшемъ отъ сырости. На почъ зажгла она свѣчку и нѣсколько разъ вставала посмотришь, что дѣлается съ больнымъ и не нужно ли ему чего-нибудь. Просыпаясь и видя ее у своей постели, больной благодарилъ ее словомъ, много — двумя, тремя словами, но съ такимъ выраженіемъ, съ такою душевною ласковостью и дѣтской признательностію, которая невольно согрѣваетъ чувствомъ добра и участія самую холодную, жестоко-своекорыстную при-

роду. Въ душѣ хозяйки воскресла давнозаглохшая, замертвѣвшая память о томъ времени, когда она была молода и нѣжила у своей груди своихъ маленькиихъ дѣтей, давно уже взятыхъ могилой. Тайный, грустно-убѣдительный голосъ, дышущій святыней, шепталъ ей: «вѣдь и это тебѣ родное существо: зачѣмъ же его, больваго, страждущаго, одинокаго, хотѣла ты выгнать отъ себя, оставить умирать на улицѣ?» Она припомнила, сколько лѣтъ, подъ какимъ страхомъ, какими средствами копила деньги, и для чего? Грязно-корыстная, воровская жизнь ея показалась ей безуміемъ. Она рѣшилась развязаться съ своими низкими знакомцами, бросить навсегда безчестное ремесло, благотворительностію бѣднякамъ хотя сколько-нибудь смыть съ себя позоръ, и жить трудомъ. Внезапно зародившаяся тоска совѣсти, въ ночной тишинѣ, съ каждою минутой становилась все томительнѣй и томительнѣй. Душно, жарко сдѣлалось несчастной женщинѣ, она не могла заснуть ни на минуту, металась въ постелѣ, какъ больная, вставала, садилась, будто хотѣла куда-то собираться, куда-то уйти и, сама не зная о чемъ, стала плакать.

Чѣмъ свѣтъ, начали стучаться къ ней знакомые бродяги, она съ омерзѣніемъ повыбросала имъ спрятанныя у нея вещи и сказала, чтобы никто изъ нихъ къ ней больше и глазъ не показывалъ. На-

стало утро. Она для больного уже приготовила чаю, спросила, не хочет ли онъ, чтобъ она сходила за докторомъ, и обрадовалась искренно, когда узнала, что молодому человѣку легче. — «Вы, голубчикъ мой, говорила она ему, не безпокойтесь ни о чемъ, не горюйте: дѣла мои поправились; что тамъ за вами придется, разочтемся послѣ, когда вы обживетесь; а теперь мнѣ ничего не нужно». Больной былъ такъ удивленъ и растроганъ этими словами, что не вѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ своимъ; передъ нимъ, дѣйствительно, была совсѣмъ другая женщина.

Между тѣмъ исторія его надѣлала шуму въ канцеляріи: всѣ обвиняли крупнаго чиновника въ грубости и безчеловѣчїи; дошло свѣдѣніе до начальника; онъ сдѣлалъ ему выговоръ за *неосторожность*, и самъ захотѣлъ поправить дѣло. Надобно сказать правду, что подъ странными, надутыми, часто грубоватыми формами, во многихъ изъ чиновниковъ, даже занимающихъ мелкія должности, есть прекрасныя свойства—и благородство, и готовность помочь нуждающемуся, и часто большая образованность. Къ числу такихъ людей принадлежалъ и начальникъ, о которомъ идетъ дѣло. Узнавъ, гдѣ живетъ сверхштатный писецъ Ивановъ, начальникъ, отославъ свой экипажъ домой, взялъ извозчика и поѣхалъ къ нему. Желая показать, что онъ является не какъ на-

чальникъ, по службѣ, съ полицейскимъ намѣреніемъ удостовѣриться, дѣйствительно ли больной болѣнъ, а какъ человекъ, по участію къ нему, начальникъ снялъ съ себя кресты и звѣзды. — «Здѣсь ли живетъ г. Ивановъ», спросилъ онъ хозяйку.

— Здѣсь, батюшка, здѣсь, отвѣчала она: да только онъ очень болѣнъ, лежитъ въ постелѣ; чтобъ не потревожить его.

«Я потому-то и пріѣхалъ, что онъ болѣнъ; можетъ быть я чѣмъ-нибудь могу помочь ему.

— Вы не докторъ ли, сударь?

«Нѣтъ, я его знакомый; мы съ нимъ служимъ вмѣстѣ; товарищи. Спросите, можно ли съ нимъ видѣться; я не буду его долго беспокоить».

Когда онъ вошелъ въ комнату, больной при такомъ неожиданномъ посѣщеніи совершенно смѣшался.

«Что вы, другъ мой, ласково сказалъ начальникъ, захворали? Отъ работы измучились?

Да-съ.... нѣтъ-съ.... немножко.... впрочемъ, ничего—я скоро опять явлюсь на службу.

«Нѣтъ, о службѣ вы пока не думайте, сперва выздоравливайте-ка хорошенько. Не нуждается ли вы въ чемъ-нибудь?

Молодой человекъ грустно улыбнулся, вздохнулъ, окинулъ глазами тѣсную, сырую, грязную комнату и не сказалъ ни слова.

О! тяжело, невыразимо больно бѣдному человеку передъ богатымъ сознаваться въ своей нуждѣ! Это почти тоже, что протягивать руку за подавнѣемъ, за милостыней.

Начальникъ взялъ его за руку и сталъ спрашивать: «у васъ нѣтъ здѣсь родныхъ?»

— Нѣтъ.

«А короткихъ знакомыхъ, друзей?»

— Нѣтъ никого.

«Вы не имѣете никакихъ постороннихъ занятій?»

— Нѣтъ, да и некогда.

«Вы, вѣдь, помнитса... и жалованья у насъ не получаете?»

— Нѣтъ, не получаю.

«Этому надобно какъ нибудь помочь... Вы съ нынѣшняго дня будете получать по двадцати рублей въ мѣсяцъ — правда, жалованье жалкое, ничтожное, — лакеи во многихъ домахъ получаютъ больше, мастеравые и подавно, но, чтожь-жь дѣлать? Право, на первыхъ порахъ, больше невозможно; чиновниковъ у насъ такъ много; переписка дьявольская; о всякихъ пустякахъ кипа бумаги исписывается... Вы учились гдѣ-нибудь?»

— Въ гимназіи; но курса не окончилъ, нечѣмъ было платить.

«Вы знаете языки?»

— Знаю немножко по-латыни, по-французски,

по-нѣмецки; да все теперь съ каждымъ днемъ забывается; лѣтъ черезъ десять сдѣлаюсь дуракъ-дуракомъ.

Это болѣзненное жесткое выраженіе такъ и повернуло сердце въ благородномъ начальникѣ. Онъ помолчалъ съ минуту и потомъ сказалъ: «нѣтъ, не бойтесь, не горюйте; авось, Богъ дастъ, все какъ-нибудь лучше устроится, а пока.... вотъ вамъ, въ счетъ жалованья, на ваши нужды, изъ запасныхъ суммъ; когда будете въ состояніи—выплатите».

Съ этимъ словомъ онъ сунулъ подъ подушку больному сто рублей, поцѣловалъ его и проворно пошелъ изъ комнаты; но остановившись у двери, прибавилъ: «только, пожалуйста, пусть это останется между нами—чтобы тамъ у насъ объ этомъ рѣшительно никто не зналъ. — Напишите отцу и матери, что ваше положеніе поправляется».

Молодой человекъ очень понималъ, что это не изъ запасныхъ суммъ, что это «въ счетъ жалованья»—сказано для смягченія подаваемой помощи, и сладко и горько ему было. Только симпатія, которая дышала въ рѣчи и въ глазахъ его нежданнаго друга, мало-по-малу утишила горечь одолженія. Этому помогло еще и то, что молодой человекъ рѣшился во что бы то ни стало выплатить, что было ему дано въ счетъ жалованья. Всѣ эти происшествія, перемѣшавшись съ происшествіемъ въ кан-

целярии, произвели сильное и странное волнение въ нашемъ бѣднякѣ; самыя противорѣчащія мысли, чувства и картины смѣнялись и сталкивались въ его душѣ: то радость, то горе, то канцелярія, то родной огородъ, то темная сырая квартира съ безобразными людьми, приносящими краденыя вещи, то теплый лѣтній день въ полѣ, и цвѣты, и дубы, и радостная, родная семья, то зловѣщій, нервически-раздражающій скрипъ перьевъ унылыхъ, угрюмыхъ бѣдняковъ писарей, то свѣжій какой-то, молодостью звѣнящій перекликъ птицъ въ лѣсу и вольный разливъ изъ крѣпкой груди вырывающейся молодецкой пѣсни, которой, кажется, съ радостью отвѣчаетъ эхо. Но удовольствіе перемогло; мало-помалу волнение стихло; божественное чувство надежды цѣлбно подѣйствовало на природу молодого человѣка; онъ уснулъ и крѣпко спалъ нѣсколько часовъ. Пробужденіе было для него радостно; чувство обезпеченности и беззаботности разлило во всемъ существѣ его угѣшительное спокойствіе и бодрость. Прежде всего онъ заплатилъ хозяйкѣ свой долгъ и отдалъ впередъ за мѣсяць за квартиру. Она стала къ нему еще ласковѣй и внимательнѣй. Черезъ двѣ недѣли Ивановъ былъ совершенно здоровъ. Къ величайшему его удовольствію хозяйка, чтобъ прекратить всѣ сношенія съ своими дурными знакомыми, перемѣнила квартиру, переѣхала отъ нея какъ

только можно было подальше, арендовала цѣлый домикъ у огородника съ землей на нѣсколько лѣтъ, и чтобъ удержать у себя жильца, отдала ему почти за безцѣнокъ отдѣльную, чистенькую комнатку, Ивановъ ожилъ. Онъ безъ тоски и боязни явился въ канцелярію. Всѣ съ участіемъ здоровались съ нимъ, спрашивали, совсѣмъ ли онъ поправился, и поздравляли съ полученіемъ штатнаго жалованья. Онъ отъ души благодарилъ ихъ и еще съ большею ревностью принялся за дѣло. Работа у него кипѣла. Несмотря на то, что онъ являлся раньше, уходилъ позже всѣхъ, не тратилъ ни минуты, ни въ пустыхъ разговорахъ, ни въ пустыхъ розсказняхъ о городскихъ слухахъ, слы у него будто возрастали съ трудомъ; лицо у него сдѣлалось свѣжее, взглядъ живой. Очень естественно: изъ службы онъ бѣжалъ съ наслажденіемъ въ свою привѣтливую комнатку, зналъ, что хозяйка не встрѣтитъ его бранью, ѣлъ вдоволь щей, говядины и каши, и шелъ копать на грядкахъ, или часъ-другой побродить въ ельникъ и сосонникъ. Правда, онъ считалъ каждую копѣйку, рѣшительно ничего не тратилъ на извозчика, какая бы ни была слякоть, и хоть квартира его находилась отъ департамента верстъ за пять; платье и сапоги чистилъ и починаялъ самъ, пилъ чай самого нисшаго сорта, безъ сливокъ, въ прикуску, съ чернымъ хлѣ-

бомъ, папирось не курилъ, о винѣ и не думалъ; но за то не умаливалъ хозяйки подождать уплаты за квартиру, не просилъ у начальника ничего, не входилъ ни въ какія сдѣлки съ казначеемъ, или швейцаромъ, который, какъ извѣстно, богаче весьма многихъ чиновниковъ; словомъ, не былъ въ томъ рабскомъ, убійственно-унизительномъ положеніи, до котораго доводитъ человѣка нужда. Для счастья его не доставало двухъ вещей — расплатиться съ начальникомъ и что-нибудь послать домой; а мысль когда-нибудь на 28 дней отправиться туда, — этотъ свѣтлый идеалъ блаженства для молодой, почти дѣтской души, для которой все далекое родное было озарено какой-то чудной святыей, какой-то очаровательно меланхолической поэзіей, этотъ свѣтлый, небесный рай на землѣ — о, для кого изъ васъ, мои бѣдные, придавленные нуждой братья, достигимъ онъ? Горько, томительно, ужасно жить такъ: но тутъ еще есть, хоть капля радости, хоть надежда на радость, хоть печаль чистая, возвышающая душу, не унижающая человѣка до звѣрскаго, цинически скотскаго состоянія. А есть и такая бѣдность, и ужасно много ея на свѣтѣ!

ИВАНЪ ПОДКОВА.

КАЗАЦКАЯ ПѢСНЯ ШЕВЧЕНКО.

РАЗБОРЪ.

I.

Было время—по Украинѣ
Пушки грохотали;
Было время—Запорожцы
Жили-пировали;
Пировали-добывали
Славы, вольной воли.
Все то минуло—остались
Лишь могилы въ полѣ,
Тѣ высокія могилы,
Гдѣ лежитъ зарыто
Тѣло бѣлое казачье,
Саваномъ повито.

И чернѣютъ тѣ могилы,
Словно горы въ полѣ,
И лишь съ вѣтромъ перелетнымъ
Шепчутся про волю.
Славу дѣдовскую вѣтеръ
По полю разноситъ...
Внукъ услышитъ—пѣсню сложитъ.
И съ той пѣсней коситъ.
Было время—на Украинѣ
Въ пляску шло и горе;
Какъ вина, да меду вдоволь —
По колѣно море.
Да, жилось когда-то славно!
И теперь вспоманешь —
Какъ-то легче станетъ сердцу,
Веселѣе взглянешь.

II.

Встала туча надъ Лиманомъ,
Солнце заслоняетъ;
Лютымъ звѣремъ сине море
Стонетъ, завываетъ.
Днѣпръ надулся! «Что-жъ, ребята,
Время мы теряемъ?
Въ лодки! Море расходилось:
То-то погуляемъ!»
Высыпаютъ Запорожцы;

Вотъ Лиманъ покрыли
Ихъ ладьи. «Играй же море!»
Волны заходили
За волнами, за горами
Берега пропали.
Сердце ноетъ; казаки же
Веселѣе стали.
Плещутъ весла; пѣсня льется;
Чайка вокругъ порхаетъ...
Атаманъ въ передней лодкѣ, —
Путь-дорогу знаетъ.
Самъ все ходитъ вдоль по лодкѣ,
Трубку сжалъ зубами;
Взглянетъ вправо, взглянетъ влѣво —
Гдѣ-бъ сойтись съ врагами?
Закрутилъ онъ усъ свой черный,
Вскинулъ чубъ косматый;
Поднялъ шапку—лодки стали.
«Сгинь ты, врагъ проклятый!
Поплывемъ-те не къ Синопу,
Братцы-атаманы,
А въ Царь-градъ поѣдемъ въ гости
Къ самому султану».
— Ладно, батька! загремѣло.
«Ну, спасибо, братцы!»
И накрылся.
Вновь горами

Волны громоздятся...
И опять онъ вдоль по лодкѣ
Ходить, не садится:
Только молча исподлобья
На волну косится.

Это—казацкая пѣсня. Слово «*казакъ*», или *козакъ*, говорятъ, татарское, и значить «воинъ свободный, вольный», т. е. по охотѣ, а не по принужденію, или чьему-нибудь приказанію занимающійся войной, къ тому же—«смѣльчакъ, удалецъ». Казаки, дѣйствительно, оправдывали это названіе: они были вольными и удалыми бойцами; война для нихъ была выгодой, славой и наслажденіемъ.

Другіе говорятъ, что слово «*козакъ*» происходитъ отъ слова «*козарь*»—козлятникъ, будто потому, что во время своей воинственно-кочевой жизни они питались мясомъ дикихъ козъ и шкуры ихъ употребляли себѣ на одежду. Впрочемъ и то, и другое названіе очень идетъ къ характеру и образу жизни казаковъ.

Казачество, то есть община вольныхъ воиновъ, произошло такимъ образомъ: въ концѣ XII вѣка южная Россія отдѣлилась отъ сѣверной; она состояла изъ нѣсколькихъ особенныхъ княжествъ, или областей. Каждое княжество управлялось *вѣчемъ*, т. е. по общему согласію, по общенародному при-

говору. На *вѣчь*, или на *совѣщаніи* рѣшались всѣ дѣла, какъ народу управляться, какимъ правиламъ, или законамъ слѣдовать, чтобъ жить безопаснѣй, удобнѣй и счастливѣй. На *вѣчахъ* всякій подавалъ голосъ, всякій разсуждалъ, совѣтовалъ, какъ лучше сдѣлать то, или другое дѣло, и всякаго слушали, разумѣется, иногда спорили между собою, иногда, по грубости нравовъ того времени, бранились, даже и дирались; конечно, умные люди останавливали брань и драку, но запретить кому-нибудь говорить на вѣчѣ, что онъ думаетъ, никто не имѣлъ права; а ужъ когда было что положено, то всѣ должны были этого слушаться. Такимъ образомъ эти жители южной Россіи съ давнихъ поръ привыкали разсуждать прямо, свободно, говорить открыто и смѣло, и безпрекословно исполнять, что сказано на *вѣчѣ*. Эти южныя области назывались Украйной. Въ нихъ были свои князья.

Въ концѣ XV столѣтія, Русскій князь, владѣвшій Украйной и сдѣлавшійся польскимъ королемъ, захотѣлъ управлять русскими по польскому обычаю, установилъ чины и должности воеводъ и т. д. и сталъ раздавать имъ деревни, мѣстечки и города въ полное владѣніе, то есть, вольныхъ людей онъ сталъ дѣлать невольными. Люди тогда были грубы и жестоки; а грубому и жестокому человѣку дай волю надъ другимъ, такъ онъ Богъ знаетъ что съ

нимъ сдѣлаеть. Разумѣется, этимъ распоряженіемъ князя были всѣ недовольны: но однихъ удерживала на прежнихъ мѣстахъ старость, другихъ болѣзнь, или боязнь искать счастья въ чужомъ краю, нѣкоторыхъ—привязанность къ роднымъ домамъ, садамъ, пажитямъ, могиламъ предковъ — съ чѣмъ у нихъ соединялось столько сладкихъ, или грустныхъ, но во всякомъ случаѣ дорогихъ для сердца воспоминаній. Иные же, дорожа свободой больше всего, опасаясь рабства за дѣтей своихъ, бросили родину и пошли бродить, куда глаза глядятъ, готовые на всякую нужду, бѣду и опасность. Оставалась у нихъ одна надежда на удачу и удаль. Чтобы не умереть съ голоду, не пропасть отъ непогоды, они должны были заниматься рыбной ловлей, охотой и грабежемъ: въ теплое время жили на открытомъ воздухѣ, въ лѣсахъ, въ оврагахъ; для защиты отъ непогоды строили шалаши, копали землянки, грѣлись у костровъ; словомъ, вели бѣдственную жизнь; по горькому чувству изгнанія, по отчужденію отъ общества, по нуждѣ, они огрубѣли, одичали, ожесточились.

Для безопасности и болѣе удобнаго продовольствія, имъ надобно было искать мѣстъ дикихъ, неприступныхъ, богатыхъ лѣсомъ, водою и всѣмъ, что можно было добыть въ лѣсу и въ водѣ. Такое при-
волье представлялъ имъ Днѣпръ въ томъ мѣстѣ,

гдѣ по немъ идутъ пороги. Пороги начинаются версть семь ниже нынѣшняго Екатеринославля и идутъ на 65 версть, въ различномъ разстояніи одинъ отъ другаго. Всѣхъ ихъ девять.

Тутъ идутъ отроги гранитныхъ горъ. Представьте себѣ, что въ рѣкѣ, отъ одного края до другаго, лежатъ каменные гряды, разумѣется, съ неравными промежутками, одна гряда — выше, другая — ниже. Иногда такихъ грядъ сряду бываетъ до 12. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ этихъ грядахъ есть свободные проходы, въ родѣ воротъ, безъ сомнѣнія, пробитыхъ сильнымъ стремленіемъ и напоромъ воды. Нѣсколько такихъ каменныхъ грядъ, лежащихъ близко другъ къ другу, составляютъ пороги.

Иногда у этихъ пороговъ дно рѣки понижается очень круто, они образуютъ уступы, подводную гранитную лѣстницу, такъ что паденіе воды бываетъ на сажень и болѣе. Плаваніе по порогамъ и теперь очень трудно: надобно попасть въ проломъ, или въ ворота гряды; надобно опасаться, чтобы не наткнуться на подводный камень, не удариться лодкой объ стѣну скалы, сѣрою громадой выдвигающейся со дна. Рѣка же мчится съ неизмеримымъ бѣшенствомъ, иногда пробѣгаетъ версту въ двѣ съ небольшимъ минуты. Еще издали слышно зловѣщее клокотанье, плескъ и гулъ волвъ, сни-

зу и съ боковъ бьющихся о камни. Но опасность еще больше увеличивается отъ внезапно налетающихъ вихрей. Поднявшійся вѣтеръ, сжатый, какъ въ длинной трубѣ, между высокими берегами рѣки, винтомъ крутитъ воду, рветъ паруса, мечетъ лодку, и если она собьется съ русла и не попадетъ въ проходъ между камнями, то разобьется въ щепы, и люди пропали. Теперь для прохода лодокъ и барокъ черезъ пороги есть особенныя *лоцманы*, которые часто съ самаго дѣтства изучаютъ это опасное дно рѣки, быстроту ея теченія, ея часто крутые повороты; но они, и всѣ находящіеся на баркахъ, приближаясь къ порогамъ, молятся Богу; а когда на небѣ появится грозовая туча и предвидится вихорь, ни за что не поѣдутъ.

На этомъ пространствѣ, гдѣ проходятъ *пороги*, находятся острова, изрѣзанные потоками и заливами. Въ древнія времена они были покрыты лѣсомъ; по побережьямъ Днѣпра росли частые камыши; отъ рѣки въ разныхъ направленіяхъ тянулись взгорья, рывины и овраги, тоже заросшіе деревьями и кустарниками; а тамъ, дальше раскидывались нескончаемыя степи, по которымъ, какъ зѣленое море, колыхалась сплошная, крупная и высокая трава, испещренная тысячами разнообразнѣйшихъ цвѣтовъ. Въ рѣкѣ, особенно по заливамъ, кипѣла рыба; въ лѣсахъ водилось множество большихъ звѣрей—вол-

ковъ, медвѣдей, кабановъ; въ травѣ и кустарникахъ — несчетное количество зайцевъ, лисицъ, сусликовъ, тетеревовъ, куропатокъ, драхвъ, дикихъ голубей и т. д. На этихъ-то островахъ и по берегамъ Днѣпра и пороговъ больше всего искали себѣ пристанища бѣглецы, стали селиться, устраивать свое житѣ и составили такъ называемое *Запорожье*, или *Запорожскую стѣчу*. Мало-по-малу вѣсть о безопасности ихъ жизни, которая защищалась степями безъ дорогъ, лѣсами, быстрою и широкою рѣкой и порогами, распространялась въ южной Россіи, въ сѣверной, въ Крыму, въ Турціи, въ Польшѣ, а черезъ Польшу и въ другихъ государствахъ Европы. Къ *запорожцамъ* начали стекаться со всѣхъ сторонъ люди или чѣмъ-нибудь очень недовольные въ своемъ отечествѣ, или бѣжавшіе отъ долговъ, отъ казней, отъ горя, отъ тоски, или желавшіе безъ труда нажитья грабежемъ. Сначала Запорожье, безъ сомнѣнія, представляло самую странную, пеструю и дикую смѣсь племенъ, скопище, неуправляемое никакими общими нравственными правилами, никакими законами; потомъ увидѣли, что людямъ такъ жить нельзя, что даже для безопасности имъ необходимо было соблюдать извѣстныя правила, установить порядокъ въ дѣлахъ, выбрать себѣ начальниковъ и поручать власть, однимъ — больше, дру-

гимъ—меньше. Они такъ и сдѣлали, разумѣется не вдругъ, не въ одинъ день, не въ одинъ годъ.

«Малороссійскія степи, говоритъ одинъ польскій поэтъ, вспаханы копытами коней, политы кровью, засѣяны человѣческими костями». Дѣйствительно, на нихъ кипѣло множество побоищъ до запорожцевъ; но и запорожцамъ выпало ихъ много на долю. По обстоятельствамъ своей жизни, запорожецъ долженъ былъ сдѣлаться превосходнымъ плавцомъ—владѣть руками, какъ веслами, и веслами какъ руками: всегда у Днѣпра и на Днѣпрѣ; долженъ былъ сдѣлаться превосходнымъ наѣздникомъ: степь широка—нуженъ быстроногій конь и для потѣхи, и для необходимыхъ разъѣздовъ; долженъ былъ сдѣлаться отчаяннымъ бойцомъ: приходилось биться и съ русскими, и съ татарами, и съ поляками, и съ турками. Такимъ образомъ, можно сказать, выковалась эта желѣзная, гордая, смѣлая, предприимчивая дружина, которая извѣстна была подъ именемъ *Запорожскихъ казаковъ*.

И устройство быта и управленія вполне должно было соответствовать характеру этой вѣчно-воинственной дружины, этому вольному казачеству, о которомъ съ гордостію вспоминаютъ до сихъ поръ нѣкоторые малороссіяне. «Простота жизни, говоритъ профессоръ Костомаровъ, готовность на всякую опасность, набожность, совершенное братство меж-

ду собою, безкорыстіе и строгое повиновение власти, были въ началѣ основою запорожской общины. Верховная власть находилась въ рукахъ *рады*, или народнаго собранія, подобнаго древнему *вѣчу*. Рада избирала главнаго начальника, или *атамана*, подъ именемъ *кошевого*, и все управленіе его называлось *кошемъ*. Кошъ раздѣлялся на *курни*; каждый курень избиралъ куреннаго атамана, подвѣдомственнаго кошевому по управленію. Эти избранные начальники имѣли безусловную власть надъ подчиненными, но, по окончаніи года, отдавали отчетъ радѣ и тогда, въ случаѣ злоупотребленія, подвергались суду и смертной казни. Живя въ шалашахъ, или въ хлѣвахъ, заплетенныхъ изъ хвороста, запорожцы сходились за общественный столъ, гдѣ съ ними обѣдалъ начальникъ. Пища ихъ состояла изъ квашеннаго тѣста, или изъ *саламахи*, или изъ каши, называемой *тетерею*; похлебку съ рыбой они считали за праздничное кушанье. У каждаго казака было не болѣе двухъ одеждъ: они обязаны были приучать себя къ нищетѣ и терпѣнію.

Всякая ссора между собою строго преслѣдовалась. На войнѣ съ невѣрными они были безчеловѣчны и безжалостны; но всякое насиліе и разбой въ христіанскомъ поселеніи подвергало запорожца смертной казни; также строго у нихъ наказывалось воровство. Хотя женатый могъ поступить въ *то-*

варшество, однако подь смертною казнью восире- щалось ввести въ сѣчу женщину, и вообще холо- стые пользовались большимъ уваженіемъ въ казац- комъ обществѣ. Запорожець, вступая въ общину, давалъ обѣтъ воевать за христіанскую вѣру, защи- щать христіанъ и губить враговъ Іисуса Христа. Онъ обязанъ былъ ходить въ храмъ и исполнять положенные церковью посты и обряды».

Когда кто - нибудь хотѣлъ поступить въ сѣчу, онъ являлся къ атаману: тотъ и знать не хотѣлъ, кто онъ, откуда, какого народа, какого происхож- денія, что заставляло его дѣлаться казакомъ, а толь- ко спрашивалъ: «вѣруешь ли въ Бога?»—Вѣрую, отвѣчалъ пришедшій. «И въ Божію Матерь вѣ- руешь?» — Вѣрую. «И въ церковь православную ходишь?»—Хожу. «А, ну, перекрестись». Новопри- шедшій крестился, и дѣло оканчивалось. Онъ от- правлялся въ какой-угодно курень и становился ка- закомъ, товарищемъ, братомъ запорожцевъ.

Въ мирное время казаки жили въ совершенной безопасности, ничего не дѣлали, ѣли, пили, иногда пьянствовали, спали, курили трубки и разговари- вали. Всѣмъ, что нужно было для жизни, занимались евреи, которые жили подлѣ куреней, или въ ближнихъ селеніяхъ. Казакъ всякое занятіе, кромѣ войны, считалъ для себя низкимъ. А война у нихъ происходила часто; иногда они отбивались отъ на-

паденія крымскихъ татаръ, поляковъ и русскихъ; иногда сами нападали.

Часто причиною къ войнѣ было то, что казаки соскучивались безъ дѣла, или что истрачивали всѣ деньги, или что набиралось много новыхъ товарищей, молодыхъ людей, которые еще не бывали на войнѣ, — такъ надо поучить ихъ казацкому дѣлу. Прибыльнѣе всего было казакамъ нападать на турокъ. Только что распространялась объ этомъ радостная вѣсть, вся лѣнь казацкая пропадала, всѣ спѣшили на *раду*, всѣ въ одинъ голосъ одобряли намѣреніе кошеваго, условливались въ какой день и часъ выступать, готовили, поправляли и оснащивали лодки, запасались самымъ умѣреннымъ количествомъ пищи и ждали съ нетерпѣніемъ приказанія двинуться въ путь; слушали обѣдню, принимали отъ священника благословеніе и въ строгомъ порядкѣ, съ совершенною покорностію волѣ атамана, не спрашивая, куда именно онъ ведетъ ихъ, спускались по Днѣпру. А тамъ — или въ Сивопъ, или въ Трапезундъ, или въ Константинополь — все равно. Набѣгъ сопровождался быстротой, стремительностію, пожарами, безпощаднымъ убійствомъ и грабежемъ. Воротаясь домой, казаки часть изъ награбленнаго богатства отдавали на церковь, серебромъ и золотомъ украшали иконостасъ, священные книги и утварь; все остальное дѣлили, и сно-

ва предавались лѣни и бражничеству. Разумѣется, въ такой разбойнической жизни нѣтъ ничего хорошаго; самую большую заслугой казаковъ было то, что они стояли каменной стѣной, да стѣной еще съ пиками, ружьями, саблями и пушками для защиты христіанъ отъ татаръ и турокъ; лучшія свойства, которыя развились въ народѣ отъ казачества, это — твердость характера, пренебреженіе опасностей, беззаботная веселость и гостепріимство; свойства эти при всѣхъ безчисленныхъ перемѣнахъ, испытанныхъ Малороссіей, до сихъ поръ сохранились въ ея жителяхъ. — Ужасы побоищъ, грабежей и пожаровъ потомками забыты; они помнятъ только лучшую, поэтическую сторону казацкаго быта; отдаленное время кажется имъ счастливымъ, свѣтлымъ вѣкомъ воли, геройства, заманчивыхъ приключеній и богатства. Отъ чего малороссійскія пѣсни отличаются съ одной стороны гордымъ сочувствіемъ къ богатырской старинѣ, съ другой уныlostью и сожалѣніемъ о бывшей безпечной жизни. Въ этомъ духѣ написана и разбираемая нами пѣсня.

Первая часть составляетъ меланхолическій отголосокъ впечатлѣній, ударившихъ вдругъ въ душу казака, при взглядѣ его на широкое раздолье степей и разгулье минувшей жизни: вотъ тянется необозримое пространство зеленыхъ и цвѣтущихъ

равнинъ; по нимъ тамъ и сямъ разсыпаны курганы—это могилы казаковъ, въ бою сложившихъ свои удалыя головы; поменьше могила—зарыть простой казакъ; побольше — кошевой, или куренной атаманъ; на ней иногда камни навалены и поставленъ каменный крестъ. Иногда только шумитъ трава, высокая, густая, никѣмъ не помятая, изъ которой никто уже давно не сорвалъ себѣ ни былинки на память, для тайной грусти, для одинокихъ слезъ. Только добрая поэтическая душа горюетъ о нихъ:

«И чернѣютъ тѣ могилы,
Словно горы въ полѣ,
И лишь съ вѣтромъ перелетнымъ
Шепчутся про волю.»
Славу дѣдовскую вѣтеръ
Но полю разноситъ....
Внукъ услышитъ — пѣсню сложитъ
И съ той пѣсней косить».

Бѣдная воля, бѣдная слава, про которую могутъ говорить только могилы съ холоднымъ прохожимъ — вѣтромъ, да и то шопотомъ, чтобъ кто недобрый не услышалъ, не осудилъ, или не насмѣялся! Но этотъ тайный шопоть слышитъ и понимаетъ чуткій внукъ давно почившихъ дѣдовъ, одушевляется его смысломъ и надмогильною пѣснью поминаетъ старину, облегчая ея тяжелый трудъ. — нѣтъ надобности быть казакомъ, или украинцемъ,

чтобъ понимать меланхолическую прелесть этихъ стиховъ:

«Было время — на Украинѣ
Въ пляску шло и горе».

Чудная и естественная картина! Народъ бодрый, крѣпкій, полный надеждъ были украинцы: отъ горя, отъ унынья онъ отшучивался, отпѣвался и отплясывался; и само горе, увлеченное общею веселостью, шло въ пляску, не мѣшало веселиться другимъ и забывалось. «Да, жилось когда-то славно!»

И вотъ отъ множества этихъ *славныхъ* воспоминаній, тѣнями покойниковъ, снующихся въ воображеніи поэта, отдѣляется одно, яснѣетъ, яснѣетъ и представляется въ полной картинѣ: это — морской набѣгъ запорожцевъ. Повторяю, что мы, люди другаго, мирнаго времени, другихъ, болѣе человѣческихъ понятій, не можемъ наслаждаться сценами убійства и разрушенія; но беремъ изъ нихъ только одну сторону — удалъ, смѣлость, расторопность, и этимъ свойствамъ, которыя выражаютъ силу характера, не можемъ не сочувствовать, въ какой бы формѣ, и въ какихъ бы обстоятельствахъ онѣ ни обнаруживались.

И славно описано это казацкое удалство: поднимается буря, море забушевало; робкій и неопытный пловецъ бросился бы къ берегу; а казаку-запорожцу тутъ-то и разгулье; ему — спокойный.

безопасный путь среди бунтующих волн; никакой враг его не встрѣтитъ: волна же не врагъ, а другъ ему; онъ съ малолѣтства сдружился съ нею, привыкъ бороться и окрѣпъ; онъ знаетъ ея силу и буйную прихоть и съумѣетъ съ ними управиться. «Въ лодки!» Только, кажется, это обращеніе къ казакамъ «ребята» несогласно съ ихъ правами и привычками. Конечно, атаманъ ихъ былъ «батъко», неограниченный повелитель во время похода, даже за чарку вина имѣлъ право утопить казака; но онъ всегда обращался къ нимъ почтительно: «господа-братья, господа-товарищи,» говорилъ онъ имъ обыкновенно; потому что на слѣдующій же годъ, можетъ быть, даже тотчасъ послѣ похода, каждый изъ его подчиненныхъ могъ сдѣлаться атаманомъ. Вотъ, между прочимъ, и это припоминая, можно сказать: «да, жилось когда-то славно!» Умъ уважался, знаніе, общее одобреніе, заслуженное достоинствами, уважалось. Славно!

«И теперь вспомянешь —

Какъ-то легче станетъ сердцу,

Веселѣе взглянешь!»

«Высыпаютъ запорожцы» — стихъ живописный и многозначительный: бездна ихъ, проворны, бойки, послушны, обрадовались, хочется каждому впередъ, въ бурю и битву.

Подробности плаванія нарисованы такъ отчет-

ливо, такъ естественно и такъ заманчиво, что самому хотѣлось бы кинуться въ лодку, подъ начальство такого атамана. Не другое что однакожь, а сила воли увлекаетъ тутъ; какъ не любоваться этою картиной отваги, гордой веселости и безпечности, основанной на сознаниіи своего искусства въ плаваніи и пренебреженіи къ смерти! Смотрите: волны заходили, какъ горы, а имъ — ничего:

Плещутъ весла; пѣсня льется;
Чайка вкругъ порхаетъ...
Атаманъ въ передней лодкѣ —
Путь — дорогу знаетъ.
Самъ все ходить вдоль по лодкѣ;
Трубку сжалъ зубами;
Взглянетъ вправо, взглянетъ влѣво —
Гдѣ-бъ сойтись съ врагами?

Экой молодчина! Ему и горя мало, что подъ ногами пропасть; у него одно на умѣ — схватка съ непріятелями — врагами христіанства. Но, панове-братья, ради христіанства же щадите и враговъ его!

Поэтъ чувствовалъ, что казачество представляется звѣрскимъ во время набѣговъ, и остановился только на изображеніи его безстрашія. И мы на немъ остановимся: дальше будетъ ужъ безчеловѣчье, а гдѣ безчеловѣчье, тамъ нѣтъ и поэзіи.

Составъ цѣлаго стихотворенія въ высшей сте-

пени художественъ: первая часть его — пѣсня, какъ отголосокъ прошлаго, со всѣми свойствами украинской народности, заунывная, но полная гордаго сознанія, что есть, по крайней мѣрѣ, о чемъ вспомнать; о чемъ пожалѣть, что прошлое — не пусто, не пошло, что родныя степи усѣяны памятными могилами. Вторая часть — одинъ случай, одинъ день изъ казачьей жизни, но такой, въ которомъ видно отраженіе большей части ея и которая перешла въ пѣсни, эту поэтическую исторію народа.

Этихъ частей поэтическаго созданія нельзя оторвать одной отъ другой: рассказъ былъ бы не полонъ безъ чувства, выраженнаго въ пѣснѣ; чувство, высказанное отдѣльно отъ происшествія, было бы смутно, неопредѣленно, не олицетворилось бы въ живыхъ образахъ — бури, атамана, запорожцевъ, плещущихъ волнъ, и двухъ чаекъ; — чайки — лодки, порхающей по водѣ, и чайки — птицы, порхающей надъ лодкой, будто по любви къ ней.

ОЧЕРКЪ МАЛОРОССІЙСКАГО БЫТА.

Есть чудесная картина Айвазовскаго: представляется необозримая равнина, вся покрытая зеленью, ничѣмъ непересѣкаемая, ничѣмъ не разграничиваемая, она свободно разстилается во всѣхъ направленихъ; чувствуешь, что скачи по ней на бойкомъ степномъ конѣ день, скачи другой, она все будетъ отодвигаться, все уходитъ въ даль, и невольно думаешь, что ей и конца нѣтъ. По ней тянется караванъ извозчиковъ съ полными, чѣмъ-то нагруженными телѣгами. Одни лежатъ ничкомъ на возахъ, другіе сидятъ, тѣ идутъ подлѣ. Вереницы ихъ также нельзя обинуть глазомъ; она также тянется, тянется безъ конца, и вмѣстѣ съ степью исчезаетъ вдали; но кажется, что еслибы дойти до послѣдней черты, представляющей глазу, то тамъ опять бы увидѣлъ такой же нескончаемый рядъ возовъ. Путь — не

пыльный, небитый, вольный; каждому просторно выбирать его. Вдавленная широкими дубовыми колесами колея вскорѣ приподнимется, помятая трава выпрямится, и по ней взбѣгутъ свѣжіе цвѣты. Недалеко въ сторонѣ отъ дороги, не пугаясь проезжающихъ, стоятъ аисты; одинъ, кажется, что-то ѣсть, другой такъ смотреть. Зелень переливается неувидимыми оттѣнками и дышетъ свѣжестью. Весь этотъ чудный видъ озаренъ нѣжнымъ и теплымъ свѣтомъ. Цѣлая картина производитъ впечатлѣніе простора, вольнаго раздолья, безопасности и нѣги благословеннаго края. Этотъ край — Малороссія.

Вамъ, чернобровые, черноглазые *подлетки* съ здоровымъ, смуглымъ румянцемъ на щекахъ, съ крѣпкою грудью, съ звонкимъ голосомъ, вамъ знакома эта степная красота, эта привольная жизнь. Вы тысячу разъ мыкались, играли, пѣли, аюкались въ густой, высокой травѣ, изъ которой не видно бывало вашихъ головокъ, вы шныряли, прятались и иногда засыпали въ ней, какъ перепелки. А мы, хоть издали, на васъ полюбуемся и порадуемся; хоть издали, вскользь, присмотримся къ вашей родинѣ.

Слова «Малороссія, Украйна, Малороссь, Украинецъ» у насъ и въ разговорѣ и въ книгахъ употребляются въ очень неопредѣленномъ значеніи. Собственно малороссійскими называются губерніи

Кіевская, Харьковская и Полтавская. Но это слишком тѣсное ограниченіе Малороссіи: малороссійское населеніе, рѣзко отличающееся отъ великороссійскаго, занимаетъ обширную страну, простирающуюся отъ Днѣстра и Буга, до Дона и Крыма. Въ сѣверной части ея, какъ, напримѣръ, въ губерніяхъ—Черниговской, Кіевской и Волынской, тянутся отроги Карпатскихъ горъ; мѣстность здѣсь если не гористая, то, по крайней мѣрѣ, волнистая; а южная часть — все равнина, равнина, зеленая, безлѣсная степь. По этому пространству протекаетъ множество рѣкъ — Бугъ, Днѣстръ, Днѣпръ, Десна, Сеймъ, Донецъ, Сула, Пселъ, Ворскла, и бездна маленькихъ рѣчекъ и ручьевъ; только чѣмъ дальше на юго-востокъ, тѣмъ рѣже рѣки и ручьи, и земля во многихъ мѣстахъ пропитана солончакками. Вѣроятно тутъ прежде было море. Оно постепенно отступало, наконецъ бывшее дно его совсѣмъ высохло, а соль, осаждавшаяся на немъ, сохранилась и до сихъ поръ сохраняется въ землѣ.

Вся эта полоса лежитъ въ умѣренномъ климатѣ: здѣсь не бываетъ ни жестокой стужи, ни тропическихъ жаровъ; семь мѣсяцевъ можно считать теплою порою года. Уже около половины марта, даже въ Черниговской и Кіевской губерніяхъ, снѣга почти совсѣмъ нѣтъ; онъ лежитъ еще въ оврагахъ и лѣсныхъ лощинахъ, но неумолкающій говоръ ручьевъ,

бѣгущихъ по нимъ, даетъ чувствовать, что и тамъ его скоро не станетъ и на мѣсто его зажелтѣютъ, закраснѣютъ и забѣлѣютъ цвѣты; волы и коровы съ молоденькими телятами бродятъ по опушкамъ лѣса, гдѣ теплѣе пригрѣваетъ солнце, или по кустарникамъ, и ѣдятъ остатки прошлогодней сухой травы и липовыхъ и дубовыхъ листьевъ; домашнія птицы—куры и индѣйки—разбредаются далеко отъ дому и на сухихъ стебляхъ бурьяна и чернобыльника клюютъ неосыпавшіяся сѣмена; съ юга летятъ гуси, лебеди, утки, журавли и садятся на лужахъ, озерахъ, рѣкахъ и болотахъ, чтобы покормиться, отдохнуть и опять пуститься дальше, на сѣверъ; деревенскіе мальчишки, соскучась сидѣть дома въ зимнюю пору, выбѣгаютъ изъ избы босикомъ, въ однѣхъ рубашкахъ и борются на дворѣ на соломѣ; нянька лѣтъ шести, или семи, вынесла на свѣжій воздухъ двухгодичную сестру свою, посадила ее у плетня на бараньемъ тулупѣ и, перекликаясь съ нею, бѣгаетъ и собираетъ колокольчики; небо синѣетъ привѣтливо; воздухъ вѣетъ весной.

Почва въ этомъ краю почти вездѣ черноземная; въ прежнія времена тутъ бывало много лѣсу: листья и валежникъ, никѣмъ не прибираемые, гнивали и удобряли землю; нынче въ южной части Украйны лѣсовъ совсѣмъ нѣтъ; только по берегамъ рѣкъ, оврагамъ и рытвинамъ, куда стекаетъ дождевая

вода и дольше сохраняется влажность, лѣплятся кустарники калины, жимолости, шиповника, ракиты и терновника; но во многихъ мѣстахъ до сихъ поръ трава растетъ лѣсъ-лѣсомъ; ее не успѣваютъ скашивать; скотъ не можетъ ее всю поѣсть и вытоптать и, падая на землю, она каждый годъ увеличиваетъ количество чернозема. Когда взглянешь на вспаханное поле, особенно тотчасъ послѣ дождя, оно чернѣетъ рѣшительно какъ уголь, и чувствуешь, что въ немъ скрыто много жизненной силы, много тучной пищи для растеній.

Сообразимъ теперь все: климатъ въ Украинѣхъ хорошій, рѣкъ много, земля тучная, по большей части ровная; чѣмъ же тутъ естественнѣе всего было заниматься человекѣку? Что ему всего удобнѣй, выгоднѣй, что можетъ доставлять больше средствъ жить и наслаждаться жизнію? Малороссійскій край очень богатъ естественными произведеніями растительнаго царства: яблоки, вишни, сливы, черешни, груши, грецкіе орѣхи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ абрикосы растутъ или въ дикомъ состояніи, или въ садахъ, которые часто простираются на нѣсколько верстъ. Обширныя поля засѣваются огурцами, тыквами, дынями, арбузами. Всѣ это зрѣетъ на открытомъ воздухѣ, безъ парниковъ, почти безъ присмотра: сѣмена брошены въ землю, не всегда даже заботливо разрыхленную, и дѣло кончено со

стороны человека; остальное все предоставляется дождю и солнцу; развѣ только придется иногда выполоть сорныя травы. Эти плоды и овощи употребляются жителями и для себя въ домашнемъ быту, и на продажу. Сюда же надо отнести и табакъ разныхъ сортовъ—простой, нисшій, называемый махоркой, турецкій и американскій. Онъ сдѣлался общеою потребностью малороссіянъ.

Но самое существенное богатство Малороссіи составляютъ хлѣбопашество и скотоводство. Не видавъ, трудно вообразить себѣ чудную производительность тамошнихъ полей: ячень, рожь, конопля, лень, кукуруза, пшено, особенно пшеница—съ такими длинными колосьями, съ такимъ крупнымъ и тяжелымъ зерномъ, что вчужѣ наслаждаешься этими золотыми жатвами.

Для скота — приволье: травы бездна. Поэтому разводятся табуны лошадей и стада рогатаго скота, преимущественно овецъ. Иногда бываетъ ихъ въ стадѣ по нѣскольку тысячъ головъ. Ихъ тѣсныя массы, издали кажушіяся сплошными, рѣзко отдѣляются отъ зеленой степи и движутся, будто какія-то озера; около нихъ лежатъ, или рыщутъ разумныя овчарки; подлѣ, гдѣ-нибудь на возвышеніи, на прежнемъ сторожевомъ курганѣ, или на заросшей травою могилѣ казака, стоитъ, опершись на палку, смуглый, загорѣлый, молчаливый парень, съ но-

жомъ, и въ былое время—съ пистолетомъ за поясомъ. Нестройное, шумное, то звонкое, то хрипкое блеянье овецъ, изрѣдка лай собакъ, сливается съ глухимъ шопотомъ и ропотомъ травы и замираетъ въ дали необозримой пустыни. Солнце между тѣмъ льетъ свободно свой жаркій свѣтъ и заливаеъ море зелени, мерцаая тысячами оттѣнковъ на зыби колышущейся травы и цвѣтовъ. Это чудная, неизобразимая картина кочеваго, патріархальнаго быта народовъ. Кромѣ своей внѣшней, живописной стороны, она чрезвычайно радуеъ, когда подумаешь о благосостояніи и довольствѣ, которое доставляетъ краю то неисчислимое количество тучныхъ, веселыхъ, то курчавыхъ, то длинно-рунныхъ барановъ. А оно, въ буквальномъ смыслѣ, неисчислимо: точнаго счета, чтобъ не ошибаться пяtkомъ, или десяткомъ, вести нѣтъ возможности; ихъ считаютъ обыкновенно по *законамъ*; въ тотъ, или другой загонъ входитъ извѣстное число овецъ; загонъ полонъ — значить, тамъ столько-то сотъ; о нѣсколькихъ баранахъ толковать нечего.

Прибавку, и весьма значительную, къ этому богатству, доставляемому плодами, овощами, хлѣбомъ и скотомъ, составляютъ рыба и дичь. Въ рѣкахъ малороссійскихъ множество рыбы, отъ самой обыкновенной и мелкой, каковы—плотва, окуни, на-

лимы, щуки, до лучшихъ и крупныхъ породъ—стерлядей и осетровъ.

Звѣрямъ тоже—приволье; конечно, медвѣдей и волковъ не такъ много, какъ въ лѣсныхъ мѣстахъ; но въ прибрежныхъ камышахъ, у рѣкъ и острововъ, стадами водятся кабаны, въ кустарникахъ—дикія козы, а лисицы и зайцы шныряютъ по всей степи, по бахчамъ, садамъ и огородамъ, сплошь и рядомъ случается, что забѣгаютъ на дворъ, или въ сарай. Зимой отъ зайцевъ надобно брать особенныя предосторожности; а то погложутъ все деревья, истребятъ цѣлый садъ.

Дикія птицы въ Малороссіи — двухъ родовъ: перелетныя и туземныя, которыя тамъ постоянно водятся, или, прилетѣвъ, остаются до зимы, а на зиму улетаютъ. Первыя появляются въ началѣ весны и осени. Это—все водяныя, или болотныя птицы—гуси, лебеди, утки и разныхъ цвѣтовъ и носовъ бекасы. Онѣ, точно какъ по рсписанію, летятъ, можно сказать, караванами, каждая порода въ свое время, будто опасаясь мѣшать другъ другу. Ихъ ужъ такъ и ждуть въ означенную пору. И налетаютъ ихъ темныя тучи, особенно осенью. Лужи, озера, рѣчки, побережья, или топкія и влажныя мѣста покрываются ими, такъ что, случается, воды и травы не видно; только видишь тысячи головокъ, крыльевъ, спинокъ и ногъ; кишмя кишать—

и крикомъ, гоготаньемъ, пискомъ, шелканьемъ, шумомъ и свистомъ крыльевъ наполняютъ воздухъ; особенно на утренней и вечерней зарѣ, это такой говоръ, что даже малороссіянинъ, привыкшій къ этому съ дѣтства, выходя на работу, на минуту остановится и скажетъ: «экъ разговорились, точно бабы! А что говорятъ, и не знаешь!»

Туземныя птицы—все, разумѣется, степныя: дикіе голуби, или витютни, горлинки, куропатки, перепелки, стрепета, драхвы и тетерева; ягоды, которыхъ выбрать людямъ, конечно, нѣтъ никакой возможности, хлѣба, зерна которыхъ осыпаются въ большомъ количествѣ, доставляютъ этимъ летучимъ племенамъ питательный кормъ съ избыткомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ перепелки, откармливаются такъ, что подь осень едва могутъ летать отъ жиру. Часто по ночамъ ихъ накрываютъ сѣтками. Куропатки и драхвы держатся огромными стадами, по нѣскольку десятковъ; въ степи, или на сжатомъ полѣ, онѣ безпрестанно взлетаютъ, почти изъ-подъ ногъ и за нѣсколько шаговъ садятся опять. Впрочемъ драхвы, въ которыхъ уже стрѣляли нѣсколько разъ, становятся осторожными и близко не подпускаютъ къ себѣ человѣка, когда онъ идетъ на нихъ прямо. Охотятся за ними тогда такимъ образомъ: запрягаютъ лошадей въ телѣгу; по краямъ телѣги втыкаютъ вѣтви калины; бузины, или

еще какихъ-нибудь кустовъ, и начинаютъ дѣлать круги около стада драхвъ, подвигаясь очень медленно и все стягивая кругъ тѣснѣй и тѣснѣй; птицы не взлетаютъ, но начинаютъ ближе жаться одна къ другой; подѣхавъ на надлежащее разстояніе, охотникъ стрѣляетъ въ кучу и обыкновенно убиваетъ штуки двѣ, три. Это птицы съ крупнымъ и крѣпкимъ перомъ, величиной съ индѣйку; стрѣлять ихъ надо картечью; дробью не пробьешь.

Мелкихъ птичекъ—воробьевъ, чечетокъ, овсянокъ, зябликовъ, дроздовъ, скворцовъ и другихъ—несмѣтные рои. Дрозды и скворцы, какъ перелетныя птицы, осенью собираются многочисленными стадами. На перелетѣ, останавливаясь кормиться, они такъ обсыпаютъ, такъ унижаютъ рябину, черешню, или калину, что за ними ни вѣтвей, ни листьевъ почти не видно, и кругомъ на большой полосѣ земли копышатся чуть не сплошною массой. За ними никто не охотится; ихъ можно-бъ было потысячамъ ловить сѣтьми; но этимъ никто не занимается; да и охотой за дичью, болѣе крупною, занимаются не какъ промысломъ, а какъ забавой или, ужъ много, если—какъ средствомъ для пополненія стола лакомымъ блюдомъ.

Значительная выгода въ Малороссіи получается отъ пчель. Пчелы тамъ водятся или въ дивомъ со-

стояніи, въ дуплахъ деревьевъ, или въ ульяхъ, которые ставятся на деревьяхъ, или наконецъ въ пчельникахъ. Пчель дикихъ теперь ужъ немного; ульи, которые ставятся въ видѣ ловушки для залетныхъ роевъ, долгое время, а иногда и до совершеннаго ислѣнія остаются пустыми. Но пчельники, съ большимъ количествомъ ульевъ, еще попадаются часто, и малороссіане занимаются пчеловодствомъ съ любовью и знаніемъ дѣла. Пчельникъ, или пасѣка устраивается или на огородѣ, подлѣ дома, или гдѣ-нибудь въ тихомъ и уютномъ мѣстѣ, у пригорья, у лѣса, среди поля. Тамъ обыкновенно устраивается маленькая хатка, обсаживается кругомъ вишнями, черешнями, яблонями, смородиной и другими кустарными растеніями; подъ ними, на солнышкѣ, на сухомъ мѣстѣ ставятся ульи. Когда зацвѣтутъ деревья, поля вокругъ заестрѣютъ, съ нихъ повѣетъ весеннимъ ароматомъ, начнется отъ зари до зари нескончаемая, неумолкающая работа пчель, пасѣки представляютъ видъ чрезвычайно мирнаго, успокоительнаго пустынножительства. Но тотъ, кто умѣетъ хорошо вести дѣло, т. е. знаетъ свойства и привычки пчель, бережетъ ихъ отъ мокроты и холода, по пусту не тревожитъ ихъ и защищаетъ отъ тревоги, тотъ, проведя весну, лѣто и даже нѣсколько недѣль еще теплой и несовсѣмъ увядшей осени, на зиму приноситъ порядочный за-

пасъ сотовъ; изъ нихъ все идетъ впрокъ—и медь, и воскъ.

Но теперь и въ Малороссіи сѣютъ очень много свеклы; изъ нея добывается сахаръ; съ каждымъ годомъ сахарныхъ заводовъ становится все больше и больше. Пчеловодство упадаетъ, и со временемъ о живописныхъ, цвѣтущихъ, уединенныхъ пасѣкахъ останется одно поэтическое воспоминаніе.

О томъ, какія богатства находятся въ Малороссіи подъ землею, еще мало извѣстно; до этого надобно докапываться наукой; а учатся у насъ въ Россіи еще мало, неохотно, поверхностно. Малороссіянинъ, равно какъ и великороссіянинъ, мечтаетъ о кладахъ — о бочкахъ, или, по крайней мѣрѣ, боченкахъ золота, зарытыхъ въ землю. Ему хотѣлось-бы безъ труда напасть на нихъ, откопать и вдругъ разбогатѣть; а объ отыскиваньи каменнаго угля, сѣры, желѣза, лабратора и другихъ ископаемыхъ ему и на умъ не приходитъ. Поучимся, поработаемъ, тогда и увидимъ, что тамъ хорошаго въ малороссійской землѣ, которая такъ хороша снаружи.

Славный народъ малороссіяне. Они, какъ великоруссы, поляки, чехи, или богемцы, сербы и болгары, принадлежать къ славянскому племени. По наружности они рѣзко отличаются отъ своихъ сѣверныхъ единоплеменниковъ; въ очеркѣ лица у

нихъ есть что-то азіатское, напоминающее частію татаръ, частію турокъ, но облагороженное природнымъ типомъ; волосы у нихъ темные, иногда совсѣмъ черные, глаза чаще всего каріе, черты лица если не всегда правильныя, за то всегда энергическія, крупныя, выразительныя; росту они вообще не высокаго, но хорошо сложены, крѣпки, широкоплечи, въ движеніяхъ неторопливы, степенны и важны; взглядъ у нихъ смѣлый, хотя они не имѣютъ обыкновенія назойливо упираться глазами въ глаза того, съ кѣмъ говорятъ, да и небольшіе охотники до разговоровъ; малороссіянки отличаются замѣчательною красотою, живостію и веселостію; но эта живость никогда не переходитъ въ бойкость и нескромность.

Умъ у малороссіянина наблюдательный, строгій, способный къ продолжительному и упорному труду; если не быстро, за то отчетливо и основательно понимаетъ онъ вещи; его не обморочишь, какъ француза, пустою фразой. Онъ внимательно вслушивается въ то, что ему говорятъ; вы ужъ бончили, а онъ все еще, кажется, ждетъ, не прибавите-ль вы чего-нибудь, и будто съ усиліемъ вдумывается въ ваши слова, будто допрашиваетъ мысленно каждое изъ нихъ, нѣтъ ли въ немъ какого-нибудь скрытаго смысла, не того, который представляется съ перваго взгляда. Чужой рѣчи

онъ никогда не перебиваетъ, можетъ быть изъ вѣжливости, можетъ быть изъ желанія дослушать до конца.

Въ лицѣ малороссіянина есть что-то серьезное и даже задумчивое. Судя по молчаливости, медленнымъ движеніямъ, отрывочнымъ вопросамъ и отвѣтамъ, которые состоятъ иногда только въ восклицаніяхъ, малороссіянина нѣкоторые считаютъ безчувственнымъ, апатическимъ; нѣтъ, въ немъ много чувства, сильнаго и глубокаго, которое разгорается иногда въ пламенную, въ продолженіи цѣлой жизни неугасающую страсть. Онъ живо сочувствуетъ поэтическимъ чертамъ своего края, до самой старости своей сохраняетъ дѣтски-нѣжную и почтительную любовь къ отцу, матери, нянѣ, памяти и могиламъ своихъ предковъ. Подружившись и побратавшись съ кѣмъ-нибудь, онъ уже навсегда останется его другомъ и братомъ, хоть-бы пришлось умирать за него, или подвергнуться пыткамъ.

Характера малороссіянинъ твердаго до упорства, до фанатизма: онъ не скоро рѣшится на что-нибудь, не скоро за что-нибудь примется, но ужъ что затѣетъ, къ тому идетъ неуклонно и съ ожесточеніемъ бьется противъ всѣхъ препятствій, которыя ему встрѣчаются. Поставить на своемъ онъ считаетъ честью, обязанностію и наслаженіемъ. Одолженія и обиды не забываетъ до могилы и ча-

сто, умирая, дѣтямъ своимъ завѣщаетъ свою любовь и месть.

Онѣ недовѣрчивы. Пренія битвы съ татарами, турками, поляками, пренія отношенія съ великороссіянами, развили въ малороссіянинѣ это свойство, которое такъ и переходитъ въ крови, по наслѣдству, отъ дѣдовъ ко внукамъ. Малороссіянинѣ подозрительно смотритъ на всякаго чужаго чело-вѣка и неохотно допуститъ его въ свою хату; но убѣдившись, что у васъ нѣтъ на умѣ ничего дурнаго, онѣ приметъ васъ съ большимъ радушіемъ, будетъ угощать всѣмъ, что есть у него лучшаго; отказаться отъ гостепрїимства, отъ угощенія, значило бы жестоко оскорбить его и снова навлечь на себя подозрѣніе.

Въ пренія времена, когда казаки, воюя съ татарами, турками и поляками, прїобрѣтали грабежомъ огромныя богатства, гостепрїимство въ Украинѣ выражалось иногда очень страннымъ образомъ: въ какой-нибудь семейный праздникъ — по случаю своихъ именинъ, или именинъ жены, по случаю рожденія сына, счастливаго окончанія полевыхъ работъ въ урожайное лѣто и т. п., хозяинъ дома выкатывалъ нѣсколько боченковъ водки и наливокъ, выносилъ хлѣба и всякихъ съѣстныхъ припасовъ, останавливалъ всякаго проѣзжающаго, безъ различія состояній, объявлялъ ему причину своего

веселья и начиналъ его потчивать. Отказаться было невозможно. Иной, выпивъ чарку, отправлялся своею дорогою; другіе оставались гостить сколько душѣ было угодно. Нерѣдко собиралось гостей какъ на ярмаркѣ; верховыя лошади и повозки загроужали дорогу и располагались вокругъ дома; случалась и музыка: хозяинъ и гости принимались пѣть и плясать; иные оставались тутъ же ночевать, ложась гдѣ попало — на дворѣ, въ сараяхъ, у плетней, подъ деревьями, подъ открытымъ небомъ. Это былъ совершенный таборъ. Чѣмъ больше пили, чѣмъ дольше веселились, тѣмъ больше чести хозяину. Когда малороссіяне заняли нѣкоторыя привычки у поляковъ, у богатыхъ людей на дворѣ стояли вкопанные въ землю столбы съ желѣзными, мѣдными и серебряными кольцами, для привязи верховыхъ лошадей: желѣзные кольца назначались для крестьянъ, мѣдные для мѣщанъ и торговцевъ, серебряныя для чиновныхъ людей — атамановъ кошевыхъ, куренныхъ, полковниковъ и проч. Но попойки были общія — всѣ пили до упаду. Хозяинъ радовался, когда видѣлъ, что кто-нибудь сваливался съ ногъ.

Теперь у малороссіянина все пріобрѣтается трудомъ, иногда очень тяжкимъ; привычки измѣнились; но духъ гостепрѣимства сохранился въ простомъ народѣ. Малороссъ до сихъ поръ сердечно

радъ случаю угостить кого-нибудь, разумѣется если имѣть къ нему довѣренность, если не боится насилія, обиды, или пренебреженія. Вотъ что, между прочимъ, рассказываетъ г. Аванасьевъ-Чужбинскій въ своей, въ высшей степени любопытной, *«Польздкѣ въ южную Россію»*: «Въ иной избѣ, на видъ небольшой и незначающей особаго достатка, мнѣ случалось встрѣчать три кушанья, приготовленные въ изобиліи, такъ что хозяйка, кромѣ семьи, могла-бы угостить двухъ постороннихъ. И какъ это вкусно приготовлено! А главное—съ какимъ радушіемъ предлагаются лучше куски посетителю, безъ всякой запасной мысли; потому что предложить плату за обѣдъ, на который вы попали случайно и сѣли по усиленной просьбѣ, значитъ обидѣть добрыхъ людей, исполняющихъ долгъ гостепріимства.

«Поѣхали мы однажды ловить рыбу съ однимъ старикомъ. Онъ взялъ сѣти, я—свои удочки, и мы съ утра удалились въ тотъ лабиринтъ протоковъ, которымъ нерѣдко очень кстати пользовались запорожцы. Отправляясь въ продолжительную экспедицію, я положилъ себѣ хлѣба и жаренаго цыпленка, запасшись, какъ водится, сигарами.... Намъ приходилось проѣзжать множество извилистыхъ протоковъ. Изъ рѣчки Сысины мы вѣхали въ плавни и пошли колесить по озерамъ и *бакаямъ*, какъ на-

зываютъ ручьи у мѣстныхъ жителей. Иногда мы останавливались на широкихъ водахъ разлива, подъ тѣсно вѣковыхъ деревьевъ....

«Бесѣдуя и занимаясь ловлею рыбы, мы пробыли на водѣ до вечера, такъ что, израсходовавъ свой запасъ сытнаго, я почувствовалъ порядочный голодъ и началъ торопить дѣда возвращеніемъ. Мы приплыли къ берегу далеко отъ моей квартиры. Поблагодаривъ старика за доставленное мнѣ удовольствіе и захвативъ свою маленькую добычу, я хотѣлъ было идти домой; но рыбакъ снялъ шапку и низко мнѣ поклонился.

«— Вы жаловались на голодъ, сказалъ онъ: я не могъ предложить вамъ ничего, кромѣ хлѣба; а теперь, вѣроятно, баба моя наварила вечерять. Не побрезгайте!

«Разумѣется, я и послѣ сытнаго обѣда не преминулъ бы воспользоваться обязательнымъ приглашеніемъ.... Ужинъ былъ уже приготовленъ, и грубая деревенская скатерть разостлана на дворѣ, передъ порогомъ, на которой лежали ложки и куски хлѣба. Старикъ велѣлъ было вынести для меня скамеечку, но я поблагодарилъ, желая казаться какъ можно проще въ моихъ привычкахъ.

«Хозяйская дочь, посовѣтовавшись однако же съ матерью, положила, собственно передо мною, чистое полотенце, исправляющее должность салфетки,

тогда какъ для всѣхъ вообще служилъ одинъ ручникъ, какъ видно, бывшій уже въ употребленіи. Наконецъ, всѣ мы усѣлись за столъ, или вѣрнѣе, за скатерть, кому какъ удобнѣе....

«Старикъ велѣлъ женѣ попотчевать гостя. — Охъ, лишенько: яѣ забула! вскрикнула старушка, отправилась въ хату и вынесла разрисованный штофчикъ.... Я не пью водки; зная однакоже, что отказъ огорчить хозяевъ, принужденъ былъ отвѣдать глотокъ, и только когда побожился, что не употребляю, тогда меня уволили. Выпили старикъ, старуха, сынъ ихъ и жена послѣдняго, вдова, дочь стариковъ, отказалась; дѣвушкамъ не предлагали... Слѣдовало обычное предисловіе, что я буду голоденъ, что крестьянскій ужинъ извѣстно какой, и т. д. Наконецъ передъ нами поставили двѣ миски дымящейся ухи, пріятнаго запаха, со свѣжею рыбою.... Хлѣбъ лежалъ большими ломтями, свѣжій и хорошо выпеченный.... За рыбой послѣдовала молочная каша, которая немного отзывалась дымомъ, но это качество для меня имѣетъ особенную пріятность на свѣжемъ воздухѣ.... Наконецъ, всѣ встали, помолились, и каждый членъ семейства выразилъ свою благодарность старикамъ; я тоже сказалъ послѣднимъ свое спасибо.

«— Богу! было отвѣтомъ старика и старухи. Это—малорусскій лаконизмъ; здѣсь подразумѣваетъ

ся: «меня дякувать нізащо; дякуйте *Богу* (меня благодарить не за что; благодарите Бога)».

«Какъ гость, знающій приличія, я посидѣлъ еще нѣсколько времени съ крестьянами и пошелъ, осыпаясь благодарностью всей семьи за то, что не побрезгалъ хлѣбомъ и солью».

Не надобно думать, что малороссіянинъ добивается чести принять къ себѣ въ гости барина, благороднаго, чиновника, что онъ этимъ будетъ тщеславиться передъ другими крестьянами; нѣтъ, онъ приметъ васъ потому, что считаетъ васъ *добрымъ* человѣкомъ, что хочетъ оказать вамъ услугу, что въ этомъ находитъ для себя наслажденіе.

Можетъ быть, и въ Европѣ, еще не вездѣ угасло это святое чувство, выражающее безотчетное сознаніе того, что человѣкъ человѣку братъ и членъ одной семьи; по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ Германіи и Франціи, даже по деревнямъ, довольно далекимъ отъ городовъ, его нѣтъ ни искры: тамъ не дадутъ глотка воды даромъ, потребуютъ денегъ, если ваше утомленное и больное дитя на минуту сядетъ на траву, чтобы отдохнуть; укажутъ вамъ дорогу — и ужъ тотчасъ платите за трудъ, за услугу: палецъ для васъ подняли, языкомъ шевельнули. А иногда привяжется къ вамъ какой-нибудь господинъ (тамъ все господа — господинъ нищій, господинъ палачъ, господинъ воръ),

указываетъ вамъ мѣста, которыя вы и безъ него знаете, отворяетъ дверцы вашей наемной кареты— въ чемъ вы нисколько не нуждаетесь, подхватываетъ васъ подъ руки, хотя вы совсѣмъ терпѣть не можете этихъ вѣжностей, толкуетъ вамъ вещи, которыя вамъ извѣстны лучше, чѣмъ ему, словомъ— надоѣдаетъ вамъ самымъ вахальнымъ образомъ, и потомъ за подобное одолженіе начнетъ требовать платы, иногда очень значительной. Авось, Богъ дастъ, что у насъ не скоро заведутся такіе промышленники, такіе обязательные люди!

Въ языкѣ и манерахъ малороссіянина нѣтъ ничего подобострастнаго, рабскаго; онъ не любитъ разсыпаться въ вѣжливостяхъ; напротивъ, въ немъ есть какая-то небрежность, даже угловатость и необтесанность въ обращеніи; но въ немъ нѣтъ ни дерзости, ни желанія стать въ слишкомъ короткія отношенія съ человѣкомъ, котораго онъ считаетъ выше себя по состоянію и образованности. Говоря вообще, онъ почителевъ изъ чувства своего достоинства, равно какъ изъ желанія, чтобы и съ нимъ обращались также, если не почтительно, то, по крайней мѣрѣ, безобидно.

Малороссійскіе крестьяне и между собою обращаются вѣжливо: «вы, господа, милости просимъ, пожалуйста, не обидьте,» подобныя выраженія—у нихъ обыкновенныя формы рѣчи. У велико-

русскихъ крестьянъ безпрестанно слышатся отвратительныя, грязныя выраженія, ужъ не говоря о ссорѣ, но даже въ шуткѣ и ласкѣ. Грубость нашего простаго народа въ этомъ отношеніи возмутительна. Въ разговорѣ малороссіянина, особенно въ присутствіи женщинъ, ничего подобнаго нѣтъ. А ласки у нихъ, особенно у женщинъ, исполнены глубокой нѣжности и поэзіи, отзывающейся свѣжестью впечатлѣній степной природы и простодушнаго патріархальнаго быта. «Звѣздочка моя, горлинка, перепелочка, рыбка, подсыѣжничекъ, орелъ, дубъ зеленый» — ихъ обыкновенныя ласкательныя имена. Впрочемъ, малороссіянинъ не держится общепринятыхъ, всѣми употребляемыхъ выраженій и беретъ первый предметъ, какой представится ему больше способнымъ для выраженія его чувства; такъ намъ однажды случилось слышать, какъ отецъ, хваля своего сына, называлъ его то молодымъ воломъ, то цѣпомъ, то кузнечнымъ молотомъ.

Малороссіянинъ очень набоженъ: онъ строго соблюдаетъ посты, охотно ходитъ въ церковь, слушаетъ внимательно службу, во время молитвы не станетъ разговаривать съ сосѣдомъ, не сядетъ за столъ, не примется за работу не перекрестившись, и, крестясь, не скажетъ ни одного не только неприличнаго, но даже никакого посторонняго слова. Кіевъ для него — святой городъ. Малороссіянинъ

любить о немъ рассказывать, или слушать рассказы, и рѣдко кто изъ малороссіянъ, особенно подъ старость, хоть разъ въ жизни не съѣздитъ, или не сходитъ въ Кіевъ на богомолье.

Образованія между простымъ народомъ въ Малороссіи очень мало, поэтому много странныхъ понятій и предрасудковъ, которые въ теченіи времени такъ вкоренились, что сдѣлались неопровержимыми повѣрьями; не признавать этихъ повѣрій, возставать противъ нихъ, въ глазахъ малороссійскаго простолюдина тоже, что не вѣровать въ Бога. Но и въ этихъ предрасудкахъ проглядываетъ религіозное чувство малороссіянина: все у него располагается, большею частію, по церковнымъ праздникамъ: такъ, на примѣръ, по его мнѣнію, въ день Св. Евдокіи, 1-го марта, байбакъ просыпается отъ зимняго сна, выходитъ изъ норы и въ первый разъ начинаетъ свистѣть; въ день сорока мучениковъ, 9-го марта, сорока вьетъ гнѣздо и кладетъ для постройки его сорокъ палочекъ; птица, которая будетъ вить гнѣздо въ день Благовѣщенія, наказывается тѣмъ, что крылья не держатъ ея на воздухѣ, она даже не можетъ подняться съ мѣста и можетъ только ходить; въ день Георгія Побѣдоносца начинаетъ пѣть соловей; если до Георгія закукуетъ кукушка, а деревья еще не развернулись — худо дѣло: много будетъ больнаго

народу и падежь скота; въ полночь подъ Ивановъ день цвѣтетъ папоротникъ: сперва показывается маленькая почка, свѣтлая какъ искорка; она прыгаетъ по цвѣтку и все увеличивается и становится ярче, наконецъ дѣлается велика и красна, какъ раскаленный уголь, ровно въ 12 часовъ съ трескомъ развертывается и далеко освѣщаетъ кругомъ всѣ предметы; но въ то же мгновеніе цвѣтокъ срываетъ нечистая сила. Кто хочетъ добыть этотъ огненный цвѣтокъ, тотъ долженъ отправиться въ поле одинъ, еще съ вечера, стать подлѣ папоротника и очертить около себя и около него кругъ; только ненадобно оглядываться назадъ, кто бы тамъ ни звалъ, чтобы тамъ ни кричало, ни выло, ни шумѣло, ни грозило; а оглянешься — голова такъ навсегда и останется, какъ ее повернулъ, да и нечистая сила успѣетъ схватить цвѣтокъ и унести. Сорвавъ цвѣтокъ, можно съ нимъ отыскивать клады, нечистой силѣ давать приказанія, дѣлаться невидимкою, переноситься съ одного мѣста на другое, ходить по водѣ, усмирять бурю, словомъ, дѣлать все, что захочешь. Кладъ съ цвѣткомъ папоротника добываютъ такимъ образомъ: бросаютъ цвѣтокъ вверхъ; онъ нѣсколько времени носится по воздуху, сверкаетъ и будто высматриваетъ, гдѣ лежитъ сокровище, потомъ падаетъ на землю. Тутъ, думаютъ малороссіяне, навѣрное, кладъ и его не-

премѣнно достанешь: цвѣтокъ поможетъ, силу такую даетъ. Человѣку такъ заманчиво разбогатѣть вдругъ, ничего не дѣлая, что иногда не только молодые парни, но и очень благоразумные старики съ нетерпѣніемъ ждутъ Иванова дня и втихомолку отъ всѣхъ отправляются подстергать, какъ зацвѣтеть папоротникъ. Только всегда выходитъ, что папоротникъ или ужъ устарѣлъ и не цвѣтетъ больше, или еще молодъ и не даетъ волшебнаго цвѣту. Въ день Воздвиженія Животворящаго Креста птицы начинаютъ улетать, а змѣи уползать въ *вырай*. Это, должно быть, испорченное слово «рай.» *Вырай*, по суетвѣрнымъ понятіямъ малороссіянь, есть прекрасная, роскошная, вѣчно свѣтлая, теплая и цвѣтущая страна, гдѣ-то чрезвычайно далеко, у какого-то неизвѣстнаго моря. Ее знаютъ только однѣ птицы и змѣи. Ключи отъ дверей, или воротъ этого чудеснаго жилища находятся у кукушки. Поэтому она первая оттуда улетаетъ и туда возвращается. Змѣи влѣзаютъ въ *вырай* по деревьямъ. Змѣя, которая укуситъ человѣка, лишается этого счастливаго края; она остается здѣсь терпѣть холодъ.

Есть еще множество повѣрій и большая часть изъ нихъ относится къ числамъ тѣхъ дней, которые празднуются церковью.

— Тамъ, гдѣ земля очень плодородна, гдѣ стоитъ

только мало-мальски вскопать землю, посеять хлѣбъ, и надѣйся богатой, золотой жатвы, гдѣ на открытомъ воздухѣ можетъ расти виноградъ, смоквы и другія плодовые деревья и кусты, человекъ не ставеть убиваться надъ работою съ утра до вечера: ему нѣтъ въ этомъ надобности, если онъ необразованъ, если у него нѣтъ потребностей образованнаго человека, чтобы, на примѣръ, имѣть книгу, картину, музыкальный инструментъ, отправиться путешествовать, заготовить побольше деньгами для заведенія общественной библіотеки, школы, больницы, типографіи и т. д. Малороссіянинъ работаетъ, конечно, меньше великороссіянина, имѣеть больше досуга, больше праздниковъ: но назвать его лѣнливымъ нельзя ни въ какомъ случаѣ. Онъ работаетъ усердно, неутомимо и честно, не какъ-нибудь. Главныя работы крестьянина малороссійскаго — земледѣліе и сѣнокосъ. Скотоводство нельзя назвать работою: оно требуетъ только присмотра и знанія. Землю обрабатываетъ малороссіянинъ большими и тяжелыми плугами, на волахъ. Иногда запрягаетъ въ плугъ нѣсколько паръ воловъ — пары четыре, пять и больше. Часто это бываетъ необходимо; потому что отъ большихъ жаровъ земля засыхаетъ такъ, что маленькимъ плугомъ ея не возьмешь; къ тому же, не удобряя поля, малороссіянинъ часто принимается вздирать землю,

давно непаханную, проросшую крѣпкими корнями сильныхъ травъ и кустовъ. Весьма занимательна эта первая пропашка новой земли: плугъ глубоко врѣзывается въ закаменѣвшую почву; она трещитъ, коренья лопаются, огромныя глыбы отваливаются на сторону и открывается широкая и глубокая черная борозда. Загорѣлый, плечистый малороссіянинъ, безъ суетливости, важно и повелительно покрикиваетъ на воловъ; а они бредутъ ровнымъ, мѣрнымъ шагомъ, останавливаясь только тогда, когда ужъ, дѣйствительно, пѣтъ возможности двинуться дальше. Покрикая громко, малороссіянинъ ободряетъ ихъ, хвалитъ, иногда прибраниваетъ, никогда однакожь не употребляя грубыхъ выраженій и сильныхъ побоевъ. Онъ вообще къ воламъ имѣетъ сочувствіе и смѣется надъ колонистами, которые пашутъ на лошадяхъ. Онъ даже нерѣдко импровизируетъ пѣсню, обращаясь къ воламъ; въ задумчивости и важномъ тонѣ такой пѣсни есть что-то трогательное и вмѣстѣ забавное. Онъ смотритъ на него какъ на товарища своихъ трудовъ, какъ на друга, содѣйствующаго его благосостоянію. Въ этомъ отношеніи привязанность его походить на привязанность араба къ своему кою. Богатство и довольство малороссіянина можно измѣрять количествомъ воловъ, которыми онъ владѣетъ. Малороссіяне очень услужливы другъ къ другу и у нихъ много духа

общительности и благоразумія; поэтому случается, что бѣдные люди, которымъ было-бы неудобно работать въ одиночку, даютъ другъ другу своихъ воловъ и съобща вспахиваютъ свои поля. Работа идетъ скорѣй и лучше.

Обработкой земли занимаются одни мужічины, сѣнокосомъ тоже. Такъ какъ уборка сѣна требуетъ поспѣшности, то она почти всегда производится, какъ у насъ говорятъ, *толоками*, или *помочью*. Хозяинъ приглашаетъ къ себѣ ватагу косцовъ. Они выбираютъ себѣ предводителя, или атамана. Это бываетъ обыкновенно крѣпкій, проворный и опытный усачъ, часто весельчакъ и балагуръ. Онъ распоряжается косьбой, распредѣляетъ ряды косцовъ, указываетъ мѣсто, откуда начинать, гдѣ останавливаться для отдыха, гдѣ сѣно складывать въ стога и т. д. Несмотря на то, что сѣнокосъ есть одна изъ самыхъ утомительныхъ работъ, малороссіяне отправляются на нее съ большимъ удовольствіемъ. Это бываетъ въ степи, отъ деревни верстъ за пять, за десять и болѣе. Туда отправляются обыкновенно на ночь. Это шумный, веселый и говорливый таборъ. Выбираютъ курганъ, или побережье рѣчки, покрытое кустарникомъ, разставляютъ телѣги съ съѣстными припасами—хлѣбомъ, саломъ, масломъ, крупю, рыбой и непременно съ боченками горѣлки, устраиваютъ походную кузницу для

отбиванья кось, печь, выкапываютъ ямы, разводять въ нихъ огонь, надъ нимъ, на треногихъ подставкахъ, вѣшаютъ котлы и поручаютъ приготовленье кушанья опытной и расторопной кухаркѣ. За работу принимаются чѣмъ свѣтъ, однакожь всегда позавтракавши и выпивъ по крѣпкой чаркѣ водки. Съ утреннею свѣжестью работа кипитъ живо, бойко; атаманъ покрикиваетъ, пошучиваетъ; косы звенять, потъ катится градомъ; у иного и плечи ужъ болятъ, и поясницу ломить, но стыдно отстать отъ товарищей, и онъ бьется изо всѣхъ силъ. Но вотъ ужъ и всѣ устали; солнце печетъ; часовъ десять дня; надо отдохнуть. То тотъ, то другой поглядываетъ на курганъ, гдѣ курятся огни, и вдругъ почти въ одинъ голосъ вскрикиваютъ: «пора, конечно, шабашъ!» На шестѣ показалась шапка; значитъ, обѣдъ готовъ. Хозяинъ особенно заботится, чтобы всѣ были сыты и довольны кушаньемъ, чтобы оно пришло въ всѣмъ по вкусу. Послѣ обѣда всѣ спать часа два, потомъ опять за работу; часа въ четыре, — снова отдыхъ и полдникъ; а потомъ ужъ безъ отдыха до захожденія солнца махай рука, звени коса!

Картина эта еще больше оживляется, когда приходятъ молодыя женщины, дѣвушки и мальчики сушить и грести сѣно. Это ужъ не трудъ, а скорѣе — забава. Всѣ одѣваются, какъ на праздникъ, чисто,

опратно, щегольски; бѣлизна, хоть иногда довольно толстаго, бѣлья, вышивки разноцвѣтными шерстями и узорами, вѣнки на головахъ, цвѣты на груди; веселыя, цвѣтущія здоровымъ румянцемъ лица, шутивый разговоръ, подтруниванье другъ надъ другомъ, особенно мужчинъ надъ женщинами, а женщинъ надъ мужчинами, все это облегчаетъ работу и даетъ ей поэтическій видъ; а кругомъ — въ безконечную даль зеленѣющая и пестрѣющая степь; воздухъ наполненъ густымъ запахомъ живой и скошенной травы; жаворонки звенятъ, какъ неумолкающіе серебряные колокольчики; перепелки поминутно взлетаютъ изъ-подъ ногъ; трава пустынная меланхолически шепчетъ. И при этомъ — мысль о довольствѣ трудолюбиваго, честнаго крестьянина, о томъ, что души его ничто не растравляетъ, здоровья не губитъ преждевременно, что онъ счастливъ въ своемъ простомъ быту, на родной землѣ, подъ роднымъ теплымъ небомъ!... Настала ночь; работа дневная кончена, огни запылали ярче и далеко отбрасываютъ свѣтъ; красное зарево чуднымъ образомъ мѣшается съ зеленью травы и, неравномѣрно обливая сдѣланные изъ вѣтвей шалаши, даетъ имъ фантастическій видъ; миллионы кузнечиковъ трещатъ на всемъ пространствѣ. Начинаются пѣсни, пляска; звуки балалайки, свирѣли, глухой топотъ ногъ, звонъ косы, или котла, все это со-

ставляетъ странную, дикую, но въ высшей степени одушевляющую степную музыку. — Да, отъ души работаетъ и отъ души веселится малороссійскій крестьянинъ, когда ничто и никто ему не мѣшаетъ работать и веселиться!

Пчеловодствомъ занимаются *пасъчники*. Устройство пасѣкъ и образъ жизни въ нихъ развелись частію отъ историческихъ причинъ и до сихъ поръ сохраняютъ особенный характеръ; у запорожцевъ было странное и чрезвычайно занимательное обыкновеніе: когда кому-нибудь изъ нихъ, большею частію, подѣ старость, т. е. лѣтъ въ семьдесятъ, восемьдесятъ и больше, надоѣдало *казаковать*, онъ объявлялъ, что хочетъ разстаться со свѣтомъ, бралъ изъ общей суммы свою долю, приглашалъ своихъ пріятелей, иногда человекъ сто, и ѣхалъ въ Кіевъ прощаться съ жизнью, и назывался *прощальникомъ*. Они одѣвались великолѣпнымъ образомъ — въ красныя суконныя, штофныя и атласныя платья — всѣ въ серебрѣ и золотѣ, брали музыку, ѣздили по улицамъ города, всячески дурачились — ходили колесомъ, кувыркались черезъ голову, пѣли, плясали, перекликались дикими условными криками, которые употребляли, бросаясь въ схватку съ неприятелями, или разсыпаясь отъ нихъ по степи и буеракамъ, безпрестанно пили водку и наливки, которыя везли съ собою, и угощали многочислен-

ныхъ зрителей, вокругъ нихъ толпившихся. Прощальникъ былъ одѣтъ богаче всѣхъ, ѣхалъ на прекрасномъ конѣ, впереди, бросалъ серебро и золото музыкантамъ, иногда, увлекшись бѣшенной и дикой потѣхой, сходилъ на земь, самъ пускался плясать, накладывалъ себѣ денегъ въ прорѣзанные карманы и усыпалъ ими дорогу, въ знакъ презрѣнія къ богатству, выпачкивался въ грязь, или деготь, словомъ, сумасбродствовалъ, какъ и другіе. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ дней буйства, вся эта ватага отправлялась въ Межигорскій монастырь, верстъ двадцать отъ Кіева, и также, какъ въ городѣ, проводила въ дорогѣ дня три, четыре. На ночь эти пилигримы останавливались, конечно, подъ открытымъ небомъ, раскладывали огни и въ безумномъ хмѣлю и шумѣ проводили время. Но вотъ они подѣзжаютъ къ монастырю; умолкли всѣ, сняли шапки, молятся, вздыхаютъ; у нѣкоторыхъ выкатываются слезы. Прощальникъ отдѣляется отъ нихъ, стучится молотомъ въ ворота, объявляетъ свое намѣреніе вступить въ монашество; его принимаютъ; онъ кланяется на всѣ четыре стороны, прощается съ товарищами и исчезаетъ въ монастырѣ. Провожавшій его поѣздъ съ прежнимъ бѣшеннымъ шумомъ и крикомъ уѣзжаетъ; а новый монахъ дѣлается строгимъ, суровымъ и угрюмымъ отшельникомъ.

Иные безъ такого шума разставались съ міромъ:

брали свои деньги, селились гдѣ-нибудь въ безлюдной глуши, устраивали себѣ очень скромное жилье, вели тоже постническую жизнь, молились, читали, если были грамотны, духовныя книги, и для потѣхи своей старости заводили пчельники: медъ употребляли сами, или отдавали, кому придется, а воскъ жертвовали на церковныя свѣчи.

Теперь пасѣчниками дѣлаются тоже старики; они ведутъ также почти отшельническую жизнь, цѣлые мѣсяцы проводятъ одни одиноконьки; развѣ на день, на другой привезутъ къ нему толстенькаго правнука, когда наступитъ время подрѣзывать медъ; а то, кромѣ лепета вербъ, вишень, черешень и жужжанья пчелъ, вокругъ него не раздастся никакого живаго голоса. Пасѣчникъ и теперь очень набоженъ: уединеніе, впечатлѣнія степной природы, сосредоточенность въ самомъ себѣ, на воспомина-ніяхъ ни съ кѣмъ не раздѣляемыхъ, невольная грусть при мысли о близкой могилѣ, все пробуждаетъ въ пасѣчникѣ религіозныя чувства. Но занимаясь пчеловодствомъ, онъ въ то же время обращаетъ вниманіе на переменныя погоды, на развитіе растений и свойства ихъ, на жизнь птицъ и насѣкомыхъ, подмѣчаетъ свойства разныхъ травъ, собираетъ и сушитъ ихъ. Онъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, натуралистъ, метеорологъ и медикъ. И эта созерцательная, мирно догорающая жизнь для многихъ

малороссовъ служить свѣтлой мечтой счастливой старости. Жизнь пасѣчника, дѣйствительно, такова и есть.

Съ давнихъ поръ, лѣтъ, по крайней мѣрѣ, двѣсти назадъ, образовалось въ Украинѣ особенное сословіе — *чумаки*. Названіе ихъ происходитъ отъ слова «чума». Когда эта болѣзнь еще часто появлялась на югѣ нынѣшней Россіи, извозчики, ѣздившіе туда, для предохраненія себя отъ нея, обмакивали свое бѣлье въ деготь, высушивали его, надѣвали прямо на тѣло и такимъ образомъ отправлялись въ путь. Чумы теперь тамъ почти никогда не бываетъ, но обыкновеніе вымазываться дегтемъ сохранилось. Малороссіяне же считаютъ это необходимымъ для предохраненія себя и отъ другихъ болѣзней, а главное — отъ нечистоты, которая могла бы завестись въ бѣльѣ, во время продолжительнаго странствованія, по цѣлымъ днямъ на зноѣ, градусовъ въ 25, или 30 и больше. Эти извозчики, чумаки, живутъ иногда деревнями, особенно по берегамъ Днѣпра; земледѣіемъ или совсѣмъ не занимаются, или занимаются очень мало: некогда; да и промыселъ ихъ выгоднѣй земледѣлія. Они ѣздятъ обыкновенно въ Крымъ, на озера за солью, и на Донъ—за рыбой. Когда только что сойдетъ снѣгъ и покажется трава, которая можетъ доставлять подножный кормъ, чумаки выбираютъ

самыхъ крѣпкихъ воловъ, составляютъ караваны, или валки, нанимаютъ для каждаго каравана проводника, или атамана, запасаются всѣмъ, что можетъ понадобится въ степи для поправки телѣги и для приготовленія кушанья, берутъ даже старыхъ, опытныхъ пѣтуховъ, чтобы по крику ихъ ночью узнавать время, и тянутся по степямъ. Атаманъ идетъ впереди, указываетъ дорогу, назначаетъ мѣста для корма воловъ во время дня и для ночлега. На ночь караванъ останавливается въ открытой степи; чумаки пускаютъ воловъ пастись, сдвигаютъ телѣги кругомъ, раскладываютъ огонь и варятъ въ котелкахъ кушанье — обыкновенно кашицу съ саломъ, или съ рыбой. Въ прежнее время, когда въ степи бывало много разбойниковъ, чумаки вооружались ружьями, пистолетами, саблями, копьями и топорами. Теперь, слава Богу, это не нужно: а про всякій случай, если, неравно, нападетъ волкъ, на каждомъ возу — увѣсистая дубина. Чумаки чрезвычайно любятъ эти поѣздки: жизнь вольная, безпечная, труда никакого, нужда не чувствуется, впереди — прибыль и опять довольство и беззаботность, климатъ сухой, здоровый, и день и ночь кругомъ зелень, цвѣты и заманчивая степь, которая убаюкиваетъ душу образованнаго и необразованнаго человѣка тихими, хотя меланхолическими чувствами и мечтами. Прежде бывало большое горе

чумакамъ при переправѣ черезъ рѣки, во время весенняго разлива: мосты разобраны, или снесены, паромовъ мало; у перевоза накоплялось по нѣсколь-ку тысячъ подводъ; приходилось стоять иногда око-ло мѣсяца; цѣны на кормъ для скота поднимались неимовѣрно, за перевозъ, считавшійся бесплатнымъ, по казенному положенію, брали огромныя деньги. Теперь, говорятъ, это зло въ иныхъ мѣстахъ со-всѣмъ устранено, въ другихъ — мало-по-малу устра-няется.

Чумаки такъ привыкли къ своему ремеслу, къ своему кочеванью, что съ трудомъ и развѣ по ка-кой нибудь крайней необходимости принимались бы за другое дѣло. Даже во время войны, они, не-смотря на всѣ неудобства и опасности, отправля-лись въ Крымъ. Очевидецъ рассказываетъ, что ко-гда подъ Евпаторіей стояли непріятельскіе кораб-ли, чумаки преспокойно наѣхали къ самому бере-гу и стали накладывать соль на повозки. Англи-чане имѣли жестокосердіе и низость стрѣлять въ нихъ изъ пушекъ: когда одно ядро попало прямо въ повозку, разбило ее и ранило бѣдныхъ воловъ, оторопѣлые малороссіяне нѣсколько мгновеній мол-чали, не понимая, за что въ нихъ можно стрѣлять; наконецъ, когда провизжало еще нѣсколько ядеръ, они всполошились, начали убираться отъ берега, и одинъ изъ нихъ, оборотаясь къ кораблямъ, ска-

заль съ горькимъ попрекомъ: «а тожъ — не война, а то убивство». Говорять, что, не боясь и убивства, чумаки по ночамъ подкрадывались къ озерамъ и накладывали возы соли.

Но есть и для чумаковъ горе, вездѣ, какъ роковая, злобная тѣнь, преслѣдующее человѣка: это — болѣзнь и смерть въ степи. Лѣсовъ нигдѣ нѣтъ, днемъ страшный зной, ночью — холодныя росы; все это часто производитъ воспаленіе въ мозгу, лихорадки, или другое какое нибудь разстройство; а объ леченьи и думать нечего среди пустыни, да чумаки и не стали бы лечиться, развѣ призвалъ бы знахаря, еслибъ былъ въ деревнѣ. Къ тому же, привыкнувъ ѣсть и пить что вздумается, никогда не помышляя, что ему можетъ быть что-нибудь вредно, онъ перемогаётся, хочетъ болѣзнь одолѣть упорствомъ и силой, завемогаетъ больше и больше, и вотъ глядишь — весь караванъ остановился, вокругъ одной телѣги столпились все молча, стоять угрюмо, крестятся, шопотомъ творять молитву: товарищ ихъ отходить; онъ проситъ заочнаго благословенія у матери, отца, прощается мысленно съ сестрами, братьями, друзьями, проситъ прощенья у своихъ спутниковъ, поручаетъ имъ отвезти поклоны на родную сторону, закопать его тѣло поглубже въ могилу, чтобы звѣрь его не вырылъ, и умоляетъ не покинуть его осиротѣлыхъ воловъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, его обертываютъ рогожкой, закапываютъ гдѣ-нибудь на курганѣ, чтобъ лучше было вспомнить, но часто не могутъ поставить даже креста, потому что степь безлѣсна и во многихъ мѣстахъ въ ней не найдешь ни щепки. Остановясь въ тотъ вечеръ на ночлегъ, чумаки въ угрюмой унылости вспоминаютъ о недавно зарытомъ покойникѣ, горюютъ и, чтобы выразить свое горе, затягиваютъ старинную пѣсню, гдѣ именно описывается степь, кочевье, воли, и подобная смерть молодого чумака. Вѣрно, такихъ несчастныхъ случаевъ много бывало, или много набралось въ народной памяти, или это положеніе человѣка, умирающаго въ степи, сильно поражало воображеніе, только — бездна чумацкихъ пѣсень, въ которыхъ описываются такія картины. Но таковъ человѣкъ — поетъ про горе, а самъ лѣзетъ туда; гдѣ горе его подстерегаетъ. Впрочемъ, гдѣ оно и не подстерегаетъ насъ? По крайней мѣрѣ, въ степи рядомъ съ горемъ есть много и удовольствія.

Въ нравахъ малороссіянъ есть многія прекрасныя черты и вообще больше хорошаго, нежели дурнаго: малороссіянина упрекаютъ въ упорствѣ, неговорчивости и подозрительности; но упорство его происходитъ отъ твердости характера и сильной привязанности къ тѣмъ, или другимъ привычкамъ, съ которыми ему было удобно жить и уживаться,

съ которыми для него соединяется много дорогихъ воспоминаній; а только слободушный и холодный человѣкъ легко бросаетъ то, что и по преданіямъ старины, и по личнымъ впечатлѣніямъ дѣтства, было близко къ сердцу, что его радовало, волновало и, по отдаленности, представляется, какъ все молодое и цвѣтущее въ первые годы, въ свѣтломъ, поэтическомъ видѣ. Несговорчивъ малороссіянинъ тогда, когда ему не хотятъ чего нибудь порядочно растолковать, не хотятъ его выслушать, разобрать дѣла, а сурово и грубо приказываютъ. Подозрительность же въ малороссіянинѣ образовалась въ продолженіи многихъ столѣтій, по историческимъ причинамъ, какъ мы уже замѣтили. И теперь часто случается, что къ малороссіянамъ, для распоряженія ихъ дѣлами, пріѣзжаютъ люди, незнающіе ихъ быта, нужды и языка. Справедливо, или несправедливо, но въ великороссіянинѣ, въ москалѣ, малороссіяне всегда предполагаютъ человѣка какъ нимъ недоброжелательнаго, имъ несочувствующаго, ихъ непонимающаго; поэтому, разумѣется, отъ него и скрываются, передъ нимъ хитрятъ, лукавятъ, притворяются, будто не знаютъ о чемъ ихъ спрашиваютъ, представляютса недогадливими, дурачками какими-то. А перемѣнись отношенія, убѣдись малороссіянинъ, что ему желаютъ добра, что съ любовью и участіемъ хотятъ вникнуть въ его положеніе, чтобъ его вразу-

мать, чтобъ ему помочь работать и жить лучше, тогда, посмотрите, съ какой лаской малороссіянинъ пригласитъ васъ къ своему огню на сѣнокосѣ, или на рыбной ловлѣ, тогда его пчельникъ, его садъ, его хата и душа вамъ вполне открыты: онъ становится веселъ, шутливъ и разговорчивъ до болтливости, и вы чувствуете, сколько сердечной теплоты скрывается подъ неподвижной, на первый взглядъ, тупой и безстрастной наружностью малороссіянина.

Во времена казачества, въ Малороссіи за воровство казнили смертію; можетъ быть съ тѣхъ поръ у малороссіянъ вкоренилось правило, превратившееся въ благородную привычку: «не трогать ничего чужаго.» Воровство, какъ и справедливо, считается у нихъ самымъ постыднымъ, самымъ ненавистнымъ порокомъ. Имъ же нельзя-бъ было и уберечься отъ вора: крѣпкихъ заборовъ кругомъ двора, крѣпкихъ срубовъ для избъ и крышъ у нихъ нѣтъ и быть не можетъ, по причинѣ безлѣся. Засовы, замки и другіе знаки недоувѣрчивости къ человѣческой честности употребляются ими рѣдко. Забавно, какъ иногда малороссіянинъ, отлучаясь изъ дому, даетъ знать чужому человѣку о томъ, позволяетъ ли онъ, или не позволяетъ войти въ хату, въ отсутствіи хозяина: если дверь только затворена, а не заперта, значитъ — входи, пожалуй; если она

задвинута задвижкой, или завязана веревочкой, петлей, значитъ — хорошо, если вы не войдете, а впрочемъ, не бѣда — хозяинъ гдѣ-нибудь недалеко и, вѣрно, хоть къ ночи воротится; если-жь на двери виситъ замокъ, или веревка завязана узломъ, наглухо, — не взыщите; хозяйева куда нибудь отправились на долго; дверь его избы для васъ заперта. Малороссіяне очень понимаютъ и уважаютъ эти символическіе знаки и никогда не пользуются ими во вредъ своему ближнему.

Отношенія между мужемъ и женой, родителями, дѣтьми и родственниками у малороссіянъ, какъ вездѣ у большей части простолюдиновъ, вполнѣ *патріархальныя*, со всѣми хорошими свойствами и со всѣми недостатками: родственники вообще тѣсно между собою связаны, съ малолѣтства сближаются, въ дѣтствѣ играютъ вмѣстѣ, бываютъ другъ у друга въ гостяхъ, а когда выростутъ, принимаютъ участіе въ дѣлахъ одинъ другаго, другъ о другѣ соболѣзнуютъ, другъ другу помогаютъ; горе и радость, честь и безчестье одного есть горе и радость, честь и безчестье всего родства. Эта привязанность, часто основывающаяся на глубокой и нѣжной любви, считается даже обязанностью. «Чего добраго ожидать отъ человѣка, когда онъ даже родныхъ обижаетъ, говоритъ малороссіанинъ, не почитаетъ отца, матери, не любитъ дѣтей,

братьевъ, сестеръ и т. д.?» Но часто это право на любовь и уваженіе понимается невѣрно: мужъ требуетъ неограниченнаго слѣплаго повиновенія отъ жены, родители отъ дѣтей, старшіе родственники отъ младшихъ, хотя бы жена, дѣти и младшіе, по своимъ лѣтамъ, и по уму могли дѣло разобратъ и повести лучше.

Такъ какъ нельзя же взрослымъ человѣкомъ распоряжаться какъ несмысленнымъ ребенкомъ, то такія требованія производятъ много неприятностей, и, вмѣсто любви и согласія, порождаютъ вражду, раздоръ и нерѣдко преступленія. Вмѣшательство родителей и родственниковъ больше всего производитъ горя, при выборѣ жениха для дѣвушки, или невѣсты для молодаго человѣка; случается, что, по своимъ расчетамъ, родители жениха и невѣсты согласны на бракъ ихъ и положили ужъ сыграть свадьбу; а женихъ и невѣста не согласны: вотъ и поидетъ путаница, досада, ссоры, слезы. Впрочемъ въ нынѣшнее время это насиліе мало-по-малу ужъ исчезаетъ. Для избѣжанія-жъ неудовольствій въ семействахъ у малороссіянь уже давно принято слѣдующее правило, которое превратилось почти во всеобщій обычай: какъ только женится сынъ, отецъ строить ему особенную хату, отдѣляетъ ему часть имущества и все, что пужно для хозяйства, и оставляетъ его распоряжаться своимъ добромъ, по сво-

ему уму. Разумѣется, и тутъ не обходится безъ вмѣшательства со стороны родителей, но, по крайней мѣрѣ, нѣтъ ежеминутныхъ столкновений, которыя неизбѣжны при многосложныхъ мелочахъ деревенскаго, особенно женскаго хозяйства, невозможны ссоры изъ-за кувшина, крынки молока, куска пирога и т. п. Эта-то отдѣльность хозяйства, можетъ быть, и служитъ причиной, почему въ Малороссіи между родственниками меньше вражды, нежели въ Великороссіи, гдѣ иногда четверо, или пятеро женатыхъ сыновей живутъ вмѣстѣ, однимъ семействомъ. Это весьма хорошо для успѣха въ работахъ, но, къ несчастію, почти всегда выходитъ такъ, что все это родство перессорится, переделается, *подълится*, да и во всю жизнь злобствуетъ взаимно.

Малороссійскія деревни представляютъ очень привлекательный, привѣтливый и какой-то свѣжій, радующій видъ: онѣ никогда не бываютъ слишеюмъ многолюдны; избы въ нихъ не тѣснятся одна къ другой; дворики разбросаны и расположены по расчету, или по прихоти хозяина всегда на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга; малороссіянинъ любитъ просторъ, уединеніе: отъ природы склонный къ сосредоточенности въ самомъ себѣ, къ задумчивости и независимости, онъ не любитъ, чтобъ кто нибудь глазѣлъ на то, какъ онъ распоряжаетъ-

ся дома, работаетъ, отдыхаетъ, или сидитъ молча, опустивъ отягченную думой голову, или мурныкая про себя какую нибудь то меланхолическую, то удалую дѣдовскую пѣсню. Гдѣ есть возвышенности, косогоры, рѣчки и ручьи, малороссіянинъ выбираетъ для своей хатки всегда самое живописное мѣсто и украшаетъ ее, чѣмъ только можетъ; строится ли она изъ бревенъ, или что бываетъ чаще всего, особенно въ степныхъ мѣстахъ, изъ глины, песку, прутьевъ, тростнику и соломы, всегда выбѣлена снаружи и внутри, и подбѣливается иногда чуть ли не каждую недѣлю. Кругомъ нея плетень, живая загорода изъ кустовъ, на окнахъ цвѣты, разумѣется, самые простые, но они вносятъ въ избу какое-то кроткое, милое чувство; подлѣ — огородъ, иногда довольно обширный; на немъ, кромѣ овощей, алые, какъ кумачъ, или пестрые, какъ рои насѣвшихъ на стебляхъ мотыльковъ, красуются цвѣты маку, желтѣютъ подсолнечники, тыква широкими листьями застилаетъ плетень и перекидывается за изгородь, или проползаетъ и перепутывается между ея вѣтвями; часто бываетъ и садикъ — груша, яблонь, смородина, малина, ежевика, тернъ; малороссіянинъ чувствуетъ прелесть зелени и любитъ дерево, даже неплодовое; подлѣ дома онъ ни за что его не срубитъ; если приходится строиться именно на томъ мѣстѣ, гдѣ оно ро-

стетъ, онъ лучше отодвинетъ хату, такъ чтобы дерево приходилось хоть подлѣ самой кровли, а если строится хлѣвъ, или сарай, то сдѣлаетъ для дерева отверстіе въ крышѣ; и весело зеленѣетъ, и шумитъ оно, и осыпаетъ цвѣтомъ жильє человѣка, который пощадилъ его. Въ этомъ отношеніи совсѣмъ иначе поступаетъ финнъ, чухонецъ: онъ, можно сказать, питаетъ ко всякому живому дереву злобу, какъ будто видитъ въ немъ своего личнаго врага, который закрываетъ отъ него солнце и тѣнью своею поддерживаетъ сырость окружающихъ его болотъ. Онъ далеко кругомъ своей избы выполасываетъ, выжигаетъ и вырываетъ до корней всякій кустъ; а ужъ что нибудь посадить, кромѣ самыхъ необходимыхъ овощей, ему никогда и на умъ не придетъ. Хатки малороссіявъ будто прячутся въ зелени, и бѣлизна ихъ, мѣшаясь съ листьями и цвѣтами деревъ и кустарниковъ, привѣтливо еще издали зоветъ къ себѣ прохожаго; такъ и хочется свернуть съ дороги, чтобы заглянуть въ нихъ. Конечно, внутри онѣ не такъ привлекательны, какъ снаружи; въ нихъ нѣтъ не только голландской, но даже и нѣмецкой чистоты — и птица домашняя тамъ бываетъ, и теленокъ, и поросенокъ находятъ теплый пріютъ; но о чистотѣ заботятся, сколько возможно, все прибрано, все на своемъ мѣстѣ и содержится въ порядкѣ. Когда мужчины построятъ избу,

внутри бѣлят ея женщины и дѣлають это обыкновенно съ пѣснями: по поэтическому повѣрью, это необходимо для того, чтобъ веселье и пѣсни не умолкали въ хатѣ до тѣхъ поръ, пока въ ней будутъ жить. Еще заманчивѣй хуторки, одиноко разбросанные въ степи; среди необозримой, безлѣсной и безлюдной равнины, гдѣ глазъ, разбѣгаясь во всѣ стороны, наконецъ утомляется однообразиемъ, особенно пріятно видѣть островокъ деревъ; между ними опять ярко бѣлѣють мазанки, вьется дымъ, раздается звонкій смѣхъ дѣтей, или дѣвическая пѣсня, которая далеко разносится, сливаясь съ крикомъ перепеловъ, стрекотаньемъ кузнечиковъ и сухимъ шопотомъ ковыли; а тамъ, глядишь, неподвижно стоятъ круторогіе вола и, кажется, думаютъ о своей трудовой жизни.

Ну, зимой — совсѣмъ другое дѣло; унылость страшная; кругомъ — мертвая пустыня, дороги нѣтъ и слѣда, воютъ стаи волковъ, бушуетъ необузданная метель и набиваетъ цѣлыя горы снѣгу; иногда вьюга совсѣмъ забиваетъ хату, такъ что ее сочтешь сугробомъ и къ ней приступу нѣтъ. Чтобы обратиться на Божій свѣтъ, крестьяне, которымъ знакома ихъ степная зима, въ сѣняхъ дѣлають изъ прутьевъ широкую трубу для выхода дыма, *дымарь*; когда ихъ замететь такъ, что имъ пельзя выдти въ дверь, они вылѣзають въ дымарь и откапы-

вають свое жилие. Растущія кругомъ деревья и зимою приносятъ пользу крестьянину: они хотя нѣсколько останавливаютъ прибой метели; иначе, пожалуй, она забила бы и спасительный дымарь.

Впрочемъ и лѣтомъ бываетъ много неудобствъ и несчастій для малороссійскаго крестьянина: иногда настаютъ ужасные жары, нѣсколько недѣль ни капли дожда, земля засыхаетъ, какъ камень, пахать ее надобно съ большими усиліями; нѣсколько паръ воловъ едва въ состояніи волочить соху, работа идетъ медленно, плугъ ломается, человѣкъ и животныя выбиваются изъ силъ, дышать тяжело, солнце жжетъ голову и плечи, губы трескаются, въ горлѣ пересыхаетъ; крестьянинъ запасся водою для себя и для воловъ: но она тепла, нисколько не даетъ прохлады и еще больше увеличиваетъ жажду. Тяжело работать малороссійскому крестьянину! Но это еще не все; отъ засухи выгораетъ трава, пропадаетъ жатва: кормись остатками отъ прошлаго года; а если остатковъ-то нѣтъ, пробивайся, какъ хочешь, иди куда нибудь наниматься въ работники, въ извозъ. И то, слава Богу, если найдется случай и возможность. Потомъ, глядишь, наступаетъ ужасное бѣдствіе — появляются между рогатымъ скотомъ заразительныя болѣзни; стада овецъ и воловъ раздѣляютъ на небольшія партіи и отгоняютъ далеко одну отъ другой; но болѣзни, какъ невидимый

ядь въ воздухѣ, распространяется больше и больше — дѣлается падежъ, трупы животныхъ валяются сотнями, закапывать ихъ не успѣваютъ, отъ зноя они быстро разлагаются и убійственнымъ смрадомъ заражаютъ воздухъ. Крестьяне вымазываютъ дегтемъ головы животнымъ, раскладываютъ безчисленное множество огней — груды навоза курятся непрерывно и днемъ, и ночью вокругъ деревень и въ степи; нѣтъ — ничто не помогаетъ, и часто чело-вѣкъ, не только достаточный, но даже богатый, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль становится совершеннымъ бѣднякомъ.

Къ счастью у малороссіянина твердый характеръ, онъ рѣдко впадаетъ въ уныніе, или вдается въ пьянство; погоревавъ, погоревавъ, онъ придумаетъ что-нибудь и примется по прежнему упорно работать, мало-по-малу сбивая копѣйку, чтобы снова обжиться. И обживается: нѣсколько плодородныхъ лѣтъ поправляютъ его; въ хатѣ его снова появляется довольство, смѣхъ и звонкая пѣсня; онъ бодро выходитъ съ волами на пашню и съ наслажденіемъ взрываетъ рыхлую землю, смоченную благодатнымъ дождемъ. Дай Богъ тебѣ, *человѣкъ*, здоровье и силу, и богатый урожай, чтобы тебѣ и на умъ не приходило лихое горе!

БѢЛОРУССКІЕ КРЕСТЬЯНЕ.

До Іоанна Васильевича III не было названія БѢлоруссіи; онъ первый началъ называть свои западныя владѣнія БѢлою-Россіею; впоследствии, когда поляки оторвали часть Россіи, у нихъ подъ именемъ БѢлой-Руси были извѣстны пять воеводствъ: Минское, Полоцкое, Мстиславское, Витебское и Смоленское. Но послѣ присоединенія послѣднихъ двухъ воеводствъ къ Россіи, при Екатеринѣ Великой, подъ именемъ БѢлоруссіи стали разумѣть только Витебскую и Могилевскую губерніи.

Коренные бѢлоруссы живутъ, однакожъ, только въ уѣздахъ Витебскомъ, Суражскомъ, Полоцкомъ, Лепельскомъ и Дризенскомъ; кругомъ же—или потомки латышей, или смѣсь великорусскаго населенія съ бѢлорусскимъ и литовскимъ.

Языкъ бѣлорусскій есть смѣсь испорченнаго русскаго, съ литовскимъ; онъ очень непріятенъ для слуха: въ немъ слышно постоянно цоканье, напр. говорить *цаго*, вмѣсто чего, *хацу*, вмѣсто хочу и т. п.; да сверхъ того попадаетъ часто звукъ *дз*, въ соединеніи съ буквою *я*, вмѣсто *а*, что тоже не придаетъ благозвучія рѣчи, напр. *вярхомъ пздичь*, вм. верхомъ ѣдетъ; *дзячина*, вмѣсто дѣвица, *на-смизнутыя*, вм. поскользнуться и т. п.

Въ деревняхъ, населенныхъ латышами, или бѣлоруссами, болѣе смѣшавшимися съ великоруссами, нежели съ литовцами, и языкъ значительно разнится; такъ, въ латышскихъ говорятъ по-латышски съ примѣсю русскихъ словъ, а въ полурусскихъ — чистымъ великорусскимъ нарѣчіемъ, только на *о*, какъ въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ. Впрочемъ, бѣлорусское нарѣчіе не ограничивается Витебской и Могилевской губерніями, но встрѣчается и въ Минской, Виленской и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Гродненской губерніи. А это неоспоримо доказываетъ, что коренное племя тамъ — русское.

Бѣлорусскихъ крестьянъ можно узнать съ перваго взгляда: они небольшого роста, рѣдко бывають выше средняго; члены у нихъ худые, слабые, грудь впалая, силы мало, они непроворны, лѣнливы и неповоротливы; послѣдніе недостатки скорѣе зависятъ отъ непрерывной нужды, въ которой они

жили до сихъ поръ. Земля, по большей части, дурнаго свойства и могла-бы давать хорошую жатву только при правильномъ и значительномъ удобреніи; но недостатокъ скота, невѣжество и постоянная унылость не позволяютъ имъ обрабатывать поля, какъ слѣдуетъ, и потому жатва постоянно бѣдная, такая, что не удовлетворяетъ первымъ житейскимъ потребностямъ.

Въ Бѣлоруссіи крестьянинъ только что по большимъ семейнымъ, или годовымъ праздникамъ ѣстъ *чистый, ржаной*, вывѣянный хлѣбъ, считаетъ себя счастливымъ, если ему можно ѣсть хлѣбъ хоть съ макиной. Голодь въ Бѣлоруссіи — явленіе очень обыкновенное; тогда мелютъ сушеную сосновую и еловую кору и прибавляютъ къ ней только самую малую долю муки. Такого хлѣба съ перваго взгляда узнать нельзя: это какой-то черный комокъ не то грязи, не то земли, изъ котораго во всѣ стороны торчатъ макина и даже мелкіе кусочки соломы. Ноздреватости въ такомъ хлѣбѣ вовсе нѣтъ; это сплошная, склеившаяся масса, на вкусъ горькая, непріятная и, само собою разумѣется, нисколько не питательная.

Нужда и такая непитательная пища оставила слѣды на физическомъ и умственномъ развитіи бѣлорусцевъ: несмотря на довольно правильныя черты лица, въ нихъ постоянно выраженіе тупости,

печали и боязни; глаза у нихъ сѣрые, рѣдко каріе и черные; волосы—свѣтлорусые, иногда темные, но еще рѣже черные и рыжіе.

Вѣроисповѣданія бѣлорусскіе крестьяне по большей части православнаго, перешедшіе изъ уніатскаго, нѣкоторые римско-католическаго. Въ нравственномъ развитіи тѣ и другіе стоятъ на одинаково-низкой степени; тупое выраженіе лица почти повсемѣстно у тѣхъ и другихъ, потому что бѣдность и несчастіе на нихъ одинаково тяготитъ. По языку и костюму есть, однакожь, разница между православными и католиками. У вторыхъ буква *z* произносится какъ латинская буква *g*, а у первыхъ какъ *h*; кромѣ того больше польскихъ словъ въ языкѣ католиковъ, нежели въ языкѣ православныхъ.

Въ костюмахъ разница еще значительнѣе: православные носятъ нижнее платье и рубашки почти какъ русскіе, съ косымъ воротомъ, но изъ самаго толстаго холста, изъ такого, какой у насъ употребляется только на мѣшки; верхній кафтанъ шить изъ такого же полотна; онъ походитъ на русскій; только на груди дѣлается выемка, какой у насъ не дѣлаютъ; вообще они неуклюжѣ нашихъ; иногда кафтана нѣтъ даже худенькаго, въ лохмотьяхъ; тогда для предохраненія отъ холода надѣваютъ двѣ рубашки. На головѣ носятъ или фуражки, старья

и потертыя, или войлочные шляпы своего издѣлія, изорванныя и скомканныя до послѣдней возможности. Зимой носить они, вмѣсто холщеваго кафтана, сѣрый суконный, своей работы, или тулупъ, если есть. На ногахъ — самодѣльные лапти, обертываютъ ноги зимою шерстяными, а лѣтомъ — холщевыми онучами; только богатые всегда носить лапти и вмѣсто бичевокъ, или оборъ, привязываютъ ихъ къ ногамъ тонкими ремешками; по большей же части бѣлоруссы ходятъ босикомъ и только въ холодную пору надѣваютъ обувь.

Праздничная одежда поновѣ будничной; вокругъ ворота кафтана и рубашки обшито кумачемъ, или цвѣтными тесемочками, холстъ же нѣсколько потснѣше и получше выбѣленъ.

Католики не носятъ рубашекъ съ косымъ воротомъ и подпоясываются не плетеными поясками, а ремнями, иногда съ мѣдными бляхами; рубашки у ворота застегиваютъ тоже мѣдною запонкою, или пряжкою; вмѣсто шляпъ зимою носить малахай, или брыли: это мѣховыя шапки съ ушами, которыя торчатъ вверхъ, или падаютъ по обѣимъ сторонамъ щекъ и подвязываются подъ подбородкомъ. Да еще, вмѣсто кафтановъ, иногда носить неуклюжіе, длиннополые сюртуки съ пуговицами, обтянутыми сукномъ. Но этотъ нарядъ только бываетъ у людей побогаче — у старостъ, войтовъ и т. д.

деревенскихъ властей. Перчатки носятъ бѣлыя шерстяныя, съ цвѣтными узорчатыми прострочками; у католиковъ ихъ вяжутъ дома; православные же покупаютъ. Въ цвѣтѣ одежды есть тоже разница — православные держатъ всякихъ овецъ и сѣрыхъ, и черныхъ, и бѣлыхъ, и потому носятъ цвѣтные, сѣрые кафтаны; а католики — только бѣлые и потому держатъ только бѣлыхъ овецъ.

Женская одежда православныхъ очень походить на русскую: такая же рубашка, какъ у нихъ, только иногда, вмѣсто бѣлой, бываетъ или крашенная синяя, или домашней окраски — черная; иногда же, самая богатая, изъ тонкаго, самодѣльнаго холста, съ разноцвѣтными вышивками на плечахъ и съ кумачевыми вставками въ широкіе рукава; такія рубашки бываютъ лишь у невѣстъ, и то у богатыхъ. Но какая-бы рубашка ни была, бѣдная, или богатая, всегда, какъ у нашихъ крестьянокъ, до пояса получше, а далѣе приставка изъ толстаго мѣшечнаго холста.

Сарафаны изъ толстаго мѣшечнаго холста, синяго, чернаго, или бѣлаго; подпоясываются цвѣтнымъ, плетенымъ, шерстянымъ пояскомъ. Праздничные, нарядные, богатые сарафаны покроемъ походятъ на русскіе и дѣлаются изъ темносиней китайки, и пройма и наплечники обшиваются цвѣтными тесемочками, или ленточками, двѣ полосы наши-

ваются спереди до самаго пола и между ними сажаютъ мѣдныя пуговочки съ фальшивыми цвѣтными петельками, какъ будто одна пола находится на другую и застегнута на пуговицы. Впрочемъ, въ послѣднее время начали шить сарафаны изъ ситцевъ, или изъ домашней набойки, т. е. холста, на которомъ печатается цвѣтнѣй узоръ. Для этого употребляется бѣлый, тонкій холстъ; на подобныхъ сарафанахъ спереди на груди нашиваютъ кумачъ и верѣдко по немъ бѣлыми нитками дѣлается вышивка. Полса бываютъ либо узенькіе, плетеные, либо широкіе, цвѣтные, которыми опоясываютъ кафтаны. Верхнее платье такое же, какъ у мужчинъ, и по большей части одно и то же съ плеча мужа и отца переходитъ на плечи жены, или дочери. Покрой платья дѣвушекъ не отличается отъ замужнихъ женщинъ и только головной уборъ различный: замужнія носятъ *сорочу*, т. е. нѣчто въ видѣ кокошника, сшитого изъ цвѣтныхъ лоскутовъ, у богатыхъ иногда изъ разноцвѣтныхъ, такъ что спереди красный, сзади синій, а съ боковъ еще какихъ-нибудь другихъ цвѣтовъ. Богатые еще пришиваютъ спереди на лобъ кусокъ галуна — *перевязь*, который концами завязывается на затылкѣ, ниже перевязи; на шею спускается еще *подзатыльникъ* — это тоже галунъ, шириною въ вершокъ и длиною въ четверть аршина; онъ лежитъ на шеѣ. Подъ

сороку надѣваютъ холщевую шапочку, подъ которую прячутъ волосы, заплетенные на самомъ темени въ двѣ косы, и закрученные для того, чтобы сорока стояла выше; вокругъ головы шапочка обшита валькомъ изъ скрученнаго холста. Только у богатыхъ сороки цвѣтныя, иногда даже шелковыя, съ позументами; бѣдныя женщины дѣлаютъ ихъ изъ бѣлаго холста, или крашенины. Въ ушахъ носятъ мѣдныя серги съ *лазками*, т. е. съ цвѣтными стеклышками, серебряныя серги—*большая рѣдкость, даже въ самыхъ богатыхъ семействахъ*. На головѣ, поверхъ сороки, носятъ платки, или холщевые бѣлые съ кумачемъ, или ситцевые, или даже шелковые, подвязывая концы подъ подбородкомъ.

На шеѣ носятъ бисеръ въ нѣсколько нитокъ, или бусы и даже настоящіе кораллы: нитокъ пять; въ обхватъ вокругъ шеи, стоятъ отъ 1 р. 50 к. до 3 р. с.

Дѣвушки, по большей части, ходятъ съ непокрытой головою, носятъ платки только въ холодъ, повязываясь ими, какъ въ Россіи, концами подъ подбородкомъ. Волосы заплетаютъ назадъ въ одну косу и вплетаютъ въ нее или разноцвѣтнѣй лоскутокъ, или кисть изъ бисера, или ленты съ длинными концами; богатыя дѣвушки, по праздникамъ, носятъ *перевязъ* изъ галуна; такую же, какъ женщины на сорокахъ, только повязываютъ ее по волосамъ и концы завязываютъ на затылкѣ; самыя

бѣдныя дѣвушки повязываютъ голову узкою, тонкою холщевою перевязью, по краямъ и по концамъ вышитою узоромъ разноцвѣтною шерстью, или бумагою. Лапти привязываются къ ногамъ *оборами*, т. е. черными шерстяными тесьмами, или кромками въ палець шириною.

Крестьянки-католички носятъ платье изъ такой же матеріи, какъ православныя, только другаго покроя. Рубашка не русскаго покроя, походитъ на мужскую и тоже застегивается у горла; сверхъ нея—юбка, по большей части, бѣлая холщевая, иногда до половины затканная черными, красными, или синими шерстяными полосами. Въ праздники юбка — цвѣтная; на рубашку надѣвается корсетикъ, спереди зашнурованный, или застегнутый, безъ рукавовъ, сшитый изъ сукна, изъ какой-нибудь бумажной, или шелковой матеріи. Сверху въ торжественныхъ случаяхъ накидываютъ на плечи тонкій холщевой платокъ, который, какъ плащъ виситъ до пятокъ; концы его затканы красными и синими полосками и обшиты домашняго плетенья нитяными кружевами.

На головѣ носятъ вязанные маленькіе *чепчики*, подъ которые убираютъ волосы, а сверхъ чепчика повязываются длиннымъ кускомъ холста, въ видѣ полотенца, обкручиваютъ имъ голову въ видѣ чалмы и узломъ завязываютъ на самомъ лбу; концы заты-

каютъ по бокамъ, но такъ, чтобы они висѣли; они обыкновенно, или протканы цвѣтною полоскою, или обшиты кружевомъ, изъ сплетенныхъ, или связанныхъ толстыхъ нитокъ.

Дѣвушки одѣваются также, какъ замужнія женщины, съ тою только разницею, что не носятъ чепцовъ и повязки на головѣ; заплетаютъ волосы въ двѣ косы, или больше, и онѣ висятъ по плечамъ; въ концы вплетаютъ, или бисерныя кисти, или ленты, или лоскутки. Въ холодную пору, въ будни покрываютъ голову холщевымъ платкомъ, въ праздники же ситцевымъ.

Но неизбѣжная принадлежность и отличіе женщинъ и дѣвушекъ-католичекъ отъ православныхъ: 1) *коронка*, 2) *шкаплеры* и 3) *крестикъ*. Коронка—это четки, которыя носятъ постоянно на шеѣ и снимаютъ во время молитвы, чтобы по зернамъ ихъ читать молитвы. Каждое десятое зерно крупнѣе съ нарѣзками, чтобы его можно было узнавать не глядя. Посреди коронки или четокъ, бронзовая медаль съ изображеніемъ Богородицы со Спасителемъ на рукахъ; когда четки на шеѣ, то медаль виситъ на груди. Четокъ неосвященныхъ не носятъ.

Шкаплеры—это два куска сукна темнаго цвѣта; по срединѣ cadaго, разноцвѣтною шерстью, шелками, или золотыми и серебряными нитками вышиты первоначальныя буквы именъ Пресвятой Бо-

городицы и Христа Спасителя; тою стороною, куда обращенъ верхъ буквъ, эти два куска сложены шитьемъ внутрь, пришиты къ ленточкѣ, или тесемочкѣ, и ихъ носятъ на шеѣ, прямо на тѣлѣ, и очень рѣдко снимаютъ.

Всѣ эти части одежды мы находимъ у богатыхъ и у самыхъ бѣдныхъ крестьянокъ, съ тою только разницею, что у однѣхъ все лучше и богаче, а у другихъ все бѣдно и грязно. Впрочемъ, чистотою ни тѣ, ни другія похвалиться не могутъ; бѣлорусцы вообще отличаются неряшествомъ и въ одеждѣ, и въ домашней жизни, что у богатства отнимаетъ много цѣны, а бѣдности придаетъ отталкивающій видъ.

Избы въ Бѣлоруссiи расположены не на русскiй ладъ, т. е. не тянутся стройными линейками по обѣимъ сторонамъ улицы, а стоятъ какъ-то безпорядочно, неряшливо; одна стоитъ прямо, другая убожькала отъ улицы въ сторону и стала бокомъ; третья совсѣмъ отвернулась и т. п. Избы — бревенчатыя, съ печкою, слѣпленною изъ глины и безъ трубы; для выхода дыма сдѣлано окошечко въ стѣнѣ подь потолкомъ, и когда печка истоплена, его затыкаютъ какимъ-нибудь старымъ тряпьемъ, иногда пукомъ соломы, завернутымъ въ тряпицу. Стоитъ печка, почти всегда, подлѣ дверей, по правую руку, въ углу; въ челѣ, по большей части, на крюкѣ виситъ чугунокъ; мы говоримъ здѣсь о достаточномъ крестья-

янинѣ, потому что у бѣднаго нѣтъ не только чугуна, но иногда и глинянаго горшка, чтобы сварить пустыя щи; да и варить имѣ нечего — ѣшь корку сухаго хлѣба и заливай водою прямо изъ ручья. Налѣво отъ печки — передній уголь съ образами; поближе къ нему въ той и другой стѣнѣ по одному большому и по одному волоковому окну. Въ волоковомъ окнѣ иногда бываетъ рамочка со стеклами, но чаще запирается доскою. Образа стоятъ въ *божницѣ* — маленькомъ деревянномъ кивотѣ; передъ ними, по праздникамъ, во время молитвы, зажигаютъ восковую свѣчку, но такъ-какъ это большая издержка, то свѣчка не догораетъ до конца; ее тушить тотчасъ послѣ молитвы.

Вдоль обѣихъ стѣнъ идутъ скамейки для сидѣнья, т. е. доски, шириною въ $\frac{3}{4}$ аршина, на ножкахъ. За лавкою обыкновенно остріемъ внизъ прячутся топоры. Вдоль правой стѣны, примыкающей къ печкѣ, идетъ еще скамья; она шире остальныхъ и гораздо выше отъ полу; она служитъ кроватю; на ней спятъ старшіе въ семействѣ и гости; подъ нею, весною, сажаютъ насѣдокъ на яйца, а зимою — молоденькихъ телятъ и ягнятъ, которые бы пропали отъ холода въ непорядочно промышленныхъ хлѣвахъ. Днемъ на кровати играютъ маленькія дѣти, ѣдятъ и спятъ. Подъ потолкомъ, какъ и въ русскихъ избахъ — палати; на нихъ зимою грѣ-

ются продрогшіе отъ мороза хозяева и гости. Поближе къ печкѣ къ стѣнѣ придѣланы полки для посуды; но посуды мало, потому и подлокъ всего двѣ, да и тѣ короткія; отъ палатай черезъ всю избу подъ потолкомъ идетъ полка, на которой прячутъ дорогія, или любимыя вещи—трубку, кисетъ съ табакомъ, намотанное веретено, кудель и т. п.

Изъ дверей избы выходишь въ сѣни; въ нихъ двое дверей; одни ведутъ на дворъ, а другія на задворокъ. Сѣни помѣщены между избою и при-избицею. При-избица стоитъ прямо противъ избы, но дверь въ ней низкая, полъ, по большей части, земляной; въ при-избицѣ есть и печка; назначеніе ея—служить кладовою; здѣсь стоятъ чаны съ рубленою капустою, ручные жернова, чтобы молоть муку и драть крупу, иногда ящикъ, куда ссыпаютъ муку, или держать зерно. Печка въ при-избицѣ для того, чтобы ее изрѣдка протапливать и тѣмъ предохранять отъ мороза съѣстные припасы, заготовленные на зиму.

Хлѣвы помѣщаются на задворкѣ; это загороженное мѣсто, по окраинамъ котораго построены хлѣвы; ихъ бываетъ два, три и четыре, смотря по состоянію крестьянина и по числу скота; но есть и такіе, у которыхъ нѣтъ ни одного; да если-бъ и былъ, то въ него нечего поставить. По задворку зимою гуляетъ скотъ; загородка кругомъ такъ низ-

ка и непрочна, что черезъ нее перелѣзають волки и иногда нападаютъ на скотъ; подлѣ избѣ, или при-избицы, смотря потому гдѣ удобнѣе, сдѣланы ворота для прогона скота. Съ противоположной стороны сѣней, къ избѣ и при-избицѣ прилегаеть дворъ—площадка въ 20 или 30 кв. саженой; къ одной ея сторонѣ, противъ избы, построены двѣ клѣти для складыванія и ссыпанія хлѣба. Тутъ же къ амбарамъ прислонень сарайчикъ съ двумя стѣнами и навѣсомъ; тутъ ставятъ сани, телѣги и земледѣльческія орудія. Тутъ-же и конюшня для лошадей. Промежутки между строеніями соединены тыномъ, т. е. вбитыми въ землю вертикальными жердями; верхній конецъ каждой разщепленъ и въ него втиснуты обструганныя плоско жерди, которыя связываютъ части тына. Для въѣзда во дворъ, сдѣланы ворота изъ узенькихъ дощечекъ, скрѣпленныхъ продольными досками.

Но не у každого двора есть тынъ; это только у богатыхъ и у порядочныхъ хозяевъ, а у бѣдняковъ, или у людей беспечныхъ, дворъ вовсе не огороженъ. Всѣ строенія, каковы-бы ни были, даже самыя бѣдныя, въ Бѣлоруссіи называются хоромами.

Весь домашній скарбъ, все богатство крестьянина бережется на чердакахъ, подъ крышею; здѣсь стоятъ сундуки съ платьемъ и бѣльемъ. Сундуки почти всегда самодѣльные, очень незамысловатые:

аршинъ въ ширину и почти столько-же въ выши-
ну; крышка запирается странно: къ двумъ противу-
положнымъ сторонамъ сундука придѣланы какъ буд-
то два ушка у ушата; въ нихъ продѣвается палка,
съ одной стороны съ головкою, чтобы не прохо-
дила въ ушко до конца, съ другой стороны про-
дѣлано въ палкѣ отверстіе, въ которое вкладывается
висячій замокъ, чтобы нельзя было выдернуть палки
и отворить сундука, *кублы*, какъ его называютъ въ
Бѣлорусси.

Изба отъ пола до потолка никогда не бываетъ
выше сажени, но есть и такія, въ которыхъ даже
средняго роста человѣкъ принужденъ ходить на-
клонившись.

За избою между дворомъ и задворкомъ гумно
и сарай для сѣна, соломы и хлѣба, еще невымо-
лоченнаго. Овинъ—главное строеніе; къ нему при-
мыкаютъ всѣ прочіе, — *токъ* — противъ дверей ови-
на; онъ обыкновенно огороженъ только съ трехъ
сторонъ; въ него свободно въѣзжаетъ возъ; полъ
его крѣпко и гладко убитъ глиной, или чернозе-
момъ, чтобы удобнѣе было молотить и зерно ни-
куда не закатывалось; въ концѣ тока складывается
немолоченный хлѣбъ, чтобы имѣть его поближе для
сушенья въ овинѣ и для молотьбы на токѣ.

Въ овинахъ, часто отъ недосмотра, загорается;
тогда не только пропадаетъ весь хлѣбъ, насажен-

ный въ него, но сгораеть весь запасъ немолочнаго и несущенаго хлѣба. Строенія всѣ крыты соломой; поэтому пожары случаются часто; пожарныхъ командъ по деревнямъ нѣтъ, тушить некому и у несчастнаго крестьянина все погибаетъ. Образованные помѣщики и священники напрасно уговариваютъ крестьянъ прятать снопы не на току, строить овины отдѣльно, не въ связи съ сараемъ для сѣна и соломы,—ничто не помогаетъ: необразованные мужики твердо стоятъ на своемъ и на всѣ доводы упрямо отвѣчаютъ: «наши батьки и дѣды такъ строились, а хлѣбъ ѣли не хуже нашего!»

Послѣднее, самое маленькое и на отлетѣ построенное строевнище—баня; она не больше двухъ саженой въ длину и ширину, очень низкая, съ низенькою дверью, въ которую войти можно согнувшись въ три погибели. Банная каменка, или печка, складывается на земляномъ полу, въ видѣ безобразной кучи, изъ булыжника; топятъ ее дровами; дымъ ходитъ по банѣ и выходитъ въ дверь; бани обыкновенно дѣлаются безъ крыши съ однимъ потолкомъ, на который для теплоты навалена земля. У самыхъ бѣдныхъ онѣ устроиваются въ землянкахъ, выложенныхъ кое-какими обрубками бревенъ; но народъ не любитъ ихъ, говорятъ: «въ нихъ зиму угарно!» Бани всегда ставятся поближе къ водѣ

и поодаль отъ всѣхъ другихъ строеній, поэтому и сгораетъ баня безъ вреда для хоромъ.

Если у крестьянина семья велика и есть достатокъ, то не ограничиваются одною кроватью въ избѣ, но дѣлаютъ вторую въ сѣняхъ, третью въ при-избицѣ; но послѣднія двѣ бывають въ употребленіи только въ теплую пору года; въ большія холода всѣ ютятся въ небольшой курной избѣ — спять на кровати, на печи, на палатахъ, на лавкахъ и на полу. Постель бываетъ только на кровати; она состоитъ изъ толстаго мѣшка, набитаго соломой; такой же мѣшокъ служитъ подушкой; у богатыхъ крестьянъ то и другое набивается рублеными перьями; скобленныхъ, или драныхъ перьевъ не употребляютъ: слишкомъ дорого.

На случай болѣзни, къ кроватямъ придѣланы четыре столбика, къ четыремъ угламъ; на нихъ надѣвается пологъ, сшитый изъ грубаго мѣшечнаго холста. Его же употребляютъ и лѣтомъ, когда бываетъ много мухъ и комаровъ, крестьяне лѣтомъ спять мало и дорожатъ сномъ; для нихъ пологъ не прихоть, безъ которой можно обойтись, а крайняя необходимость, чтобы доставить себѣ хоть короткій, но крѣпкій сонъ.

Бѣлорусскіе крестьяне подавлены нуждою, но бѣдны частію по своей собственной винѣ, по своему невѣжеству, частію же и оттого, что земля дур-

ная и оттого, что жида, а прежде, во время крѣпостнаго состоянія, и нѣкоторые помѣщики у нихъ вымазгивали лишнюю копѣйку. Бѣлорусскіе крестьяне отъ постоянной бѣдности и отъ угнетенія сдѣлались тупоумны; имъ некогда учиться, некогда о чемъ-нибудь подумать; безъ скота, безъ лошадей и безъ удобренія скупая и неблагодарная земля даетъ мало. Посмотришь на поле—песокъ, а одно стебло ржаное, или овсяное отъ другаго отстоятъ такъ далеко, что можно ихъ сосчитать; урожай въ Бѣлоруссіи сплошь и рядомъ бываетъ самъ-третей, т. е. на одну посѣянную четверть ржи уродится и вымолотится всего три четверти.

Для земляныхъ работъ на большихъ дорогахъ—на шоссе и на желѣзныхъ дорогахъ, для прокапыванья каналовъ охотиѣ всего берутъ бѣлорусскихъ мужиковъ; потому что они, при хорошей пищѣ, очень усердно и много работаютъ. Въ дурные, неурожайные годы большая часть бѣднаго, голоднаго, рабочаго народонаселенія изъ Бѣлоруссіи идетъ для заработковъ на земляныя работы, но перемѣна климата, а еще болѣе перемѣна пищи, съ голодной на сытную, порождаютъ между ними болѣзни и губятъ ихъ тысячами; ихъ могилами усѣяны всѣ дороги, на которыхъ они работали.

Когда дома сносно и урожай такой, что съ мявиной пополамъ можно дотянуться до нови, онѣ

нейдетъ никуда, работаетъ на себя и работаетъ усердно.

Лѣтомъ и зимою крестьяне встаютъ около двухъ часовъ по-полуночи и тотчасъ принимаются лѣтомъ — за полевья, а зимою за домашнія работы. До пяти часовъ ничего въ ротъ не берутъ, но потомъ собираются по избамъ для завтрака; у бѣдняка хорошо, если найдется хлѣбъ и вода, у людей же зажиточныхъ хозяйка, поднявшаяся тоже въ два часа, успѣла уже истопить пѣчку и сварить щи, да кашу, или горохъ, или крупеню, т. е. жидкую кашу изъ ячныхъ, или овсяныхъ крупъ на водѣ съ солью. Приправы — сала, или какого-нибудь мяса не бываетъ, развѣ у очень богатыхъ людей, или по годовымъ праздникамъ. Иногда дѣлаютъ толченицу — это густая каша изъ варенаго и толченаго картофеля. Въ праздники дѣлаютъ *овсяный кисель*, *кислуху* — похлебку изъ квашеннаго хлѣбнаго тѣста, опары, и *солодуху*, которую приготавливаютъ изъ ржаннаго солода. Зимою, если есть, ѣдятъ припасенную съ осени сырую, квашеную капусту, рѣдку съ квасомъ, но чаще всего вареный и печеный картофель съ солью. Это — столъ людей богатыхъ; бѣдные же всегда ѣдятъ одно кушанье и считаютъ себя счастливыми, если у нихъ есть щи да хлѣбъ. Лѣтомъ, когда капусты уже нѣтъ больше, а купить не на что, дѣти ходятъ по полямъ и лѣ-

самъ и набираютъ дикій щавель, снить, крапивы, бобовника, дягиля и другихъ травъ, варятъ изъ нихъ зеленыя щи съ мучною приправою и совершенно довольны, что они свой черствый колючій хлѣбъ могутъ ѣсть съ чѣмъ-нибудь теплымъ. На столѣ богатыхъ крестьянъ въ постные дни является иногда толокно, иногда постное масло; въ скоромные дни, по годовымъ праздникамъ — и говядина, и домашняя птица, въ разныхъ видахъ, и варенныя, и жаренныя.

Передъ обѣдомъ, завтракомъ и ужиномъ моютъ руки и молятся Богу; завтракъ бываетъ въ 5 часовъ утра, обѣдъ въ одиннадцать, полдникъ лѣтомъ въ 5, а ужинъ послѣ девяти; зимою ѣдятъ только три раза въ день; по праздникамъ только два; тутъ встаютъ позже и за ѣду не принимаютъ, пока не кончится обѣдня. За столомъ сидятъ часа по-два, ѣдятъ медленно; хлебнуть, ложку положить на столъ, оботреть губы и опять берется за ложку; женщины прислуживаютъ мужчинамъ и угощаютъ, съ поклонами, если случится гость. По установившимся обычаямъ, считалось-бы неприличнымъ, еслибъ гость ложкою хлебнулъ два-три раза сряду; непременно въ промежутки между глотками онъ долженъ класть ложку на столъ и дожидаться, чтобы хозяйка съ поклономъ сказала: чтожь ты не ѣшь? Али кушанье мое плохо состряпано? Гость отвѣчаетъ: «я ужъ

сытъ и безъ того!» и опять хлебнетъ, и снова ждетъ приглашенія.

Церемонность эта при угощеніи между бѣлоруссами первоначально, вѣроятно, произошла отъ общей бѣдности; каждый опасается съѣсть лишнее у своего сосѣда и тѣмъ лишить его, или семью его части съѣстныхъ припасовъ.

Но теперь это до того въѣлось въ цѣлый народъ, что нѣтъ уже возможности истребить такую искусственность въ обращеніи между гостемъ и хозяиномъ. Для праздниковъ пекутъ хлѣбъ изъ чистой ржаной муки, безъ мякины; у бѣдняковъ такое лакомство считается лучшимъ угощеніемъ. Страсть къ водкѣ, къ несчастію повсемѣстная и причиной того, что бѣдность увеличивается, работы останавливаются и поля нерѣдко совсѣмъ пустѣютъ. Нѣтъ никакого церковнаго, или семейнаго праздника, въ который-бы обходились безъ вина; его пьютъ и мужчины, и замужнія женщины, и дѣвушки.

Когда у крестьянина родится сынъ или дочь, его, можно сказать, привѣтствуютъ уже водкою; матери тотчасъ даютъ выпить стаканчикъ водки, и всѣхъ присутствующихъ тоже угощаютъ водкою; но большей части не даютъ никакой закуски, а водку подаютъ. На третій, или четвертый день, смотря по тому, какъ придется воскресенье, крестятъ младенца. Отецъ заранѣе проситъ кого ни-

будь въ крестные отцы и въ матери; пекутъ хлѣбъ, варятъ щи и кашу и опять припасаютъ водку.

Въ назначенное время, кумъ приѣзжаетъ въ телѣгѣ, если она у него есть, а если нѣтъ, то отецъ даетъ ему свою, или добываетъ у кого-нибудь изъ родственниковъ, или сосѣдей. Кума приходитъ пѣшкомъ; мать, запеленавъ ребенка, передаетъ его кумѣ и въ тоже время за сарафанъ кладетъ ей кусочекъ чернаго хлѣба съ солью, завернутый въ чистенькій лоскутокъ холста. Это дѣлается для того, чтобы малютка во всю жизнь не нуждался въ хлѣбѣ; кумовья садятся въ телѣгу и вмѣстѣ ѣдутъ въ церковь. По совершеніи таинства крещенія, кума завертываетъ дитя въ новую рубашечку и въ новыя пеленки и поверхъ всего опоясываетъ пояскомъ; это все — подарокъ крестной матери. Домой возвращаются тѣмъ же порядкомъ; кума отдаетъ матери дитя, говоритъ его имя, возвращаетъ пеленки, рубашку и завернутый въ тряпку кусочекъ хлѣба; онъ и хранится вмѣстѣ съ мѣднымъ крестикомъ. Послѣ этого садятся за столъ, пьютъ водку и ѣдятъ, что припасено. Крестный отецъ и мать, собираясь домой, еще пьютъ водку, а мать, или отъ ея имени старшая въ семьѣ, подаетъ куму и кумѣ по пирогу, завернутому въ домашній холстъ аршина два въ длину.

Мать навѣщаютъ сосѣдки и знакомыя, приносятъ

съ собою съѣстнаго, обыкновенно, чего-нибудь лучше, напимѣрь мисочку студеною изъ ногъ, или головы теленка, киселя, пирогъ съ начинкой, а не пирогъ только по формѣ, какъ это иногда бываетъ; кромѣ того, каждая гостя непременно приноситъ ломоть хлѣба съ солью; это подарки новорожденному. Гостей обыкновенно оставляютъ обѣдать, а если ужъ бѣдность очень велика; то подаютъ хоть чегонибудь перекусить; безъ того не отпустить. Счетъ такимъ визитамъ ведется самый точный; каждая мать считаетъ своею обязанностію при такихъ же обстоятельствахъ непременно отплатить тѣмъ же: не сдѣлай этого—посыплются попреки, брань, пойдетъ ссора.

У католиковъ такого рода посѣщеній нѣтъ; но въ день крестинъ приглашаютъ много гостей; каждый приноситъ съ собою или баранокъ, или яицъ, или пирожковъ, или еще чегонибудь лодобнаго; все складываютъ на деревянное блюдечко, по срединѣ ставятъ чарку съ водкой и кладутъ въ нее деньги, по копѣйкѣ и больше, кто сколько можетъ, и дарятъ этимъ мать; это такъ и называется дарами.

Несмотря на бѣдность и общее уныніе бѣлорусцевъ, у нихъ, однакожъ, семейные праздники не обходятся безъ многихъ обрядовъ и однажды утвержденныхъ обычаевъ церемоній. Много очень обрядовъ соблюдаютъ при женитьбѣ. Всѣ свадьбы,

обыкновенно, бывают осенью. Это самая богатая пора года: все поспѣло, все собрано съ полей, у каждаго, самаго бѣднаго крестьянина, есть хлѣбъ. Тутъ можно подумать объ удовольствіи и удобствахъ жизни.

Молодой человѣкъ, высмотрѣвъ себѣ невѣсту, говоритъ о томъ своимъ родителямъ; они совѣтуются и находятъ двухъ сватовъ. Выборъ падаетъ не только на родственниковъ, но преимущественно на людей толковыхъ, говорливыхъ; ихъ посылаютъ въ домъ невѣсты. Появленія ихъ иногда уже ждуть, иногда хотя не ждали, но о цѣли посѣщенія скоро догадываются. Послѣ первыхъ привѣтствій, отецъ, мать, или старшій въ домѣ, спрашиваетъ: «ну, что хорошаго скажете?»

Сваты обыкновенно отвѣчаютъ затверженными фразами: «у тебя есть дочь, у насъ сынъ; такъ хотимъ породниться съ тобой! Царство небесное родителямъ, милость Божію домашнимъ, сохрани Господи здоровье, пошли хлѣба и соли и скотину! Не пренебрегай нами, сватами, отдай намъ твою дочь, сыиграемъ свадьбу; по рукамъ!» Всякое дѣло рѣшаютъ рукобיתемъ.

Родители, или родственники никогда съ перваго раза нерѣшаются, но обыкновенно отсрочиваютъ рѣшеніе до извѣстнаго дня. Это—тогда, если согласны на предложеніе; если-жъ нѣтъ, то отка-

зываютъ на-отрѣзъ, говоря, что дочери еще нельзя покидать родительскій домъ. Въ первое свиданіе не бываетъ никакого угощенья.

Въ назначенное второе свиданье молятся Богу, зажигаютъ свѣчку передъ иконою, бьютъ по рукамъ и говорятъ: «будьте счастливы!» Послѣ этого пьютъ принесенную сватами горѣлку, т. е. водку; мать невѣсты повязываетъ горлышки выпитыхъ бутылокъ поясами, въ знакъ того, что дѣло покончено, связано и скрѣплено. Назначаютъ день *вторыхъ запоевъ*, когда сваты въ третій разъ приѣзжаютъ къ родителямъ невѣсты.

Въ третій разъ опять та же водка, тѣ же повязанныя поясами бутылки, но на этотъ разъ родители невѣсты подаютъ сватамъ закуску. Здѣсь условливаются въ томъ, когда быть *третьимъ* запоямъ, сколько женихъ для свадьбы долженъ выставить водки, сколько приданого будетъ со стороны невѣсты; самая богатая невѣста приноситъ въ домъ жениха корову, овцу, новую шубу и новый кафтанъ; объ остальномъ платьѣ и бѣльѣ никакого уговора не бываетъ.

Нѣкоторыя невѣсты такъ бѣдны, что и шубу, и кафтанъ имъ даритъ женихъ, если у него есть на что купить, если-жъ нѣтъ, то и такъ обходятся. Богатые женихи очень часто берутъ себѣ женъ изъ бѣдныхъ семействъ; на оборотъ же, богатая дѣ-

вѣшка никогда не пойдетъ за горемыку; бѣдность слишкомъ знакома и является въ ужасающемъ видѣ и потому пугаетъ дѣвушку, привыкшую жить въ довольствѣ.

Въ эти запои назначаютъ день свадьбы. Невѣста съ появленія сватовъ, большую часть времени проводитъ въ при-избицѣ, не показывается на глаза не только сватамъ, но и другимъ жителямъ деревни, все сидитъ дома и шьетъ себѣ приданое.

Въ *третьи* и *последнія* запоины вмѣсто двухъ сватовъ ѣдутъ четверо—двое мужчинъ и двѣ женщины. Родители невесты встрѣчаютъ ихъ на дворѣ и зовутъ въ *хоромы*, какъ милыхъ, желанныхъ гостей. Привозятъ сваты выговоренную къ свадьбѣ водку, да сверхъ того одну, или двѣ бутылки ставятъ на столъ для угощенья; столъ покрытъ скатертью; женщины хлопчутъ; подаютъ умываться, ставятъ кушанье на столъ; послѣ первой чарки водки старшій сватъ объявляетъ желаніе посмотреть на невесту, говоря: «что-жъ это мы пьемъ за здоровье, а не знаемъ за кого, и не видали невесты?»

Послѣ этого изъ при-избицы ктонибудь изъ домашнихъ приводитъ невесту; она ему кланяется и подаетъ руку, а онъ подаетъ ей пирогъ и бутылку подслащенной медомъ водки и говоритъ: «ну, дочушка наша, ты теперь отцовскаго хлѣба больше

не ѣшь, поблагодари его за хлѣбъ, за соль, да впередъ ѣшь нашъ хлѣбъ и пей нашу водку».

Пріѣхавшая со сватомъ родственница подаетъ невѣстѣ сыру. Все это невѣста передаетъ домашнимъ; а свать наливаетъ ей чарку сыченой водки и опускаетъ въ нее отъ 10 до 50 коп. сер. Невѣста выпиваетъ вино, беретъ деньги и отдариваетъ свата полотенцомъ или платкомъ, который обыкновенно перевязываютъ пояскомъ. Другому свату тоже дарить, а пріѣхавшимъ съ ними женщинамъ—по рукаву, т. е. аршина по два холста, перевязаннаго поясками.

На послѣднія запоины обыкновенно собирается много незваныхъ гостей; ихъ угощаютъ водкою, но за столъ, за ѣду, не сажаютъ; сидятъ только приглашенные.

Съ этого дня начинаются пѣсни, которыхъ не такъ много, какъ у насъ въ деревняхъ, но все-таки поются.

Къ невѣстѣ, наканунѣ свадьбы, собираются подружки, подъ предводительствомъ старшей подружки, т. е. такой, которая лучше всѣхъ умѣетъ пѣть и *голосить*. Главное дѣло — порядочно поголосить передъ свадьбою, т. е. поплакать естественными, или притворными слезами, и при этомъ причитать, какъ надъ покойникомъ. Да и пѣсни поются самыя жалобныя. Невѣста голосить сама, а подруженьки

ея еще больше; она прощается съ отцомъ, матерью, трижды кланяется каждому въ ноги и просить благословенья, и кланяется въ ноги не однимъ родителямъ, но и всѣмъ родственникамъ и всѣмъ домашнимъ, и для каждаго есть особая пѣсня, которую голосають подружки.

Когда въ избѣ прощанье кончено, невѣста и ея подружки въ шубахъ, съ покрытыми головами выходятъ изъ избы въ поле, въ лѣсъ, чтобы въ послѣдній разъ проститься съ нимъ, и голосають: «выхожу я въ послѣдній разъ».

«Походить, погулять, покрасоваться, посмотрѣть на домъ мой, на дубовое крылечко, на ступеньки, на перекладинки, на улицу широкую, на клѣть мою завѣтную, гдѣ любила я чесать свою буйную головушку, заплетать кудри русыя, надѣвать вѣнокъ золотой» и такимъ образомъ тоскуеть о разлукѣ съ каждою домашнею пристройкой, съ огородомъ, о разлукѣ съ подруженьками; просить ихъ на прощанье «пѣть громче и дружнѣй, чтобы голоса отдавались въ лѣсу, по окраинамъ, чтобы гулъ отъ нихъ шелъ по сыру-бору, чтобы напѣться, нагуляться ей въ послѣдній разъ».

Невѣста и ея подружки обыкновенно для прогулки идутъ въ такую сторону, куда-бы и безъ того надобно идти, чтобы то того, то другаго пригласить къ свадьбѣ. Идутъ онѣ по деревнѣ и по по-

лямъ, и все голосять, какъ можно звончѣй и жалобнѣй, чтобъ походило на надгробный плачь на родной могилѣ.

Когда гости всѣ приглашены, невѣста съ подруженьками возвращается домой и тутъ особенно жалобно голосить, рассказывая, какъ у нея съ головы снять золотую повязку, какъ изъ косы выдернуть кисть бисерную, какъ расплетуть волосы на двѣ косы; однимъ словомъ, тутъ вычитывается все, что она теряетъ и все, что ее ждетъ на чужой сторонѣ. Этимъ трогается сердце самое жесткое и невѣста плачетъ ужъ непритворными слезами, а рыдаетъ отъ настоящаго горя; она прощается и съ солнцемъ, и съ лѣсомъ, и съ полемъ, проситъ подружекъ идти помедленнѣе, чтобы подолѣе полюбоваться чистымъ полемъ, посмотреть, какъ бѣлая береза шатается, какъ съ нея листъ шелковый осыпается, и прибавляетъ, что такъ шатается здѣсь горюня молодешенька, и съ глазъ ея сыплются слезы горючія.

Во время прогулки по полямъ дѣвушки останавливаются въ какомъ-нибудь удобномъ мѣстѣ — въ рытвинѣ, подь кустами, или, на холмѣ, достаютъ принесенную съ собою горѣлку, пьютъ и закусываютъ пирогами, но тотчасъ же заѣдаютъ чеснокомъ, чтобы виннаго запаху не слышно было и чтобы голоса были звонче и стройнѣе.

Передъ входомъ въ избу за дверьми невѣста проситъ впустить ее въ послѣдній разъ, кланяется матери въ ноги и рассказываетъ ей, что всѣхъ гостей созвала и проситъ, чтобы мать ее въ послѣдній разъ обняла, поцѣловала и приголубила. Онѣ тутъ обнимаются, цѣлуются и голосятъ вмѣстѣ. Потомъ невѣста кланяется отцу въ ноги и проситъ его:

«Свѣтъ мой, кормилецъ, родной батюшка!
Скажи мнѣ бесѣду хорошенькую,
Чтобъ добры люди надо мной не смѣялися,
Чтобъ близкіе и сосѣди мнѣ дивилися,
Благослови меня, молодешеньку,
Въ чужія люди, къ чужому батюшкѣ.»

Отецъ благословляетъ ее, послѣ чего она тѣмъ же порядкомъ кланяется всѣмъ родственникамъ и проситъ тоже благословенія, называя каждого по имени; родные благословляютъ ее и надѣляютъ, мужчины — деньгами, женщины — полотномъ, или тоже деньгами, т. е. даютъ одну, или двѣ копѣйки. Когда всѣ надѣлы кончились, невѣста опять поетъ:

«Спасибо за надѣлы, за великіе,
За злато, за серебро.
Я не того, горюня, добиваюся,
Добиваюся благословенія сердечнаго.»

Всѣхъ гостей зовутъ не на *свадьбу*, а на *бесѣду*. Необходимые члены cadaго свадебнаго по-

ѣзда — дружки; отецъ невѣсты выбираетъ двухъ ловкихъ и распорядительныхъ молодцовъ; они угощаютъ всѣхъ, устриваютъ всѣ свадебные обряды, ѣздить съ невѣстою въ церковь. Дружки жениха исполняютъ въ отношеніи къ нему тѣже обязанности, какъ невѣстины. Кромѣ дружекъ, еще необходимы крестный отецъ и крестная мать съ той и другой стороны; они бывають при женихѣ и невѣстѣ безотлучно во все время церемоній; кромѣ того, со стороны жениха выбираются два брата, одинъ большій и одинъ меньшій; если есть родные братья, такъ не о чемъ и хлопотать; если же — нѣтъ, то ихъ замѣняютъ пріятелями. У невѣсты есть подружки, тоже неотлучныя во все время церемоній.

Когда невѣста возвратится домой, послѣ голошенья въ поляхъ, то съ подругами идетъ въ приизбицу; въ избѣ, между тѣмъ, столъ накрываютъ скатертью, ставятъ на него хлѣбъ да соль, и пустую тарелку. Передъ образомъ зажигаютъ свѣчку; дружка идетъ звать невѣсту, приводитъ ее за руку опять въ избу, рукояткою плети бьетъ въ потолокъ, или въ притолку, объявляетъ, что приводитъ молодую княгиню, вызываетъ отца и мать благословить ее и посадить за дубовый столъ, за яства сахарныя. Невѣста опять кланяется въ ноги, и ее благословляютъ; послѣ родителей дружка по-очередно

вызываетъ всѣхъ родственниковъ и наконецъ приглашенныхъ благословить молодую княгиню.

Когда уже некого вызывать, дружка беретъ шубу, постилаетъ ее шерстью вверхъ на скамейку, съ разными прибаутками, садится и объявляетъ, что никому мѣста не уступить: но отецъ невѣсты выкупаетъ его рюмкою водки, и на шубу за столъ сажаютъ невѣсту. Въ это время въ избу вносятъ ведро водки и ставятъ его на столъ. Подлѣ невѣсты съ одной стороны садится крестная мать, съ другой — подружки.

Дружка объявляетъ, что онъ заводитъ въ избѣ новые порядки, и старыхъ при немъ никто не долженъ держаться. «Любили вы гостей зазвать, любите и угощать!» восклицаетъ онъ; при этомъ самъ первый выпиваетъ чарку вина и передаетъ ея меньшему дружкѣ; тотъ тоже пьетъ; послѣ этого, старшій дружка по порядку, начиная съ отца и матери, строго придерживаясь степеней родства, называя по имени, подноситъ каждому по чаркѣ вина и проситъ надѣлить невѣсту златомъ-серебромъ и словомъ ласковымъ. Родители кладутъ на пустую тарелку отъ 5 до 10 коп. сер., а гости по одной и по полукопѣйкѣ. Когда всѣ выпьютъ водки и надѣлятъ невѣсту, подаютъ приготовленное купанье; прежде ужинаютъ родственники и самыя почетныя

гости. Невѣста сидитъ за столомъ, но ничего не ѣсть, а все только кланяется гостямъ.

Когда первая смѣна поужинаетъ, невѣста выходитъ изъ-за стола, кланяется отцу и матери въ ноги и благодаритъ за ужинъ. Во все время угощенья, подружки поютъ свадебныя пѣсни, величаютъ то того, то другаго изъ родственниковъ; каждый изъ возвеличенныхъ подноситъ пѣвицамъ рюмку водки и кладетъ въ нее немного денегъ. Подружки водку выпиваютъ, а деньги берутъ себѣ.

Послѣ закуски, подружки ведутъ невѣсту въ при-избицу; она тутъ ужинаетъ одна; въ избѣ ужинаетъ вторая смѣна гостей; дружка потѣшаетъ всѣхъ, начинается необузданное мужицкое веселье, пляшутъ подъ дудку, или скрипку; веселье тѣмъ шумнѣе и необузданнѣе, чѣмъ рѣже оно бываетъ у народа, забитаго нуждою и несчастіями.

Невѣста не входитъ больше въ избу; она ложится спать въ при-избицѣ, а подружки, напротивъ, безъ усталости поютъ и пляшутъ до 3, а иногда и до 5 часовъ утра.

Въ день вѣнчанья невѣста и ея подружки съ утра умываются и одѣваются въ нарядное платье; войдя въ избу, крестятся передъ образами, подходятъ къ матери и, вмѣсто привѣтствія, опять тѣмъ же печальнымъ, похороннымъ напѣвомъ, какъ наканунѣ, голосатъ:

«Свѣтъ, моя родная матушка,
Спалось-ли тебѣ въ ясную ноченьку?
Мнѣ, горюнѣ, ночушка не спалася:
Все думала про дальнюю, чужую сторонушку,
Про чужаго, нероднаго батюшку,
Про чужую, неродную матушку,
Какъ мнѣ угодить чужому батюшкѣ,
Какъ угодить чужой матушкѣ,
Походочкой-ли, али работушкой,
Али ласковымъ словечкомъ?...»

— «Свѣтъ, мое дитяtko милое,
Ложись спать ввечеру позднехонько,
Кончай работу скорехонько,
Вставай поутру ранехонько,
Иди на работу веселехонько.

И ты угодишь чужому, неродному батюшкѣ.
И ты угодишь чужой, неродной матушкѣ.»

Послѣ этого начинается тоже голошенье и тоже прощанье со всѣми домашними строеніями, со скотомъ и съ дворомъ; невѣста въ послѣдній разъ съ глубокою грустью обходитъ всѣ мѣста, знакомыя ей съ дѣтства, всѣ закоулки, служившіе ей для игры — ребенкомъ и нерѣдко для горькихъ слезъ обманутаго ожиданія — взрослой.

Со двора возвращаются въ при-избицу и собираютъ невѣсту къ вѣнцу; посрединѣ горенки опрокидываютъ квашню вверхъ дномъ и покры-

вають ее шубой шерстью вверхъ; дружка также, какъ наканунѣ, только за выкупъ уступаетъ свое мѣсто невѣстѣ. Съ причитаньями и съ жалобнымъ голошеньемъ, ей чешутъ голову и разбрасываютъ незаплетенные волосы по плечамъ. Въ сапогъ, или башмакъ, подъ соломѣ, неизбѣжную принадлежность обуви, кладутъ какую-нибудь небольшую монету, завернутую въ лоскутокъ бараньяго мѣха. Волосы невѣсты чешетъ каждый, начиная съ старшаго дружка; онъ проводитъ щеткою одинъ разъ по волосамъ, кладетъ отъ одной до 5 к. сер. на блюдо и передаетъ щетку поочередно всѣмъ остальнымъ присутствующимъ; всѣ надѣляютъ невѣсту и чешутъ ее. Когда она причесана, подружки отъ ея имени поютъ:

Заплетите мою косу русую,
Замкните мою косу русую,
Девятью замками,
Чтобъ не наѣхали татары,
Чтобы не расплели
Мою косу русую,
Не снялибъ съ головы
Моего дѣвичьяго вѣнка.

Дружка за руку ведетъ невѣсту въ избу; тамъ повторяются тѣже поклоны въ землю, тѣже благословенія, что наканунѣ, тѣже надѣлы и тоже уго-

щеніе. Мать и отецъ на этотъ разъ надѣляютъ не только деньгами, но подаютъ по пирогу, воткнувъ въ него цѣлковый, или полтинникъ. Пироги и деньги хранятся у крестной матери невѣсты до тѣхъ поръ, пока на другой день послѣ свадьбы не отдаются въ полную собственность молодой.

За всеобщими надѣлами, всѣ кромѣ невѣсты завтракаютъ и опять пьютъ; но наступаетъ время ѣхать въ церковь: дружка за руку выводитъ невѣсту изъ-за стола; она прощается съ родителями; кланяется имъ въ землю; а дружка вызываетъ домашнихъ, запечныхъ, подпольныхъ и другихъ духовъ домашнихъ благословить невѣсту, надѣлить ее и отпустить на новую, счастливую жизнь.

Невѣста садится въ телѣгу, или въ сани рядомъ съ крестною матерью; на плечи невѣсты надѣваютъ шубу, распущенные волосы покрываютъ платкомъ, а другой сверхъ перваго, самый большой, закрываетъ не только голову, но и лице такъ, что его вовсе не видно. Телѣги или сани невѣсты и поѣзжанъ въ двѣ лошади; дружки скачутъ по сторонамъ верхомъ. Лошади, съ бубенчиками и съ колокольчиками подъ дугой, мчатся веселою гурьбою.

Въ церковь невѣсту ведетъ крестная мать; за нею дружки и подруги. Послѣ совершенія таинства бракосочетанія, при выходѣ молодыхъ изъ церкви, крестная мать жениха бросаетъ въ нихъ нѣсколько

горстей ячменя, въ знакъ того, чтобы они во всю жизнь не нуждались въ хлѣбѣ. Вообще въ каждомъ обрядѣ, или въ каждомъ обыкновеніи бѣлорусскихъ крестьянъ проглядываетъ забота о насущномъ хлѣбѣ. Хлѣбъ дарятъ, зерномъ посыпаютъ, на хлѣбную квашню сажаютъ, все съ тѣмъ, чтобы желаніе довольства выразилось осязательно, чтобы хлѣбъ въ какомъ бы то ни было видѣ постоянно присутствовалъ при обрядахъ и празднествахъ, которые предшествуютъ самому важному мгновенію въ человѣческой жизни.

Послѣ вѣнца молодые отправляются закусывать къ кому-нибудь изъ знакомыхъ, или родственниковъ, или, если по близости отъ церкви ни тѣхъ ни другихъ нѣтъ, то заходятъ на постоялый дворъ, въ корчму, и ѣдятъ нарочно для этого привезенные съ собою пироги и мясо. Послѣ закуски женихъ съ своими поѣзжанами ѣдетъ къ себѣ домой, а невѣста съ своими — къ себѣ. Надобно замѣтить, что наканунѣ свадьбы и въ день свадьбы съ женихомъ повторяются почти всѣ тѣ-же обряды, какіе съ невѣстой, съ тою только разницей, что не го-лосятъ такъ похоронно-жалобно, не чешутъ волосъ и не покрываютъ лица; у него на головѣ шапка, и при каждомъ поклонѣ дружка ее снимаетъ и опять надѣваетъ.

За невѣстой женихъ можетъ пріѣхать только

въ сумерки, онъ пережидаетъ, пока не зажгутся огни въ избахъ и тогда только подъѣзжаетъ къ дому невѣсты. Когда молодой, или молодому случается проѣзжать черезъ чужую, или свою деревню, навстрѣчу выскакиваютъ молодые люди и останавливаютъ поѣздъ; отъ нихъ откупаются чаркой водки; дружки постоянно держать ее при себѣ и она идетъ почти на непрерывное угощеніе всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ.

Когда молодая возвращается изъ церкви, ее встрѣчаютъ подруги, обнимаютъ, цѣлуютъ и ведутъ въ избу; отецъ и мать ее вновь благословляютъ; при этомъ подруги опять голосятъ также печально, какъ до вѣнца.

Братъ снимаетъ у сестры съ головы платокъ и покрываетъ имъ себѣ голову, потомъ беретъ повязку дѣвичью и проч. украшенія и, положивъ все на тарелку, уходитъ съ нею; за нимъ гонится сестра вмѣстѣ съ подругами и умоляетъ отдать ей нарядъ дѣвичій; долго гоняется она за братомъ съ распущенными волосами, непокрытой головой, причитая самыя жалобныя просьбы. Наконецъ онъ какъ-бы тронуть ея горемъ и отдаетъ ей тарелку съ дѣвическимъ головнымъ уборомъ.

Тутъ начинается тоскливое пѣніе: молодая съ подругами ходитъ по двору и по задворкамъ, отъискивая, куда-бы ей положить свой головной уборъ;

вездѣ дурно: здѣсь скотъ ходитъ и въ грязь затопчетъ, тамъ телѣга наѣдетъ, тутъ люди ходятъ и пылью замечутъ; наконецъ ей какъ-бы приходитъ на мысль подарить головной уборъ любимой подружѣ; она кланяется ей въ ноги и говоритъ:

Свѣтъ моя сестрица, милая подружка!

Возьми мою красу дѣвичью:

Ты будешь жить у роднаго батюшки,

Будешь жить у родной матушки;

Носи мою красу дѣвичью,

Не кидай ее въ черну грязь!

Не топчи ее ногами скорыми!...

При этомъ молодая и подружка плачутъ горько, надрываются. Между тѣмъ уже смерклось; жениховъ поѣздъ подъѣзжаетъ къ деревнѣ, его дружка кнутовищемъ стучитъ въ дверь, говоритъ, что ночь его застигла въ чужой сторонѣ, и проситъ позволенія обогрѣться и переночевать. Начинаются переговоры съ дружкой молодаго; первый говоритъ, что приѣхали за невѣстой, но на это отвѣчаютъ, что невѣсты здѣсь нѣтъ; она ходила гулять по полямъ, по лугамъ и темнымъ лѣсамъ, да и потеряла свои золотые ключи и теперь отыскиваетъ ихъ. Дружка жениховъ отвѣчаетъ: «твоя сказка намъ не помѣха. Нашъ молодой князь не гулялъ, а съѣздили въ городъ, накупили шелку крѣпкаго,

изъ шелку навязаль сѣтей, закинулъ ихъ въ синее море и поймалъ щуку бѣлую; поймалъ щуку бѣлую, разрѣзалъ ей сердце крѣпкое и въ немъ нашель золотые ключи. Такъ ключи тѣ княгинины у князя нашего молодого.»

Послѣ этого уступаютъ одинъ другому въ спорѣ, отворяютъ ворота, и между тѣмъ какъ молодой въѣзжаетъ, его дружка угощаетъ виномъ всѣхъ домашнихъ, а невѣстинъ дружка всѣхъ пріѣзжихъ, исключая жениха, который вообще не пьетъ, или пьетъ очень мало и то не вмѣстѣ со всѣми, а отдѣльно, когда его угощаютъ.

Войдя въ избу, поѣзжане молодого начинаютъ выкупать невѣсту отъ подружекъ, сначала водкой, которую подносятъ каждой, потомъ деньгами; начинается торгъ, дружки набавляютъ по копѣйкѣ и оканчивается тѣмъ, что подруги выдаютъ невѣсту за 15, или 25 коп.

Дружки наконецъ подають руку молодой; а отецъ ея говорить молодому: «даю тебѣ, зять, жену не кривую, а прямую; дай ей льну, пусть прядеть и ткеть; увидишь, умѣетъ-ли она работать; дай ей ржи — она тебѣ испечетъ хлѣбъ. Я выростилъ и выучилъ ее, пусть теперь послужить тебѣ, какъ угождала и служила отцу и матери.»

Новобрачные кланяются въ ноги отцу и матери и дружка ихъ сажаетъ за столъ, уставленный ку-

шаньями. Въ это же время всѣ дѣти и подростки, находящіеся въ комнатѣ, обращаясь къ подругамъ, поютъ насмѣшливо: «а что, *боярки*, пкли, пѣли и веселились и молодую княгиню пропили; теперь что вамъ дѣлать? Свиной пасти! свиной пасти!»

Подруги, между тѣмъ, приплясываютъ, бьютъ въ ладони и тоже повторяютъ нѣсколько разъ: «мы князя обманули, старой бабой подарили!»

Во весь ужинъ молодые сидятъ за столомъ, сами ничего не ѣдятъ, а только клянутся и благодарятъ то за надѣлъ, то за поздравленіе. Послѣ ужина ихъ самихъ угощаютъ въ при-избицѣ; во время этого вторая смѣна гостей садится за столъ въ избѣ и тоже ужинаетъ. Послѣ возвращенія въ избу, молодые собираются въ путь, прощаются съ отцемъ и матерью невѣсты, кланяются имъ въ ноги; отецъ и мать благословляютъ ихъ образомъ и даютъ его имъ на дорогу.

Когда выходятъ садиться въ повозки, или сани, сундукъ съ вещами стоитъ уже на крыльцѣ; на немъ сидитъ дружка молодой и не отдаетъ вещей до тѣхъ поръ, пока ихъ не выкупятъ за 15, или 25 коп. сер.; деньги отдаются матери невѣсты. Вещи приданого ставятъ на одну повозку; на нее садится дружка и крестная мать молодой; на другую телѣгу — сама молодая съ мужемъ; остальные поѣзжане верхомъ и въ телѣгахъ.

Когда новобрачные прибудутъ въ родительскій домъ жепиха, молодой у крыльца долженъ поднять жену и помочь ей сойти съ телѣги; если же мужъ не въ силахъ поднять своей жены, тогда всѣ окружающіе насмѣхаются надъ его безсиліемъ и говорятъ: «тебѣ-бы собрать цѣлый міръ, чтобы поднять жену; гдѣ тебѣ, безсильному! Ишь она сидитъ, какъ присмоленая.»

Если на дворѣ, какъ это почти обыкновенно бываетъ, грязно, то передъ пріѣздомъ молодыхъ настлаютъ соломы; навстрѣчу къ поѣзду выходятъ родители и гости съ зажженою лучиною въ рукахъ; отецъ въ обыкновенномъ крестьянскомъ платьѣ, а жена его въ шубѣ, вывернутой наизнанку, шерстью вверхъ. Отецъ привѣтствуетъ новобрачныхъ, пьетъ за ихъ здоровье, а молодые кланяются ему въ ноги; мать молодаго подаетъ невѣсткѣ пирогъ, завернутый въ бараній мѣхъ, а та подаетъ ей тоже пирогъ, только ни во что не завернутый; когда онѣ пирогами обмѣняются, мать обхватываетъ невѣстку и говоритъ ей: «ну-ка, дочушка, помѣряемся, кто изъ насъ сильнѣе!» Обѣ дѣлаютъ видъ будто борятся, а зрители говорятъ: «наша взяла!» Пріѣзжіе съ невѣстой поѣзжане говорятъ: «нѣтъ, наша взяла» и т. д. Крестныя же матери жениха и невѣсты поднимаютъ пироги надъ головой и кричатъ: «мой выше! Мой выше!»

Эта церемонія служитъ знакомъ того, что одна изъ женщинъ возьметъ верхъ, но которая — пришлая-ли, чужая, или мать, вопросъ этотъ всегда остается нерѣшеннымъ, пока онъ не разрѣшится впоследствии на самомъ дѣлѣ. Наконецъ мать беретъ оба пирога и вмѣстѣ съ отцемъ уходитъ въ сѣни и запираетъ за собою дверь. Женщины, между тѣмъ, поютъ свадебныя пѣсни, но уже не печальныя, какъ въ домѣ у неvěсты, а веселыя и даже насмѣшливыя.

Молодые стоятъ на крыльцѣ; ихъ не пускаютъ въ избу; дружка подходитъ къ двери, пробуетъ ее отворить, но она заперта изнутри; онъ рукояткою плети креститъ замокъ и говоритъ: «батюшка, матушка, будьте милостивы, не будьте спѣсивы, будьте ласковы, впустите въ избу, примите въ семью!»

Отецъ отворяетъ дверь и благословляетъ каждаго переступающаго порогъ. Крестная мать неvěсты старается первая войти въ избу; за ней входитъ молодая и на печку бросаетъ поясокъ, какъ приношеніе домашнимъ духамъ, чтобы приняли ее ласково и любили ее. Крестная мать ея при этомъ бросаетъ навстрѣчу молодымъ нѣсколько пригоршней ячменя, смѣшаннаго съ хмѣлемъ, крестная мать жениха тоже самое дѣлаетъ сзади, имъ въ догонку; такъ какъ въ немъ бываетъ много пыли и маханы, то нерѣдко засыпаютъ имъ глаза.

Здѣсь опять повторяется тоже, что было у молодой — и благословенія, и надѣлы, и поклоны въ землю, однимъ словомъ, все, что уже было поутру и наканунѣ.

Бдять много, больше, чѣмъ когда-нибудь во все остальное время года, а иногда и цѣлой жизни; водки пьютъ до-сыта, и потому перѣдко происходят ссоры, буйства и другія безобразныя слѣдствія нетрезвости.

Гости ночуютъ тутъ же въ повалку на саломѣ, гдѣ пировали и, кромѣ хозяйки, на другой день встаютъ очень поздно и опять принимаются пировать. Надѣлы, поздравленія и повязыванье головы молодой *сорокою* происходят тоже съ обрядами; кромѣ того, еще бывають поученія и наставленія; напримѣръ, молодые кланяются отцу въ ноги и лежатъ, пока онъ не кончитъ поученія: «Богъ васъ благословить, дѣтки, живите хорошо, живите дружно, любите другъ друга, бойтесь и уважайте старшихъ; а ты, доченька, мети нашу избу чистехонько, сору за окно не выбрасывай, а клади къ сторонкѣ; я же самъ соберу толоку и къ Петрову дню его вывезу.» Это значить, что дома дѣлается, то чужимъ не разглашай, а если понадобится, я самъ скажу кому, и что слѣдуетъ.

Иногда женщины какъ-бы экзаменуютъ молодую умѣеть-ли она что дѣлать; одна говоритъ:

«ишь, солома-то вся разбросана по полу, надобно-бы ее убрать!»

Молодая бросает поясокъ на полъ, на солому.

Другая говорить: «ведро-то пустое, надобно-бы сходить за водою, да видишь, подчепка плоха, оборвется!»

• Молодая бросает поясокъ на ведро.

Еще которая-нибудь изъ домашнихъ замѣчаетъ, что вѣникъ развязался. И это поправляетъ молодая тѣмъ, что на вѣникъ бросаетъ поясокъ.

Дня черезъ три, послѣ свадьбы, иногда же на другой день, молодья отправляются къ родителямъ жены, просятъ ихъ къ себѣ въ гости и назначаютъ при этомъ сколько родныхъ привозить съ собою; впрочемъ, никогда больше шести человѣкъ не приглашаютъ. Тутъ опять пируютъ сутки, или двое: прѣзжаютъ обыкновенно на ночь и ночуютъ или одну, или три ночи, но не двѣ и не четыре; это противно приличіямъ. Послѣ посѣщенія родителей молодой послѣ *заывовъ*, слѣдуютъ *отзывы*, т. е. молодыхъ и ихъ домашнихъ приглашаютъ родители молодой и угощаютъ столько же дней, сколько сами пировали, и столькоихъ же зовутъ, сколькоихъ сами привозили.

Въ крестьянской жизни самый главный расходъ—свадебный: мужикъ иногда годъ, иногда два копить деньги на то, чтобы *справить свадьбу*. Онъ отка-

зываетъ себѣ въ самомъ необходимомъ, чтобы только набрать столько денегъ, сколько нужно для свадебныхъ издержекъ. Водки на свадьбахъ выпивается несмѣтное количество, пироговъ и хлѣбовъ сѣдается тоже, какъ будто всѣ гости хотятъ, хоть однажды въ жизни, наѣсться вволю. Это часто, въ самомъ дѣлѣ, такъ бываетъ; бѣлорусцы вообще такъ бѣдны; что имъ чистый ржаной хлѣбъ и пироги, какіе бываютъ на свадьбахъ,—не послѣдняя диковинка и служатъ большимъ лакомствомъ.

Бѣлорусскіе крестьяне невѣжественны, и поэтому имъ все кажется, что-либо дурной человѣкъ напустилъ какое зло, либо глазъ чей лихъ. При свадьбахъ чаще всего имъ кажется, что напущено какое-нибудь волхвованье: такъ, на примѣръ, ѣдетъ свадебный поѣздъ и вдругъ ни съ того, ни съ сего лошади стали; причиной такого несчастія, навѣрное, *ворожба*. Смотрятъ на телѣги — лошади стоятъ оттого, что одного колеса нѣтъ; и стоитъ поѣздъ, у всѣхъ въ глазахъ двоится, никто ясно не видитъ и того менѣе ясно понимаетъ. Случится прохожій и спрашиваетъ: что это, братцы, вы стоите?

— А того стоимъ, что телѣги на трехъ колесахъ!

Прохожій отвѣчаетъ: да, перекрестись, у телѣги четыре колеса, да всѣ здоровыс и крѣпкіе, до Петербурга доvezутъ. И весь поѣздъ трогается съ мѣста и безостаповочно ѣдетъ дальше. до дому.

Или во-время свадьбы, недобрый человекъ папустить сонъ на дружку, онъ повалится, спить и никакого обряда исполнять не можетъ. Всѣ старухи вплескиваютъ руками и говорятъ: горемычныя, напустили на него сонъ злые люди! Пропали наши головушки: *ворожбиты* на насъ сердятся, зло напускаютъ! Тужать старухи, а ни одной въ мысль не приходитъ, что ворожить для дружка самый лютый — вино, съ которымъ онъ слишкомъ часто совѣтовался.

Суевѣрій въ бѣлорусскихъ крестьянахъ, какъ и въ каждомъ необразованномъ народѣ, безчисленное множество. Пользуясь этимъ, злые люди дѣлаютъ преступленія, которыя остаются безнаказанны потому, что приписываются ворожбитамъ; такъ, напримѣръ, дружки по злобѣ на кого-нибудь изъ приглашенныхъ на свадьбу подсыпаютъ ему въ вино какое-нибудь вредное зелье, и опоенный начинаетъ хворать; идетъ къ знахарямъ, тѣ даютъ какое-нибудь лекарство; оно, по большей части данное невпопадъ, увеличиваетъ болѣзнь; она длится мѣсяць, другой, иногда полгода, и нерѣдко оканчивается смертью. На дружку, подсыпавшаго порошокъ въ вино, никто не имѣетъ подозрѣнія, а все сваливаютъ на кого-нибудь неизвѣстнаго, тайнаго ворожбита.

Домовые тоже нерѣдко играютъ немалую роль

въ несчастіяхъ крестьянина. Попадется лошадь *не къ дому*, т. е. такой масти, какую домовою не любить, лошадь худѣетъ, теряетъ сплы, по утрамъ ее находятъ въ конюшнѣ потною, съ понуренной головой. Очевидно, домовою ее ночью измучилъ и крестьянинъ ее продаетъ за безцѣнокъ, или она вовсе околѣваетъ; что дѣлать? говорить онъ, напастъ такая, *не къ дому!* Онъ покупаетъ такой масти, чтобы пришлась по дому; но опять лошадь пропадаетъ тѣмъ же порядкомъ. Однимъ словомъ, *не водъ* лошадямъ, или другой скотинѣ. Приписываютъ бѣду конюшнѣ, ее перестраиваютъ, переносятъ на другое мѣсто. Не помогаетъ, и крестьянинъ бѣднѣетъ со дня на день. Ищутъ причины въ домовомъ, или въ конюшнѣ, но никому и на умъ не приходитъ, что истощеніе лошадей и ихъ смерть зависятъ отъ дурнаго и недостаточнаго корма, отъ дурнаго, невнимательнаго ухода и отъ того, что отъ бѣднаго животнаго требуютъ выше силъ работы. Известно, что отъ этихъ причинъ у лошадей дѣлается въ родѣ изнурительной лихорадки и по утрамъ ихъ въ стойлѣ находятъ отъ этого потными, усталыми; если ихъ не лечить, не давать имъ лучшей и болѣе здоровой пищи, онѣ падаютъ; изъ этого всякій, немного развитый человекъ видитъ, что тутъ не домовою и не конюшня виноваты, а собственное перадѣніе, лѣность, или бѣдность.

Съ огнемъ обходятся почтительно; думаютъ, что если съ нимъ обходиться непочтительно, то онъ, осердившись, произведетъ пожаръ. Такъ зимою съ лучины обгорѣлый уголь не бросаютъ на полъ и не затаптываютъ ногою, а снимаютъ бережно двумя пальцами и тушатъ въ рукахъ. Огрубѣлая отъ работы кожа рукъ на пальцахъ позволяетъ тушить уголь, не обжигая пальцевъ.

Насчетъ огня вообще есть много повѣрьевъ. Когда тушатъ лучину, ее или оставляютъ въ свѣтцѣ, или бережно прячутъ на перекладинѣ, но никогда не бросаютъ. Случись, что наканунѣ праздника, или даже въ будни, огонь выйдетъ, его нельзя достать у сосѣдей, не дадутъ, и нерѣдко приходится бѣжать за огнемъ куда-нибудь версты за двѣ и за три. Огня дать кому-нибудь, значить подвергнуться опасности, что чужой скотъ въ тотъ годъ потравитъ (поѣстъ) или потопчетъ сасѣянное поле.

Если кто даетъ огня, то нагребаетъ горячихъ угольевъ въ горшокъ съ тѣмъ, чтобы ихъ, хотъ холодные, да принесли обратно. На всякій же случай обезпечиваютъ себя тѣмъ, что съ пришедшаго занимать огонь берутъ, подъ залогъ, верхнее платье, которое, въ случаѣ неисполненнаго условія, остается собственностію заимодавца.

Въ тотъ же день, когда у крестьянина голока,

онъ ни подь какимъ условіемъ не согласится дать огня; да никто за огнемъ и не поидеть въ та-кой домъ.

Весною, когда начинаютъ пахать поле, дня три сряду по вечерамъ не зажигаютъ огня, ужинаютъ и ложатся спать за-свѣтло. И все это стѣмь, чтобы скотъ и преимущественно свиньи не попортили засѣянныхъ полей.

Если крестьянинъ въ первый разъ отправляется сѣять рожь, то всячески заботится о томъ, чтобы неидти вмѣстѣ съ сосѣдомъ, или чтобы его другой мужикъ не обогналъ на дорогѣ. Если же такое несчастіе случится, что сосѣдь его обгонитъ или раньше его начнетъ бросать зерна, то совершенный неурожай отъ своей полосы крестьянинъ надѣется отворотить только тѣмъ, что сниметъ лапти, разуется и переверотитъ онучи задомъ напередъ, т. е. то мѣсто, гдѣ были пятки, положить на пальцы, и т. д., и послѣ этого сѣять уже съ спокойнымъ сердцемъ. Но случается, что крестьянинъ босикомъ; какъ тутъ быть? И на этотъ случай есть средство, но оно считается безчестнымъ и къ нему рѣдко кто прибѣгаетъ. Въ сѣмя насыпаютъ горсти три земли съ поля, перемѣшиваютъ ее съ зерномъ и, начиная сѣять, при каждомъ взмахѣ пришептываютъ: «пусть хлѣбъ у моего сосѣда, лиходѣя, совсѣмъ не поднимается! — Пусть

у него ростки идутъ въ землю, а корни вверхъ на свѣтъ! — Пусть вся бѣда и напасть упадетъ не на мою, а на его ниву!» Такой заговоръ бѣлорусскіе крестьяне рѣдко употребляютъ, и развѣ только тогда, когда имѣютъ злобу на сосѣда и придерутся къ этому случаю, чтобы ес вылить на него.

Въ тотъ день, когда первое свѣжее сѣно привезено на дворъ, крестьянинъ ничего не выдаетъ изъ дому — ни денегъ, ни вещей, ни на продажу, ни въ долгъ, ни займы; это для того, чтобы сѣно было спорко, что при бѣдномъ, недостаточномъ хозяйствѣ бѣлоруссца — важная вещь.

Между сосѣдами случается часто давать, или продавать другъ другу скотину, или птицу на племя. Но и это не всегда можно сдѣлать: 1) за деньги на племя не покупаютъ, а вымѣниваютъ или на другое животное, или на какую-нибудь вещь; но вадобно, чтобы вещь понравилась. 2) Изъ дома нагорнаго не промѣняютъ какое-бы то ни было животное въ *селнице*, или въ избу, стоящую немного ниже, т. е. подъ горою; это принесло бы несчастье; изъ нагорнаго дома все состояніе, все добро, какъ ручей, покатилося бы внизъ, въ ту семью, которая живетъ ниже. Точно также и займы съ нагорнаго дома въ подгорный не даютъ, а обратно — очень охотно и все по тѣмъ же причинамъ.

Бѣлорусскіе крестьяне преимущественно народъ земледѣльческій; духъ промышленности у нихъ дремлетъ, охоты къ ремесламъ очень мало и въ ремеслахъ они очень неловки: изъ нихъ бывають и портные, но еле-еле мастерятъ крестьянскіе кафтаны; есть и колесники и кузнецы, но колеса ихъ только годятся для простой и легкой телѣги. Кузнецы же могутъ сковать лемешъ для сохи, сдѣлать подкову и подковать лошадь, далѣе искусство не простирается; косы же и серпа никакъ сдѣлать не съумѣють.

Нѣкоторые крестьяне, очень бѣдные, или съ очень плохую землю, ходятъ на заработки подѣ Петербургъ, на кирпичные, или известковые заводы, нѣкоторые отправляются на шоссѣ, или на желѣзныя дороги для земляныхъ работъ, но изъ этого выходитъ мало толку для семейства; парень хотя и заработаетъ денегъ, но въ хозяйствѣ отсутствіе рабочаго человѣка очень чувствительно; оказывается, что земля плохо, или не во-время вспахана и засеяна, сѣно не убрано и т. д.: женщины однѣ не могутъ управиться. Но это зло могли-бы вознаграждать деньги, принесенныя съ заработковъ; ничуть не бывало: молодой человѣкъ на чужой сторонѣ приучается къ роскоши — къ лучшей пищѣ и частому употребленію водки, такъ что когда вернется домой, ему бѣдная жизнь кажется еще не-

сносѣе, онъ съ горя пропиваетъ послѣднюю копейку и даже тащитъ домашнее тряпье въ корчму.

Ему надоѣдаетъ бѣдность, голодъ и онъ опять идетъ на заработки, не думая о томъ, что станется съ его семьей; ужъ онъ только о себѣ хлопочетъ. Внимательные наблюдатели замѣтили, что изъ парней, бывшихъ раза четыре на заработкахъ, не выходитъ хорошихъ хозяевъ; они привыкли къ роскоши, щегольству, къ бродяжничеству, къ пьянству и лѣни. Поэтому люди, мало-мальски порядочные, не отпускаютъ своихъ дѣтей на заработки, какъ-бы выгодны не казались предложенія подрядчиковъ, которые съ тѣмъ и ѣздятъ по деревнямъ, чтобы отыскивать работниковъ и нанимать ихъ, давая задатки въ такое время, когда крестьяне больше всего нуждаются.

Впрочемъ по окончаніи лѣтнихъ работъ, многіе крестьяне идутъ въ ближніе губернскіе города и въ сосѣдніе уѣздные на работу, или нанимаются къ богатымъ крестьянамъ, чтобы пилить дрова или тесъ, плотничать, чесать и трепать ленъ и т. п. Работы всегда много, особенно на пристаняхъ, гдѣ зимою по берегамъ рѣкъ, или на маленькихъ рѣчкахъ нагружаютъ барки дровами, чтобы во время половодья ихъ сплавлять въ Ригу. Такіе заработки не продолжительны и очень полезны, хотя и мало денегъ приносятъ въ семью, а полезны отъ

того, что работникъ зимою дома не ѣсть даромъ хлѣба, а напротивъ еще приобрѣтаетъ кое-что; отъ зимняго отсутствія мужчинъ хозяйство нисколько не страдаетъ.

Всѣ бѣлорусскіе крестьяне, и богатые, и бѣдные, какъ мы уже прежде говорили, нуждаются въ хлѣбѣ. Но хлѣба родится мало отъ дурнаго способа обрабатывать земли, отъ недостатка удобренія, отъ дурнаго свойства земли и наконецъ отъ того, что вниманіе крестьянъ болѣе обращено на посѣвъ льна, нежели на правильный засѣвъ земель зерновымъ хлѣбомъ.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ льну сдѣлали очень небольшіе участки земли, но какъ-то сдѣлался большой запросъ на ленъ; крестьяне продали, что у нихъ было припасено дома, да и начали засѣвать больше, чѣмъ до тѣхъ поръ. Они продажею льна выручали деньги, необходимыя на уплату податей, на покупку соли и т. п. неизбѣжныхъ покупныхъ предметовъ домашняго быта.

Нѣкоторые помѣщики, желая развить льняное производство, стали принимать ленъ вмѣсто денегъ, для покрытія оброка и другихъ повинностей. И такъ льна стали выращивать больше, чѣмъ всякаго другаго хлѣба. Казалось-бы, чего же лучше? Крестьянину выгодно: но ленъ землю больше истощаетъ, чѣмъ другія растенія, на льняной участокъ

идеть больше удобренія и поэтому льняной участокъ поля отнимаетъ удобреніе, которое пошло бы на другіе участки и, истощивъ землю, дѣлаетъ ее негодною для другаго посѣва.

Въ настоящее время нѣкоторые богатые земледѣльцы уже поняли, сколько вреда отъ посѣва льна, и потому сѣютъ его не на своей землѣ, а нанимаютъ участки у такихъ горемыкъ, которые не могутъ ихъ обрабатывать сами, потому что у нихъ нѣтъ ни сохи, ни лошади, ни сѣмянъ. Какъ же они пробавляются? Идутъ въ работники къ людямъ зажиточнымъ; если и это не удастся, бездомовными бродятъ съ мѣста на мѣсто и протягиваютъ руку за милостыней.

Нигдѣ въ Россіи нѣтъ столько нищихъ, какъ въ Бѣлоруссіи; несчастные бѣдняки эти не ограничиваются своею губерніей, а идутъ дальше въ сосѣднія, наводняютъ ихъ, доходятъ нерѣдко до Петербурга; здѣсь ихъ можно узнать и по костюму, и по запуганному виду, и по языку.

Льняное производство, кромѣ прямого вреда землѣ, имѣетъ еще и косвенный; крестьяне неохотно продаютъ товаръ свой на мѣстѣ и вообразили себѣ, что имъ гораздо выгоднѣе самимъ его отвозить въ Ригу. Для этого, набравъ пудовъ 7 или 8 льну, бѣлоруссецъ запрягаетъ свою лошаденку въ сани и зимою ѣдетъ въ городъ Ригу.

Прибывъ туда, онъ пудъ льна продаетъ за 2 р.; но этого сдѣлать скоро нельзя, для этого придется прожить два-три дня; останавливаются на постоянныхъ дворахъ, что обходится очень дорого; крупные купцы не скупаютъ льна по мелочамъ, а покупаютъ его опять мелкіе торговцы, ничѣмъ не лучше тѣхъ, которые бы купили ленъ на мѣстѣ; за провозъ платятъ только какую-нибудь полтиною больше; къ тому же, на постоянныхъ дворахъ крестьянина угощаютъ; онъ попадаетъ на эту приманку и, когда дѣло доходить до расчета, у него вычитаютъ за житье больше, чѣмъ бы ему хотѣлось изстратить, и онъ отправляется домой съ 10 пудами соли и съ двумя-тремя рублями денегъ. Доля незавидная; по приѣздѣ домой онъ продаетъ часть соли и получаетъ нѣкоторый барышъ; но все это не вознаграждаетъ потери времени и издержекъ на перевозъ. Оставаясь дома, крестьянинъ довольствуется самъ голодною пищею, какъ и семья его, но отправляясь въ извозъ, онъ считаетъ себя вправѣ каждый день выпить рюмку водки и поѣсть посылтѣе; онъ и правъ: при плохой одеждѣ, въ большіе холода, ему безъ этого не вынести бы переѣзда до Риги.

Вотъ эти-то мелкія удобства и врожденная чело-вѣку страсть къ перемѣнѣ мѣста и дѣлаютъ что крестьяне получаютъ страсть къ путешествіямъ въ

Ригу; вереницы ихъ тянутся туда изъ Бѣлоруссiи съ незначительною кладью своею, на исхудалыхъ, косматыхъ лошадакахъ, которыя не больше годовалаго теленка. Лошадямъ выгода: онѣ хоть поработаютъ больше, чѣмъ дома, но за то въ дорогѣ получаютъ овесъ, котораго дома ни въ какомъ случаѣ не видали бы. Крестьянинъ овесъ и сѣно беретъ съ собою изъ дому, чтобы не покупать на дорогѣ; и это лишняя противъ домашняго трата: дома онъ лошадь кормитъ соломою съ небольшою примѣсью сѣна, и вмѣсто овса даетъ отруби, или сѣчку, т. е. мелко-нарубленную солому и облитую кипяткомъ промѣшивааетъ съ отрубями и горстью овса.

По недостатку смѣтливости и по причинѣ неразвитаго духа промышленности, бѣлорусскiе крестьяне неспособны ни къ какому торговому предпрiятiю, и поѣздку въ Ригу считаютъ необходимою только потому, что привыкли къ ней: «отцы и дѣды такъ дѣлали, отчего же намъ туда не ѣздить?» Но больше всего въ эту поѣздку манитъ ихъ возможность сытно поѣсть и выпить лишнюю чарку горѣлки.

Землю крестьяне обрабатываютъ тѣми же первобытными земледѣльческими орудiями, какъ въ старину; соха походитъ на двѣ плохо-сложенныя жерди, между которыми неуклюжiй лемешъ; сбруя на лошади плетевая изъ лыка, или просто связанная

изъ веревочекъ, вся въ уздахъ, никуда негодная, рвется на каждомъ шагу. Бороны деревянные, сдѣланныя изъ елокъ, въ которыхъ сучья торчатъ, какъ рогули, во всѣ стороны, и чтобы лучше разбивала землю и была потяжелѣе на нее кладуть камни.

Бѣдность въ Бѣлоруссiи такъ велика, что многіе жнутъ и ѣдятъ недозрѣлый, зеленый хлѣбъ. Начинаютъ жать обыкновенно около 20 іюля, Ильина дня; хозяйка дома сама идетъ въ поле *на зажинки*, беретъ съ собою лопоть хлѣба, или, если есть, цѣлый хлѣбъ, соли и сыру; ставитъ все на землю, какъ-бы приношеніе, жертву землѣ, и сжавъ и связавъ первый снопъ, кладетъ его на землю подлѣ хлѣба. По настоящему, какъ жертву, хлѣбъ, соль и сыръ слѣдовало-бы оставить тутъ на полѣ, но довольствуются тѣмъ, что бросаютъ нѣсколько крохъ, а остальное уносятъ домой; это часто крайне необходимо, потому что, можетъ быть, это послѣдній хлѣбъ, какой есть дома, и безъ него пришло-бы голодать. Первый снопъ тоже приносится домой, его ставятъ на божницу, впоследствии обмолачиваютъ отдѣльно, зерно собираютъ отдѣльно и хранятъ до Великаго, или Чистаго четверга, на Страстной недѣлѣ несутъ его въ церковь, освящаютъ и потомъ примѣшиваютъ зерно къ зерну, назначенному на посѣвъ.

Зажинки дѣлаются хозяйкой всегда въ одиноч-

ку, но обанчиваютъ жать всегда *толокою*. На толоку крестьянинъ приглашаетъ всѣхъ сосѣдей, сколько ему нужно работниковъ; *толоку*, или помощь собираютъ или для сѣнокоса, или для того, чтобы лучше и скорѣе вывезти удобрение; для той и другой работы приглашаютъ мужчинъ и женщинъ, а для дерганья льна, или для *дожинокъ*, послѣдняго житья, приглашаютъ только женщинъ. Мужская толока отъ женской отличается только большимъ или меньшимъ количествомъ водки.

Наканунѣ дня, назначеннаго для толоки, хозяинъ ходитъ изъ дома въ домъ, зоветъ къ себѣ на работу и хвалится тѣмъ, что у него ѣды будетъ вдоволь и водки — разливанное море. Водка такъ заманчива для бѣлорусскихъ крестьянъ, что они изъза нея готовы работать до изнеможенія и биться изъ всѣхъ силъ; да и ѣда вволю — не послѣднее дѣло.

Въ назначенный день, приглашенные приходятъ чѣмъ свѣтъ, имъ подносятъ по чаркѣ водки, по ломтю хлѣба съ солью и, хоть-бы то были жницы, никто не отказывается отъ вина; всѣ гурьбою идутъ на поле. Во время толоки для дожинокъ, выбирается старшая жница; она распоряжается работами. Подъ вечеръ, когда послѣдній колосъ сжать, отъ послѣдняго снопа оставляютъ столько, чтобы сплестъ вѣнокъ. Плететь его старшая жница и надѣваетъ его себѣ на голову.

Каждая женщина кладетъ себѣ серпъ на плечо, всѣ собираются кучкой, затягиваютъ пѣсню, приспособленную къ этому случаю, и идутъ въ деревню.

Хозяинъ дома, между тѣмъ, уже готовъ принять гостей-работниковъ; столы покрыты бѣлыми скатертями; водка стоитъ на столѣ, кушанье изготовлено, пироги — изъ обыкновенной ржаной муки, иногда съ начинкой изъ каши, иногда съ лукомъ, испечены; все готово! Когда хозяинъ слышитъ пѣсни жницъ, онъ выходитъ на крыльце и ждетъ ихъ. Жницы подходятъ къ нему съ пѣснями, старшая поздравляетъ его съ окончаніемъ жатвы, снимаетъ съ своей головы вѣнокъ и надѣваетъ его на голову хозяину.

Онъ ведетъ всѣхъ въ избу и вмѣстѣ съ домашними угощаетъ; послѣ ѣды идутъ по домамъ, но у богатыхъ, или тароватыхъ, послѣ ужина появляется музыкантъ съ дудкой, или со скрипкой, и тогда начинается истинное веселье, пляска безконечная, которая нерѣдко длится до самаго утра.

Изъ всего нами сказаннаго видно, что бѣлоруссы народъ неразвитой, безъ большой смѣтливости не только въ промышленности, но даже и въ своемъ домашнемъ, крестьянскомъ быту, въ земледѣліи. Отъ невѣжества въ немъ развилась пагубная страсть къ пьянству, которое за собою ведетъ и другіе пороки. Мелкая кража между крестьяна-

ми повсемѣстна; крадутъ другъ у друга хлѣбъ изъ закрома, веревку, забытую на улицѣ, или оставленную соху, борону, лопату, сбрую, холстъ, высланный на травѣ для бѣленья, или повѣшенный на тынѣ послѣ стирки; и воровство это происходитъ опять отъ пьянства: крестьянину нужно что-нибудь добыть внѣ дома, чтобы стащить въ кабакъ.

Зависть къ счастью, удачѣ своего сосѣда грызетъ сердце бѣлорусца; онъ со злобою говоритъ о томъ, что у такого-то лучше скоть, чѣмъ у него, лучше возшелъ посѣвъ и всячески старается явно, или тайно повредить ему. Если какой крестьянинъ раньше другихъ вспашетъ свою полосу, онъ непременно прирѣжетъ себѣ немного земли отъ сосѣдей справа и слѣва, и оттого выходитъ, что полосы у крестьянъ неравны, у одного больше, у другаго меньше.

А между тѣмъ, несмотря на невѣжество, на грубость и на вѣчную нужду, въ этомъ народѣ кроются зачатки лучшаго, высшаго развитія, кроется чувство и поэтическія начала, которыя какъ свѣтлыя искры блестятъ въ ихъ праздничныхъ пѣсняхъ, т. е. въ тѣ минуты, когда душа сбрасываетъ съ себя житейское горе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Извозъ	1
Судьба!	78
Народныя сцены:	
I. Лѣсная женщина.	153
II. Своевольная бѣдность.	203
Какая бѣдность бываетъ на свѣтѣ	225
Иванъ Подкова	270
Очеркъ Малороссійскаго быта	289
Бѣлорусскіе крестьяне.	337
